

ФИКСЕР

ЛЮБУЮ ПРОБЛЕМУ
МОЖНО РЕШИТЬ ЗА
ОПРЕДЕЛЕННУЮ ПЛАТУ

[VK.COM/E_BOOKS_VK](https://vk.com/e_books_vk)

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

Шестнадцатилетняя Тэсс провела всю свою жизнь на ранчо своего дедушки. Но когда они с сестрой Айви переезжают в округ Колумбия, Тэсс попадает в мир, заикленный на политике и власти. К тому же, она поступает в Академию Хардвика — школу для детей богатых и влиятельных, где она непреднамеренно становится фиксером жизни старшеклассников, решая проблемы подростков так же, как её сестра решает проблемы их родителей.

Жизнь Тэсс становится намного интереснее — и сложнее — когда на свет выплывают тайны, связанные с членом семьи одного из одноклассников Тэсс, любовными треугольниками и невероятными семейными секретами.

Дженнифер Линн Барнс

ФИКСЕР

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Насколько я могла судить, в жизни моего учителя истории было всего три радости: цитировать Шекспира, выискивать исторические неточности в телешоу и отчитывать Райана Уошберна.

— Тысяча восемьсот шестьдесят третий год, мистер Уошберн. Разве так сложно запомнить? Авраам Линкольн подписал «Прокламацию об освобождении рабов» в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году.

Райан был здоровяком. Он постоянно держался в тени, был немного стеснительным. Я понятия не имела, почему мистер Симпсон решил, что его стоит поставить на место — раз так семь. Но именно так проходили наши уроки истории: Симпсон вызывал Райана, снова и снова, пока тот не ошибался. А затем начиналось...

Пока мистер Симпсон ругался, Райан не отводил глаз от столешницы, склонив голову так низко, что его подбородок касался ключицы. Сидя слева от него, я видела, как напрягаются его плечи, как на его шее проступает пот.

Я сильнее сжала карандаш.

— Куда подевался тот перспективный ученик, о котором мои коллеги постоянно болтают в учительской? — весело спросил у Райана мистер Симпсон. — У вас хватает фанатов в этой школе, мистер Уошберн. Разве могли все они ошибаться насчет ваших интеллектуальных способностей? Возможно, освобождение всех до единого рабов в этой стране просто не настолько существенно, чтобы ученик вроде вас запомнил дату этого события?

— Простите, — пробормотал Райан. Его кадык вздрогнул.

Внутри меня что-то сломалось.

— Не всех рабов, — ровно произнесла я.

Мистер Симпсон прищурился и перевел взгляд на меня.

— Вам есть чем поделиться с классом, мисс Кендрик?

— Да, — я давно потеряла южный акцент, с которым приехала в Монтану, когда мне было четыре, но привычка говорить не спеша всё ещё оставалась при мне. — «Прокламация об освобождении рабов», — неторопливо продолжила я, — освободила только рабов в Конфедеративных штатах. Остальные девятьсот тысяч рабов были освобождены лишь после утверждения тринадцатой поправки в тысяча восемьсот шестьдесят пятом.

На подбородке мистера Симпсона дернулся мускул.

— Дурак думает, что он умен, мисс Кендрик, умный же знает, что он глуп.

В то утро я работала с пяти. А Райану всё ещё не удалось оторвать взгляд от парты.

Я откинулась на спинку стула.

— Мне кажется, леди слишком много заявляет.

— Хочешь рассказать мне, почему ты оказалась здесь? — школьный психолог пролистала мой файл. В ответ на моё молчание она оторвалась от компьютера, сложила руки на столе и подалась вперед. — Я беспокоюсь, Тэсс.

— Если вы о том, как мистер Симпсон издевается над самыми уязвимыми учениками, то я тоже беспокоюсь.

Слова «издевается» и «уязвимыми» подействовали на психолога, словно криптонит.

Она сжала губы в узкую линию.

— И ты думаешь, что «неприемлемая дерзость», — она прочитала слова с написанной мистером Симпсоном записки, — это конструктивный способ выражения твоего волнения?

Я решила, что этот вопрос был риторическим.

— Тэсс, к этому времени в прошлом году ты была в команде по легкой атлетике. Идеальная посещаемость. Судя по всему, ты была довольно общительной.

Не «общительной», а «довольно общительной».

— Теперь ты засыпаешь на уроках, игнорируешь задания. В этом семестре ты пропустила уже пять дней, а он ведь начался меньше трех недель назад.

Мне не стоило оставаться дома с гриппом, — тупо подумала я. Я позволила себе восстанавливаться два дня. А с моими пропусками, это было на два дня больше, чем я могла себе позволить. Мне не стоило открывать рот на уроке Симпсона. Я не могла позволить себе привлечь к себе внимание. К моей ситуации. Я это знала.

— Ты ушла из команды, — психолог безжалостно давила на меня. — Ты больше не общаешься с одноклассниками.

— У нас с ними нет ничего общего.

Я никогда не была популярной. Но когда-то у меня были друзья — кто-то, с кем можно было сидеть за ланчем, кто-то, кто мог начать задавать вопросы, если бы подумал, что что-то не так.

В этом и заключалась моя проблема. Сейчас друзья были роскошью, которую я не могла себе позволить.

Если очень захотеть, совсем не сложно заставить людей от тебя отвернуться.

— Боюсь, у меня нет другого выбора, кроме как позвонить твоему дедушке, — психолог потянулась за телефоном.

Не надо, — подумала я. Но она уже набирала номер. Я сжала зубы, стараясь не реагировать. Я заставила себя дышать. Скорее всего, дедушка не ответит. На тот случай если он возьмет трубку и всё пройдет плохо у меня была припасена целая гора оправданий.

Наверное, он только-только проснулся.

Всё дело в новых лекарствах.

Он не любитель телефонных разговоров.

Пятнадцать или двадцать минут ожидания, прежде чем она положила трубку, были настоящей пыткой. Под грохот пульса в собственных ушах, я поборолла желание вздрогнуть от облегчения.

— Вы не оставили сообщение, — мой голос звучал на удивление спокойно.

— Сообщение можно удалить, — сухо ответила она. — Я позвоню ещё раз, позже.

В моём желудке затянулся узел. Я была на волосок от провала. А с нынешним состоянием дедушки, я не могла сидеть здесь и ждать второго раунда. Она хотела, чтобы я говорила. Хотела, чтобы я поделилась своими проблемами. Чудно.

— Райан Уошберн, — сказала я. — Мистер Симпсон точит на него зуб. Он милый. Тихий. Умный, — я сделала паузу. — И каждый день он уходит с урока, чувствуя себя идиотом.

Она должна была знать об этом и без моих слов.

— Знаете, чем мы занимаемся на ранчо моего дедушки? Кроме выращивания скота? — я поймала её взгляд, заставляя её глядеть мне в глаза. — Мы берем к себе лошадей, которых не захотят брать другие; тех, над кем издевались, кого ломали и дробили, пока не осталась

только животная ярость и страх. Мы пытаемся пробиться сквозь это. Иногда у нас получается, — я сделала паузу. — А иногда — нет.

— Тэсс...

— Мне не нравятся задиры, — я встала и зашагала к выходу. — Можете позвонить моему дедушке и рассказать об этом. Но велики шансы, что он и так знает.

Судя по всему, мой план сработал. Телефон не зазвонил ни тем вечером, ни на следующий день. В школе я старалась быть незаметной. Я просыпалась рано и не ложилась спать допоздна, удерживая мой мир от краха одной лишь силой воли. Не лучший режим, но зато мой собственный. К утру четверга я перестала ожидать худшего.

Это было ошибкой.

Я стояла посреди загона, широко расставив ноги и свободно опустив руки вдоль тела, и наблюдала за лошадьё, брыкающейся словно дьявол всего в нескольких шагах от меня.

— Эй, — мягко произнесла я. — Это не очень-то воспитанно.

Ноздри животного раздулись, но больше она не вставала на дыбы.

— Когда-нибудь, — пробормотала я почти нараспев, — мне бы хотелось встретить твоего первого хозяина в темном переулке, — скрип дерева у меня за спиной сообщает мне, что я не одна. Я почти ожидала, что лошадь снова начнет волноваться, но вместо этого она неуверенно шагнула ко мне.

— Она красивая.

Я замерла. Я узнала этот голос — и тут же об этом пожалела. Два слова. Столько времени спустя понадобилось всего два слова.

Моя грудь напряглась.

— Давно не виделись, — произнесла я. Я не позволила себе обернуться. Эта гостья не заслуживала моей злости.

— Мы не виделись слишком долго, Тэсс.

И кто же в этом виноват? Я не стала отвечать вслух.

— Ты хорошо с ней ладишь. С лошадьё, — кажется, Айви совсем не сердилась из-за того, что я не обращала на неё внимания. Она всегда была такой — до поры до времени сплошное добро и дружелюбие.

Уходи, — подумала я. Лошадь резко дернула головой, перенимая моё напряжение.

— Эй, — пробормотала я. — Тише.

Она ударила передними копытами о землю. Я уловила посыл и отступила.

— Нам нужно поговорить, — сказала мне Айви, когда я подошла к краю загона. Как будто она бывала на ранчо каждый день. Как будто мы с ней часто разговаривали.

Я перепрыгнула через ограду.

— Мне нужно принять душ, — ответила я.

Айви не могла со мной спорить. А может, она просто решила этого не делать. Я была уверена, что великая Айви Кендрик могла добиться своего в любом споре — но что я о ней знала? В последний раз мы виделись почти три года назад.

— После того, как ты примешь душ, нам нужно поговорить, — Айви умела быть настойчивой, и я подозревала, что люди очень редко ей отказывали. К счастью, все знали, что я никогда не спешу со словами. Мне и не нужно было отказывать. Вместо этого я зашагала к дому, опережая Айви, не смотря на то, что она была на несколько дюймов ближе.

— Мне позвонил твой школьный психолог, — произнесла Айви за моей спиной. — А потом я и сама сделала пару звонков.

Её слова не заставили меня замедлить шаг, но мои внутренности скрутились, словно выжатое полотенце.

— Я поговорила с работниками ранчо, — продолжила Айви.

Я забралась на крыльцо, распахнула дверь и позволила её с грохотом захлопнуться за моей спиной. Были времена, когда хлопнувшая дверь привлекла бы внимание моего дедушки. Он назвал бы меня дикаркой, пригрозил содрать с меня шкуру и отправил бы обратно на крыльцо, чтобы «попробовать ещё разок».

Те времена остались в прошлом.

Айви расспрашивала людей. Я сбежала на второй этаж, но от бурлящей внутри меня уверенности было не скрыться. Она знает.

— Наслаждайся душем, — крикнула мне вслед Айви. — Потом мы поговорим.

Как заевшая пластинка. Она знала. Я так старалась сохранить это в тайне, старалась позаботиться о дедушке, сделать одно единственное одолжение человеку, давшему мне всё, а теперь...

Я не знала, чем именно Айви занималась в Вашингтоне. На самом деле, я даже не знала жила ли она там до сих пор. Я понятия не имела о том, был ли у неё парень — возможно, она даже вышла замуж. Но кое-что я знала наверняка — как бы сильно я не старалась не об этом не думать — Айви не просто так снизошла до полета в Монтану и поощрения ранчо своим присутствием.

Моя сестра жила изменениями, встряской и решением проблем — и прямо сейчас проблемой, которую ей так хотелось решить, была я.

Я выделила себе три минуты на душ. Айви не могла оставаться наедине с дедушкой надолго. Мне вообще не стоило оставлять их вдвоём, но мне нужна была минутка. Мне нужно было подумать.

Я не видела Айви почти три года. Раньше она приезжала на ранчо раз в несколько месяцев. Приехав в последний раз, она спросила у меня, не хочу ли я переехать в округ Колумбия и жить с ней. Когда мне было тринадцать, я боготворила свою сестру. Так что я согласилась. У нас были планы. А потом она уехала. Без объяснений. И без меня.

Даже не попрощавшись.

С тех пор она не возвращалась. Если мне удастся убедить её, что у нас с дедушкой всё в порядке, она снова уедет. Эта мысль должна была успокоить меня. Она должна была стать проблеском надежды.

Мне больше не тринадцать. Эта мысль не должна была причинять мне боль.

Я натянула спортивные штаны и футболку, вытерла полотенцем мои небрежные, слишком уж густые волосы. Мы с Айви были двумя крайностями брюнеток — мои волосы были всего на тон светлее черных, а волосы моей сестры — всего немного темнее блонда.

Она встретила меня у подножья лестницы.

— Готова поговорить? — её голос звучал, как мой. Она разговаривала куда быстрее, но наши голоса явно были похожи.

Я почувствовала знакомый прилив гнева.

— Тебе даже в голову не могло прийти, что я могу не захотеть с тобой разговаривать?

Всего на миг приятная маска слетала с лица Айви.

— Я уловила намёк, когда ты не ответила на три последних телефонных звонка, — мягко произнесла она.

Рождество. Мой день рождения. День рождения Айви. Моя сестра звонила домой ровно три раза в год. Я перестала поднимать трубку примерно тогда же, когда мой дедушка начал забывать о мелочах, вроде ключей, имен и включенной духовки.

Дедушка. Я заставила себя сконцентрироваться на главном. Мой долг — суметь контролировать сложившуюся ситуацию. Я обогнула угол и шагнула в кухню, понятия не имея, что меня там ждет.

— Ты вовремя, медвежонок, — дедушка взъерошил мне волосы и похлопал меня по плечу.

Он узнал меня. По моему телу прокатилась волна облегчения. Он звал меня медвежонком столько, сколько я себя помнила.

— Вы только посмотрите, кто наконец-то решил навестить нас, — произнес дедушка, кивая в сторону Айви. Его голос звучал неприветливо, но в его глазах сверкали искры.

Хорошо, — подумала я. — *С этим я справлюсь.* Вот уже год я прикрывала дедушку. Теперь приступы случались чаще, чем в прошлом году.

Чаще, чем в прошлом месяце.

Но если сегодняшний день был удачным, Айви не должна знать о происходящем. Опыт научил меня одному — надолго она не останется.

— Знаю, дедушка, — произнесла я, усаживаясь за шаткий деревянный стол, разваливавшийся на этой кухне ещё до моего рождения. — Поверить не могу, что мы

заслужили личную проверку от Айви.

Темные глаза моей сестры замерли на мне.

— Айви? Что ещё за Айви? — дедушка заговорщически улыбнулся Айви, а затем снова обернулся ко мне. — Завела воображаемого друга, медвежонок?

Моё сердце пропустило удар. Я могла с этим справиться. Должна была. Ради дедушки.

— Даже не знаю, — ответила я, впиваясь пальцами в сидение собственного стула. — Сейчас «воображаемыми друзьями» называют вечно пропадающих где-нибудь сестёр?

— Это ты перестала отвечать на мои звонки, — вмешалась Айви.

Отлично. Пусть сосредоточится на мне. Пусть рассердится на меня. Всё что угодно, только бы она не поняла, что то, что ей рассказали работники и школьный психолог не было даже половиной происходящего. Никто не знал, насколько всё плохо.

Никто, кроме меня.

— Я не отвечала на твои звонки, потому что не хотела с тобой разговаривать, — сквозь сжатые зубы сказала я. — Ты не можешь вот так просто исчезнуть из наших жизней и ждать, что я брошу всё, когда ты наконец-то соизволишь позвонить.

— Всё было не так, Тэсси, и ты это знаешь.

Гнев в голосе Айви порадовал меня больше, чем следовало бы.

— Тэсс.

— Вообще-то, — огрызнулась она, — Тереза.

— Ради всего святого, Нора, — вмешался дедушка. — Она проводит здесь всего пару недель каждым летом. Не раздувай трагедии из-за пары пропущенных звонков.

Всего за пару секунд злость на лице Айви сменилась шоком. Норой звали нашу мать. Я едва её помнила, а вот Айви было двадцать один, когда умерли наши родители. Наша разница в возрасте всегда казалась огромной, но больше всего нас разделял тот факт, что Айви провела с родителями на семнадцать лет больше. Для меня домом было ранчо, а единственным, кто растил меня — дедушка. Для Айви он был всего лишь дедом, с которым она проводила две недели каждое лето, когда была маленькой.

Возможно, когда она была маленькой, он тоже называл её медвежонком.

Она думает, что я — Айви, а Айви — мама. Я не могла скрыть это, мои саркастические комментарии не могли заставить Айви забыть об этом. Очень долго она просто сидела, глядя на дедушку. Затем она моргнула, и, стоило ей открыть глаза, она выглядела так, словно ничего этого не было. Словно она была роботом, который только что перезагрузился, отключая программу «избыток чувств».

— Гарри, — произнесла она, обращаясь к дедушке по имени. — Я — Айви. Твоя внучка. Это — Тэсс.

— Я знаю, кто она, — проворчал он. Я постаралась не замечать неуверенности в его глазах.

— Знаешь, — спокойно, но деловито повторила Айви. — А ещё ты знаешь, что она не может здесь остаться. Вы не можете здесь остаться.

— Чёрта с два мы не можем! — я вскочила на ноги.

Дедушка ударил ладонью по столу.

— Следи за языком, Тереза!

Вот так просто я снова стала собой, пусть и всего на миг.

— Дай нам минутку, Тэсс, — приказала Айви.

— Иди, медвежонок, — внезапно дедушка показался мне старым — и очень, очень

уставшим. В этот миг я бы сделала всё, о чём он попросил. Я сделала бы всё, чтобы вернуть его.

Я оставила их на кухне наедине и принялась измерять шагами гостиную. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Я огибала мебель небольшими восьмерками, направляясь из одного конца комнаты к другому.

— Ты делала так, когда была маленькой, — на миг Айви застыла в дверном проёме, а затем опустилась на диван. — Ты обходила кругами мамины ноги, кофейный столик. Другие младенцы учились ходить. А ты училась расхаживать кругами, — она едва заметно улыбнулась. — Это сводило её с ума.

Мы с Айви жили в одном доме всего один год, когда я была совсем маленькой, а она заканчивала школу. Иногда я жалела, что не помню этого, но даже если бы я помнила, она была бы для меня незнакомкой — незнакомкой, грозившей всему, что я так тщательно защищала.

— Ты должна была позвонить мне, когда всё стало плохо, Тэсс.

Позвонить ей? Почему я должна была взять телефон и позвонить ей, если она никогда не утруждалась навестить нас?

— Я справляюсь, Айви, — я проклинала себя, проклинала школьного психолога за тот звонок. — Мы в порядке.

— Нет, милая, не в порядке.

Она не имела права приезжать сюда спустя столько лет и говорить мне, что я не в порядке. Не имела права врываться в нашу жизнь и уж точно не имела права называть меня «милой».

— В Бостоне есть лечебный центр, — спокойно продолжила она. — Лучший в стране. Обычно, чтобы попасть туда, нужно пройти через лист ожидания, но я сделала пару звонков.

Мой желудок резко изогнулся. Дедушка любил это ранчо. Он был его частью. Он не выживет без него. Я пожертвовала всем — атлетикой, друзьями, надеждой на возможность выпастся — чтобы он мог остаться здесь, чтобы поддерживать порядок на ранчо, заботиться о нём, как он всегда заботился обо мне.

— Дедушка в порядке, — я сердито сжала губы. — Иногда он теряется, но он в порядке.

— Ему нужен врач, Тэсси.

— Так отвези его к врачу, — я тяжело сглотнула, чувствуя своё поражение. — Узнай, что нам нужно делать, что мне нужно делать и верни его домой.

— Ты не можешь оставаться здесь, Тэсс, — Айви потянулась за моей рукой. Я отдернула её. — Ты заботилась о нём, — мягко продолжила она. — Но кто заботился о тебе?

— Я могу о себе позаботиться.

Упрямое выражение её лица в точности походило на моё.

— Но ты не должна.

— Она права, медвежонок, — я подняла взгляд и увидела в дверном проёме дедушку. — Не волнуйся обо мне, девочка, — приказал он. Его сознание прояснилось, и он явно не собирался терпеть возражений.

— Ты не должен этого делать, дедушка, — сказала ему я. Он пропустил мои слова мимо ушей.

— Ты — хорошая девочка, Тэсс, — хрипло произнес он. Его взгляд встретился со взглядом моей сестры, и между ними промелькнул немой разговор. После долгой паузы, Айви снова повернулась ко мне.

— Пока мы со всем не разберемся, тебе будет лучше пожить со мной, — она подняла руку, прерывая поток моих возражений. — Я пообщалась с администрацией школы в Вашингтоне. Ты будешь учиться там с понедельника.

— Я уже говорила, что ты не сможешь вечно злиться на меня, — прокомментировала Айви, — но, кажется, ты восприняла это как вызов.

С тех пор, как мы зарегистрировали дедушку в лечебном центре в Бостоне, я не сказала сестре ни слова. Она всё твердила о том, каким милым было это место, насколько квалифицированными были специалисты и о том, как часто мы сможем его навещать. Ничего из вышеперечисленного не меняло того факта, что я бросила его там. Я бросила его. Если он проснется посреди ночи, не понимая, где он, меня не будет рядом. Если начнет лихорадочно искать бабушку, умершую ещё до моего рождения, меня не будет рядом.

Меня не будет рядом в хорошие дни.

Если мой бойкот как-то и повлиял на Айви, шагавшей по аэропорту округа Колумбия, она этого не показывала. Её каблуки громко застучали по плитке, стоило ей сойти с эскалатора и зашагать той самой грациозной, но быстрой походкой, заставлявшей людей сначала заметить её, а затем убраться с пути. Она остановилась, когда мы оказались у толпы мужчин в черных костюмах с аккуратными табличками в руках. Шоферы.

В конце линии стоял мужчина в синей футболке и изорванных джинсах. На его загорелом лице пробивалась едва заметная щетина, а в левой руке он сжимал пачку сигарет. В правой руке он, как и все остальные, сжимал табличку с аккуратно выведенными словами. Вот только вместо фамилии своего клиента он написал: «Заноза в заднице».

Айви шагнула к нему и вручила ему свой багаж.

— Мило.

Он ухмыльнулся.

— Я так и подумал.

Она закатила глаза.

— Тэсс, познакомься с Боди. Он был моим водителем и личным помощником, но пять секунд назад я его уволила.

— Я предпочитаю «мастер на все руки», — вмешался Боди. — И я уволен лишь до тех пор, пока на горизонте не появится женщина, которую ты не сможешь на что-нибудь уболтать или закон, который ты не захочешь нар...

Властным взглядом Айви приказала ему замолчать. Я мысленно закончила за него предложение: Я уволен лишь до тех пор, пока на горизонте не появится женщина, которую ты не сможешь на что-нибудь уболтать или закон, который ты не захочешь нарушать. Я мельком взглянула на Айви, мои брови взлетели от удивления. Чем же занималась моя сестра, если ей нужен был шафер, готовый нарушать за неё законы?

Айви проигнорировала выражение моего лица и невозмутимо продолжила:

— Самое время заняться нашим багажом, — сказала она Боди.

— Забирай свои вещи сама, принцесса, — парировал Боди. — Меня уволили, — он покачнулся на каблуках. — Но, из душевной доброты, я помогу Тэсс, — Боди не подмигнул мне и не ухмыльнулся, но почему-то, я почувствовала себя так, будто он сделал и то, и другое. — Я — настоящий филантроп, — добавил он.

Я не ответила, но позволила ему помочь мне с моим багажом. Стоило показаться моим чемоданам, сигареты исчезли в его заднем кармане. Когда он взял в каждую руку по сумке, под его футболкой выступили мышцы.

Он был совсем не похож на шофера.

Дом Айви возвышался над тротуаром, квадратный и высокий, с одинаковыми дымоходами со всех сторон. Он показался мне слишком уж большим для одного человека.

— Я живу на втором этаже, — объяснила Айви, пока мы с ней и Боди шагали к дому. — А на первом работаю.

На кончике языка вертелся вопрос о том, в чём же заключается её работа, но я промолчала. Моя сестра никогда не рассказывала о своей жизни в Вашингтоне. А спроси я о подробностях сейчас, она решит, что мне это интересно.

А это было не так.

Оказавшись в огромном вестибюле, я сосредоточилась на открывшемся мне виде: благодаря паркету из темного дерева и массивным колоннам комната походила на бальный зал. Слева от меня была ниша с несколькими окнами, а рядом с ней — ниша с множеством дверей.

— Закрытые двери ведут в зал совещаний и мой офис. Тебе туда нельзя. Вон там главная кухня, но её мы используем в основном для развлечений.

Мы? — гадала я. Я запретила себе думать об этом и последовала за Айви вверх по спиральной лестнице, ведущей куда-то, вроде скудно оборудованной квартиры.

— Здесь, наверху, кухня совсем маленькая, — сказала мне она. — Я особо не готовлю. Чаще всего мы заказываем на дом.

Боди прочистил горло, а затем, когда она проигнорировала его, он сделал это ещё раз, только громче.

— Чаще всего мы заказываем на дом, но иногда Боди готовит внизу блинчики, — поправила Айви.

Судя по этим словам, Боди определенно был частью того «мы», о котором упоминала Айви.

— Боди, ты здесь живешь? — спросила я, мельком глядя на «водителя» Айви.

Он поперхнулся от удивления.

— Эмм... нет, — сказал он. — Я здесь не живу, — видимо, я выглядела скептически, так что он уточнил. — Мелкая, я работал на твою сестру полтора года, прежде чем она вообще разрешила мне сюда зайти, и то потому, что она сломала водопровод.

— Я не ломала водопровод, — раздраженно возразила Айви. — Он сам сломался, — она обернулась ко мне. — Твоя комната вон там.

Моя комната? — подумала я. Она говорила об этом так небрежно, что я почти поверила в то, что я была не просто неприятным сюрпризом, подкинутым ей судьбой и болезнью Альцгеймера.

— Ты имеешь в виду, комната для гостей? — спросила я.

Айви открыла дверь в спальню, и я осознала, что она была абсолютно пуста — никакой мебели. Ничего.

Совсем не комната для гостей.

Комната была квадратной, с нишей у окна и покатой крышей. Полы были сделаны из темного красного дерева. За несколькими зеркалами скрывался стенной шкаф.

— Я подумала, что ты захочешь обставить её сама, — Айви шагнула в комнату. Не знай я её так хорошо, мне могло бы показаться, что она волнуется. — Знаю, она маловата, но это моя любимая комната в доме. И у тебя будет собственная ванная.

Комната была красивой, но одна мысль о ней, казалась мне предательством.

— Где я буду спать? — спросила я.

— Там, куда поставишь кровать, — резко ответила Айви, словно она подловила себя на заботе и теперь пыталась от неё избавиться.

— Где я буду спать, пока у меня нет кровати? — спросила я, удерживаясь от желания закатить глаза.

— Скажи мне, какую кровать ты хочешь, — ответила Айви, — и Боди позаботиться о том, чтобы она оказалась здесь до вечера. У меня есть несколько каталогов мебели, которые ты можешь просмотреть.

Я уставилась на свою сестру, гадая о том, понимала ли она, как глупо звучал этот план.

— Не думаю, что мебельные компании занимаются скоростной доставкой по воскресным вечерам, — я озвучила очевидное.

Боди опустил мои чемоданы на пол и облокотился на дверную раму.

— Занимаются, — сказал он мне, — если ты — Айви Кендрик.

На следующее утро я проснулась в кровати, выбранной мною наугад из каталога Айви, без единого шанса избежать физических напоминаний о том, где я была. И о том, где меня не было. Постель была слишком удобной. Потолок над моей головой был чужим. Всё в этом месте казалось неправильным.

Я подумала о том, как дедушка проснётся в Бостоне и, совсем как я, уставится на чужой потолок. Оттолкнув удушающую волну эмоций, окатившую меня с ног до головы, стоило мне подумать об этом, я выбралась из постели, оделась и принялась обдумывать тот факт, что одного упоминания имени моей сестры было достаточно, чтобы мебель появлялась всего несколько часов спустя после заказа. Ещё на ранчо ей удалось сделать себя моим законным опекуном и перебрать на себя полномочия моего дедушки почти с такой же скоростью. Кто занимался подобным? Кто мог?

Я должна была знать, чем моя сестра зарабатывала на жизнь. Я должна была знать Айви. Но не знала. Выйдя из комнаты, я оказалась в пустом лофте — жестокое напоминание о том, что это моя сестра выбрала не знать меня. Это она уехала. Это она перестала отвечать на мои звонки.

Кем бы она ни была, чем бы ни занималась — она выбрала эту жизнь, а не меня.

Снизу доносились приглушенные голоса. Я замерла на верхней ступеньке спиральной лестницы. Женский голос точно принадлежал Айви. Она разговаривала с мужчиной.

— Ты не думаешь, что это было, возможно, самую малость опрометчиво? — судя по тону загадочного мужчины, «самая малость» явно казалась ему приуменьшением.

— Опрометчиво, Адам? — парировала Айви. — Это ведь ты научил меня доверять своим инстинктам.

— Это — не инстинкт, — возразил мужчина — Адам. — Это — чувство вины, Айви.

— Я не стану с тобой спорить.

— Ты уже со мной споришь.

— Адам... — я практически слышала, как Айви сжимает зубы, — ...если хочешь, чтобы я разобралась с нашим маленьким другом в министерстве юстиции, заткнись. Прямо сейчас.

На несколько секунд в доме повисла тишина, а за ней последовало сердитое бормотание.

— Чего ты от меня хочешь, Адам? — наконец спросила моя сестра, так мягко, что я едва расслышала её слова. — В Монтане дела были плохи. Я не отправлю её назад и не запихну в какую-нибудь школу-интернат. И не смотри на меня так — это ты посоветовал мне привести её сюда три года назад!

Я окаменела, осознавая, что они говорили обо мне. Что имела в виду Айви, когда сказала, что это Адам предложил, чтобы она пригласила меня жить с ней в тот, первый раз? Кем был этот парень? И почему она его слушалась?

Почему передумала?

Некоторые воспоминания походили на шрамы. Этому было не суждено затянуться. Айви всего лишь упомянула об этом, но корка сорвалась с моей раны.

— Возможно, привезти сюда Тэсс три года назад было бы правильно, — резко произнёс Адам. — Но всё изменилось, Айви. Три года назад ты была в хороших отношениях с моим отцом.

Я перенесла вес содной ноги на другую, и ступенька под моими ногами скрипнула. Голоса внизу резко затихли. Они услышали меня. У меня был всего лишь миг на то, чтобы решить, что делать. Я остановилась на «притвориться, что ты не подслушивала и спуститься по лестнице».

— Айви? — позвала я. — Ты внизу?

Айви встретила меня у подножья лестницы. Её светлые волосы были уложены на затылке. Она носила узкий блейзер с той же легкостью, с которой другие носили свитера. Даже её джинсы выглядели дорогими. Если она и заметила мою невинную ложь, она не стала об этом упоминать.

— Отлично, — сказала она. — Ты проснулась.

Годы, проведенные за игрой в покер с ворчливым стариком, подарили мне идеальный покер-фейс.

— Я проснулась.

Айви улыбнулась, стараясь скрыть за блестящей улыбкой тот факт, что она совсем не была счастлива.

— Адам, — позвала она так ласково, что мои зубы заболели от сладости в её голосе. — Познакомься с Тэсс.

У меня была всего пара секунд, чтобы задуматься о том, как будет выглядеть этот мужчина, а затем он появился из-за угла. Он был на пару лет старше Айви. Кажется, в нём было ровно шесть футов росту. Ни больше, ни меньше. Его осанка выглядела идеально, он контролировал каждый мускул на своём лице. Его глаза встретились с моими, и на миг этот контроль дрогнул. Всего на миг незнакомец выглядел так, как выглядела Айви, когда дедушка называл её маминым именем.

Уже через миг это выражение исчезло с его лица.

— Тэсс, — произнёс он, протягивая мне правую руку. — Я Адам Кейс. Приятно познакомиться, — его слова звучали искренне. Он показался мне довольно честным парнем. Но учитывая то, что Адам Кейс считал моё появление здесь ошибкой, я сомневалась в том, что он был рад встрече.

Я пожала его руку.

— Ага, — сказала я. — И мне.

Он подождал, словно ожидая, что я уточню, но я не произнесла больше ни слова.

— Айви сказала, что завтра ты пойдешь в Хардвик, — произнес Адам, стараясь завязать разговор. — Тебе там понравится. Отличная школа, — в ответ на выражение моего лица он поднял бровь. — Я так понимаю, ты не большая фанатка школы?

— Школа как школа, — он снова ждал продолжения, но я снова замолчала.

— Но тебе больше нравится быть за её пределами, — закончил за меня Адам. Я мельком взглянула на Айви, гадая о том, что она ему обо мне рассказала — и о том, откуда она сама знала это, учитывая то, что мы были практически незнакомцами.

— Мой брат был таким же, — прочистив горло, сказал Адам. — Невероятный IQ, но его любимыми предметами были перемены.

— И что же с ним стало? — спросила я, пытаясь понять, оскорбил он меня только что или нет.

На лице Адама промелькнула крохотная, мимолётная улыбка.

— Он вступил в армию в тот же день, когда закончил школу.

Боди оповестил нас о своём присутствии громким хлопком входной двери.

— Кто заказывал блинчики?

Улыбка на лице Адама ужесточилась. Видимо, водитель моей сестры нравился ему куда меньше, чем ей самой.

— Мне пора идти, — холодно произнёс он. — Нужно заскочить в офис.

— В воскресенье? — надавила Айви.

— Кто бы говорил, — возразил Адам. — Ты никогда не прекращаешь работать.

— Теперь прекращаю, — сказала Айви, складывая руки перед собой. — Воскресенье — день отдыха. Я отдыхаю. Я думала, что мы с Тэсс могли бы пройтись по магазинам, купить одежды для её первого дня в Хардвике.

Шоппинг? С Айви?

Боди прыснул, заметив выражение моего лица.

— Не хочу тебя расстраивать, принцесса, но мелкая выглядит так, словно она скорее вырвет себе ногти и выдавит ими собственный глаз, чем пойдёт с тобой по магазинам.

Айви была непоколебима.

— Она привыкнет.

Телефон Адама зазвонил. Он извинился и ушел, оставив меня уничтожать взглядом собственную сестру, в то время как Боди наблюдал за нами без особого удовольствия.

— Тебе ещё не звонили доктора из Бостона? — спросила я у Айви.

— Ещё нет, — на какой-то миг мне показалось, что на этом она закончит, но она продолжила. — На протяжении нескольких следующих дней они будут делать полную диагностику.

Дней. Я сглотнула, стараясь выбросить эти слова из головы. Дней. И недель. И месяцев. Совсем не хорошо. Я постаралась сохранить нейтральное выражение лица. Я не могла позволить себе думать об этом. Думать о бабушке. Я не могла думать о своём будущем.

В комнату вернулся Адам.

— Айви, — негромко, но серьезно произнёс он.

Айви повернулась к нему.

— Всё в порядке?

Адам взглянул на нас с Боди, как бы говоря «не при детях».

— Дай угадаю, — Боди растягивал слова, издеваясь над Адамом, словно человек, тыкающий палкой в медведя. — Пентагон?

— Не Пентагон, — коротко ответил Адам. — А мой отец.

Его отец — тот, с кем, по словам Адама, Айви была в хороших отношениях три года назад. И с кем, судя по всему, она не ладила сейчас.

— И? — судя по тону Айви с отцом Адама всегда было какое-то «и».

— И, — с ничего не выражающим лицом произнёс Адам, — он звонил, чтобы сказать, что Тео Маркетт только что попал в больницу. Сердечный приступ. Врачи не уверены, выживет ли он, — он позволил нам усвоить его слова, а затем продолжил. — Пока что они скрывают это, но скоро узнает пресса.

Несколько секунд Айви впитывала эту информацию, а затем сжала локоть Адама и потянула его в угол для негромкого разговора. Меньше, чем через минуту, Айви уже разговаривала по телефону, раздавая приказы направо и налево.

Взглянув на меня через плечо, она понизила голос.

— Прости, Тэсс. Появились дела. Я дам тебе знать, когда услышу что-нибудь о бабушке. А пока что Боди может отвести тебя в магазин, где ты купишь всё, что нужно.

Мне стоило быть благодарной за отсрочку — но она оказалась лишь ещё одним напоминанием о том, что Айви могла без колебаний меня бросить. Может я и не знала, чем занималась моя сестра и почему новость о сердечном приступе какого-то парня заставила её сойти с ума. Я не знала даже, почему имя Тео Маркетта казалось мне смутно знакомым. Но кое-что я знала наверняка — Адам был прав, и Айви не стоило привозить меня сюда.

Совсем скоро она бросит меня навсегда.

Я не произнесла ни слова, когда Айви закрылась в офисе или когда она вышла из дома, летя на каблуках словно сам дьявол. Я позволила Боди приготовить мне блинчики. Только потом, когда я съела четыре шгуки, я вдруг поняла, где я слышала имя Тео Маркетта.

Тео Маркетт был председателем верховного суда США.

На следующее утро Айви всё ещё находилась в критическом режиме, но — какое везение — ей удалось выкроить полчаса из своего расписания, чтобы отвезти меня в школу. В глубине души, я ожидала, что знаменитая Академия Хардвика будет выглядеть, как Хогвартс. Нечего и говорить, что я была абсолютно разочарована. Высшая школа — боже упаси назвать её старшей школой — выглядела как перевернутый на бок злаковый батончик.

— Кабинеты здесь просто сказочные, — сказала мне Айви, пока мы шагали по выложенной камнем дорожке к старинному дому, где обосновалась администрация. — Художественный цент Максвелла занимает одну из самых больших аудиторий во всём городе. Совсем недавно в Высшей школе появилась ультрасовременная роботизированная лаборатория. И тебе обязательно стоит увидеть новый спортзал.

Я взглянула на ближайшее футбольное поле. Ветер скользнул по моим волосам, поднимая пару прядок, и всего на миг, глядя на огромное, укрытое травой пространство, мне почти удалось забыть о том, где я.

— Сейчас или никогда, — голос Айви вернул меня к реальности. — Только не говори «никогда».

— Ты не обязана идти со мной, — сказала я ей, лениво цепляясь большими пальцами за петли для ремня. — Уверена, у тебя полно важных дел.

В подтверждение моих слов, карман Айви начал вибрировать.

— Это может подождать, — сказала мне Айви, но я практически видела, как её пальцы тянутся к телефону.

— Вперёд, — я указала на телефон. — Может, появилась новая информация о состоянии судьбы Маркетта. А может, у президента насморк. Насчёт этого тебе ведь тоже звонят?

Айви подняла глаза к небу. Я гадала о том, просила ли она у Бога терпения.

— Тот момент, — пробормотала она себе под нос, — когда понимаешь, что сарказм передается по наследству.

Прежде чем я успела придумать подходящий ответ, дверь административного здания распахнулась и нас с сестрой провели внутрь.

— Мисс Кендрик, — у ассистентки директора была прическа заботливой мамы из пригорода. Она была одета в персиковый кардиган, и я не могла отделаться от чувства, что она вот-вот предложен нам лимонад. Или печенье. Возможно, и то, и другое. — А ты, наверное, Тереза.

— Все называют её Тэсс, — сказала Айви, как будто мне было пять, и я не могла говорить сама за себя.

— Тэсс, значит Тэсс, — игриво ответила женщина. — Нам было так жаль услышать о твоём дедушке, милая.

Я почувствовала себя так, словно кто-то ударил меня в живот. Весь прошлый год я скрывала состояние дедушки. Айви, судя по всему, установила билборд, оглашающий его во всеуслышание.

— Но мы очень рады, что ты присоединишься к нам в Хардвике, — продолжила женщина, понятия не имея о ходе моих мыслей. — Я — миссис Перкинс. Директор Рэлей будет здесь всего через... — из-за угла появился невысокий мужчина с темными волосами и

бородой. Миссис Перкинс прервала свои слова улыбкой. — Вот и он.

— Айви, — директор поприветствовал Айви по имени и взял обе её ладони в свои.

— Директор Рэлей, — ответила она. Судя по её тону, она не привыкла называть его «директором». — Я ценю вашу помощь со всем этим.

— Да, что же... — директор Рэлей снял очки и принялся протирать их о свою рубашку. — Мы считаем, что вы — и Тэсс — отлично впишетесь в семью Хардвика.

— Я хорошо знаю Хардвик, — ответила Айви тоном, заставившим меня гадать о том, что именно объединяло её с этой школой — и почему директору стало неуютно от напоминания об этом. — Это подходящее место для Тэсс.

— И, конечно же, — добавил директор, — мы будем уважать частную жизнь вашей сестры. Как мы уважаем и частную жизнь всех наших студентов.

В его словах звучал подтекст — предупреждение.

— Что случилось в Хардвике, остается в Хардвике, — ровно произнесла Айви. — Поверьте, я знаю.

— Я слишком рано? — из дверного проёма донесся голос. Я обернулась к стоящей там девушке. Айви и директор Рэлей продолжили сверлить друг друга взглядами.

— Ты как раз вовремя, — бодро ответила Миссис Перкинс, игнорируя повисшее в комнате напряжение. — Тэсс, это Вивви Бхарани. У вас, девочки, много общих уроков, так что сегодня она покажет тебе школу.

Вивви была где-то на пару дюймов выше меня. Её кожа была шоколадной, лицо — круглым, а волнистые темные волосы она заплетала в неаккуратные косички. Она обнадеживающе улыбнулась мне.

— Знаю, — извиняясь, сказала она. — Вся эта ерунда с «эй, новенькая, ходи по школе с совершенно незнакомым человеком» вроде как клише, но не думай обо мне, как о друге, назначенном школой, — её улыбка стала ещё шире. — Считаю меня своим гидом по странной, сбивающей с толку стране, с неугомонными жителями и туалетами, которые невозможно отыскать, — в Вивви жила энергия, искренность, из-за которой она просто не могла не понравиться. — И, на правах твоего гида, — продолжила она, поднося правую руку к сердцу, словно она клялась мне в верности, — я обязана сообщить тебе, что если мы не отправимся прямо сейчас, в кафетерии кончатся бейглы [прим. — выпечка в форме кольца из дрожжевого теста] с присыпкой, — она сделала паузу, позволяя мне усвоить важность её слов. — Поверь, ты не будешь готова к первому дню в Хардвике без присыпки на своём утреннем бейгле.

Я мельком взглянула на Айви и директора, которые наконец-то закончили своё маленькое дружеское соревнование по пристальным взглядам. Потом я обернулась к Вивви.

— После тебя.

В принципе, кафетерий Хардвика был студенческой кофейней, в которой не подавали кофе.

— Два бейгла с присыпкой, — заказала Вивви, с видом крестной феи, исполняющей моё желание. — И не смей говорить, что они закончились, — сказала она парню за прилавком. — У вас не закончились бейглы с присыпкой. Мир не может быть так жесток.

— Они не кончились, — ответил парень. — Но остался только один. Мир всё-таки немного жесток.

Вивви сделала вид, что всё в порядке.

— Тогда Тэсс будет бейгл с присыпкой, а я...

— Половину от моего? — предложила я. Я бы отдала её и весь, но сомневалась, что она возьмет.

— Я знала, что ты мне нравишься! — просияла Вивви. Когда мы отошли в сторону в ожидании нашего заказа, к прилавку направилась три девушки. Вивви ошибочно посчитала брошенный в их сторону взгляд проявлением интереса. — Та, что слева — Майя Роджас, — сообщила мне Вивви, словно мы были в документальном фильме о дикой природе, и она была голосом за кадром. — Капитан трёх спортивных команд, учится в одиннадцатом классе, — судя по всему, в Хардвике это делало тебя известным. — Рядом с ней со светлыми волосами? — продолжила Вивви. — Это Ди. Она из Исландии.

— Ди? — переспросила я. — Сокращенно от Дианы? — звучало не очень-то по-исландски.

— Эммм... нет. Сокращенно от кое-чего другого, — Вивви попыталась звучать ненавязчиво, но у неё ничего не вышло.

— Сокращенно от чего?

Вивви колебалась.

— Ди. Д.И. Сокращенно от слов «дипломатический иммунитет», — Вивви хватилась порядочности выглядеть сконфуженной. — Отец Ди — посол, а её настоящее имя почти невозможно выговорить. Плюс, она никогда не отклоняет вызовов. Ни разу.

Подросток с дипломатическим иммунитетом и пристрастием к риску. Ничем хорошим это не кончится.

Оставалась третья девушка. Вивви не успела рассказать мне о ней абсолютно ничего, потому что через какой-то миг вышеупомянутая девушка нас заметила. Она молниеносно пересекла кафетерий.

— Вивви, не познакомишь меня с твоей подругой? — не дожидаясь ответа, девушка рванула вперед. — Меня зовут Эмилия Роудс.

— Тэсс, — произнесла я. Несколько секунд мы с Эмилией изучали друг друга. Она была высокой и рыжеволосой, цвет её глаз граничил между зеленым и голубым. Она почти не носила макияжа, не считая блеска на её губах.

— Значит, ты сестра Айви Кендрик, — наконец, произнесла она. — Я думала, ты будешь выше.

— Я этим займусь.

Эмилия слабо улыбнулась.

— В Хардвик почти невозможно перевестись посреди семестра, — сказала она. —

Наверное, твоей сестре пришлось потянуть за довольно впечатляющие ниточки.

Я пожала плечами.

— Откуда мне знать.

Возможно, Эмилия продолжила бы меня допрашивать, но её внимание отвлекла Вивви.

— Я видела новости о судьбе Маркетте, — сказала ей Вивви. — Ты что-нибудь слышала от Генри?

Эмилия коротко покачала головой.

— Нет, как и Ашер. Генри Маркетт не большой фанат общения. И доверия. И внешнего выражения любых эмоций, — исходя от Эмилии, эти слова не звучали критично. — Мы скорее узнаем о происходящем из газет, чем от Генри.

Сделав заказ, Майя и Ди появились за спиной Эмилии, словно атлетический ангел и исландский дьявол на её плечах.

— Моя мама уже начала расчеты, — сообщила Майя. — Президент не ожидал назначения нового судьи. Это может многое изменить.

— Майя, — вмешалась Эмилия, меняя тему разговора. — Ди, — она перевела взгляд от одной девушки к другой. — Познакомьтесь с Тэсс Кендрик.

— Младшая сестра Айви Кендрик? — Майя подняла бровь. — Напомни не переходить тебе дорогу.

— Кто такая Айви Кендрик? — спросила Ди. Её волосы были настолько светлыми, что буквально излучали свет. Её акцент был резким — нельзя не заметить.

— Помнишь тот раз, когда меня арестовали из-за тебя, мисс Дипломатический Иммуниетет? — огрызнулась Майя. Ди склонила голову на бок.

— Звучит знакомо.

Майя многозначительно взглянула на Ди, и после долгой паузы, на её лице мелькнуло понимание.

— О, — произнесла она. — Эта Айви Кендрик. Это ведь она... то, что случилось с Грантом?

Эмилия кивнула.

— Даже думать не хочу о том, что у неё есть на школьную администрацию, — добавила она, переводя на меня взгляд. — Как я уже сказала, в Хардвик почти невозможно перевестись посреди семестра.

Я пожала плечами.

— Наверное, мне просто повезло.

Ещё четыре или пять секунд Эмилия внимательно смотрела на меня, а затем бросила идею вытянуть из меня информацию.

— Нам пора идти, — решила она, с влиятельностью короля, оглашающего закон. — У меня латынь первым уроком. «Энеида» не ждет.

Так же быстро, как они оказались рядом с нами, троица испарилась.

— Эмилия планирует закончить школу с лучшими оценками, — почти извиняясь, произнесла Вивви. — Я почти уверена, что она планировала это лет с четырех. Иногда она бывает слегка агрессивной, — Вивви откусила крохотный кусочек бейгла и сменила тему разговора. — Думаю, ты слышала, что судья Маркетт попал в больницу. Утром только об этом и говорили в новостях.

Я кивнула, решив не упоминать, что я узнала об этом совсем не из новостей.

— Это так грустно, — мягко произнесла Вивви. — Его внук Генри учится в нашем

классе, и, я слышала, что они очень близки. Но даже друзья Генри думают не о Генри. И не о его дедушке. В смысле, мама Майи работает в Белом Доме, и они уже ищут замену.

Я почувствовала резкую боль за этого Генри Маркетта и постаралась не думать о дедушках — не только о дедушке Генри, но и о своём.

— Чем именно мама Майи занимается в Белом Доме? — спросила я. Вивви говорила с Белом Доме так, как дети в других школах могли бы говорить о городском совете. Судя по всему, мать Майи могла с таким же успехом работать в местном торговом центре.

Вивви пару раз моргнула. Я практически видела, как она напоминает себе о том, что я была новенькой — не только в школе, но и в Вашингтоне.

— Миссис Роджас — специалист по опросам общественного мнения. Она анализирует числа и статистику, проводит соцопросы и всё такое.

Я даже не знала, что есть такая профессия.

— А Эмилия?

Вивви склонила голову набок.

— Что Эмилия?

— Отец Ди — посол. Мама Майи работает на президента. Чем занимаются родители Эмилии?

На секунды Вивви задумалась.

— Думаю, они дантисты.

Зубы Эмилии, и правда, были удивительно хороши.

— Ещё один вопрос, — сказала я Вивви.

Она сделала на пальцах пистолетик.

— Валяй.

— Чем именно, — медленно произнесла я, — занимается моя сестра?

Брови Вивви взлетели к линии роста волос.

— Ты не знаешь?

Я сжала зубы.

— Я знаю, что здесь, кажется, все её знают, — наконец, произнесла я. — Я знаю, что она отмазала Майю от ареста. Я знаю, что директор Рэлей её немного боится, а ещё я знаю, что сегодня утром ей звонили насчет судьи Маркетта.

Последние слова я не планировала произносить вслух.

— Твоя сестра, — мягко произнесла Вивви, — скажем так... решает проблемы. Когда у важных людей в Вашингтоне появляются проблемы, она с ними разбирается.

— Какие именно проблемы? — подозрительно спросила я. С таким расплывчатым описанием Айви могла быть киллером.

Вивви преувеличенно пожала плечами.

— Проблемы с деньгами, с законом, пиаром — ты идешь к Айви Кендрик и — пух — никаких проблем. Она всё исправит.

Я подумала о том, как Айви коршуном набросилась на ранчо, словно она была там хозяйкой, ломая всю мою жизнь всего за несколько дней.

— Значит, моя сестра профессионально решает проблемы? — с нажимом произнесла я. — Она просто ходит и решает проблемы людей? Откуда вообще взялась такая профессия?

— Спрос и предложения? — предположила Вивви. — Мы называем их фиксерами.

— Ты в порядке? — где-то в пятнадцатый раз за последние шесть часов спросила у меня Вивви.

Не самое подходящее слово, — подумала я. — Лучше бы подошло «вымотана». Возможно, «потрясена».

Я променяла урок американской истории с Мистером Симпсоном на проблемы современного мира с Доктором Кларком. В настоящий момент мы разбились на пары и обсуждали действие интернет-цензуры в Восточной и Центральной Азии. По крайней мере, именно таким было задание. Но я была почти уверена, что большинство учеников обсуждало проблемы современного Хардвика. А именно — меня. И мою сестру. Которая, судя по всему, зарабатывала на жизнь решением проблем.

— Я в порядке, — сказала я Вивви. Она нахмурилась. Видимо, я её не убедила.

— Тебе станет лучше, — серьезно спросила она, — если я перескажу тебе свой любимый ужастик и/или любовный роман?

— Ладно, люди! — доктор Кларк хлопнул в ладоши. — Думаю, звуки болтовни означают, что у вас появились веские мысли насчёт доступа правительства к информации... сегодня вечером вы поддержите эти мысли в докладе длиной в пять сотен слов, в котором проанализируете содержимое крупных новостных сайтов и эффект отказа в доступе к этой информации.

Я пережила английский, испанский, физику, математику и факультатив под названием «Говоря о словах». Возможно, я бы не выжила так долго, если бы не «окно» в середине дня. В тот же миг, когда прозвенел последний звонок, я соскользнула со своего стула. Рефлекторно я начала думать наперед. *Проверить корм. Привести всё в порядок. Убедиться, что дедушка что-нибудь поест. Позвонить...*

Через миг в меня врезалась реальность. Я больше ничего не должна. Делать мне больше нечего. А дедушка...

Я запретила себе думать об этом.

— Уверена, что ты в порядке? — спросила Вивви. — Предложение насчет любовного романа всё ещё в силе.

Мои губы попытались изогнуться в улыбке. Скорее всего, она куда больше походила на гримасу. *Контролируй себя, — подумала я. Глупый рефлекс Павлова. Сначала — звонок, затем — дом. Но я не возвращалась домой. Дома больше не существовало. Не без дедушки.*

— Я скоро вернусь, — сказала я Вивви. Нырять в коридор, я пробралась сквозь толпу и направилась в туалет. Мне просто нужна минутка. Нужно подышать.

Дверь туалета закрылась за моей спиной. Я подошла к раковине и открыла кран. Я закрыла глаза, всего на миг, и позволила себе слушать звук бегущей воды.

Тогда-то я и услышала это — прерывистый вдох.

Я выключила воду и ждала, пока звук не повторился. Я оглядела кабинки. Занята была только одна. Я почти видела закрывшуюся в ней девушку — рука зажимает рот, стараясь подавить звук рыдания. Это не моё дело. Я была на полпути к двери, но не могла заставить себя сделать ещё несколько шагов.

— Эй, — сказала я, чувствуя себя до ужаса неловко и жалея о том, что я была не из тех, кто мог бы уйти. — Ты в порядке?

О Боже, — подумала я, осознавая, что я звучала совсем как Вивви. — *Это заразно.*

По другую сторону дверцы раздался ещё один рваный вдох, а затем:

— Убирайся.

Кто бы ни плакал в туалетной кабинке, она явно стерла бы меня с лица земли, будь этой ей под силу. Не злость в её голосе забралась мне под кожу — не глубокая печаль. Отчаянье: дикое, жестокое, вырывающееся из-под контроля.

— Я сказала, убирайся, — хрипло повторила девушка.

Я почти послушалась, но, когда моя рука коснулась двери, я не смогла заставить себя открыть её. Не смогла вот так просто уйти.

— Что-то не хочется, — вместо этого сказала я. Ответа не последовало. Я облокотилась на стену и скрестила ноги. Секунды пролетали в тишине. Наконец, дверь кабинки открылась. Девушка внутри оказалась обладательницей наивного взгляда и кукольного личика — но плакала она не очень-то изящно. Всё в её внешнем виде кричало «первокурсница».

— Ты — новенькая, — иступлено произнесла она, глядя на меня опухшими от слёз глазами.

— Тэсс, — подсказала я.

Она не назвала своего имени, и я не стала спрашивать.

— У меня был очень долгий день, — сказала ей я. — А у тебя?

Девушка опустила взгляд и подошла к раковине. Она включила воду и помыла руки. Снова. И снова.

— Я сделала кое-что глупое, — её слова почти затерялись в шуме воды. Она была выше меня, но склонившись над раковиной, снова и снова вымывая руки, словно она могла смыть весь сегодняшний день, выглядела крохотной. Очень молодой.

— Насколько глупое? — мягко спросила я.

Она должна была сказать, что это не моё дело, возможно, добавить парочку красноречивых ругательств. Но она не стала. Вместо этого она закрыла кран. Её губы дрожали.

— Глупость, связанную с фотографиями?

Я вылетела из женского туалета. Вивви поджидала меня.

— Просто любопытно, — невозмутимо спросила я, — где находится мужской туалет?

— Вниз по коридору и налево, — ответила Вивви. — А что?

Я быстрым шагом направилась вниз по коридору.

— Просто так.

Если бы Вивви знала меня дольше, чем пару часов, она стала бы волноваться. Очень сильно волноваться. Я добралась до мужского туалета, опустила руку на дверь и толкнула её внутрь.

— Тэсс! — воскликнула Вивви. Я мельком взглянула на неё. Несколько секунд она изучала меня, а потом пожала плечами. — Счастливого пути.

На моих губах мелькнул призрачный улыбки, но когда я шагнула в мужской туалет и дверь захлопнулась за моей спиной, выражение моего лица ожесточилось. Три парня стояли посреди комнаты и передавали друг другу мобильный телефон.

— Нет, эта моя любимая. Точно эта. Выражение её лица!

— Свеженькая, чувак. Вы бы её слышали: «Ты уверен? Я нормально выгляжу?».

Ярость окатила меня с ног до головы, и я проскользнула поближе к ним. Телефон

передавали из рук в руки и, по невнимательности, они передали его мне. Третий парень заметил меня в тот самый миг, когда я сжала телефон в кулаке. Он попытался вернуть его, но я сжала кулак. Сильно.

— Что за...

Я засунула телефон за пояс. Трое парней уставились на меня так, будто я объявила, что собираюсь себя поджечь.

— Теперь это мой телефон, — я позволила им усвоить мои слова. Самый высокий из трех парней угрожающе шагнул ко мне.

— Ага, как же, — усмехнулся он. — Отдай.

Я ненавидела задир, и у меня был очень долгий день. Несколько секунд я смотрела на него, гадая, рискнет ли он подойти ближе. Где-то в глубине его пустого черепа должен был прозвучать сигнал тревоги.

Но не прозвучал.

— Это — частная собственность, — прорычал он, нависая надо мной. Он потянулся за телефоном, но я поймала его запястье. Он был больше меня. Сильнее меня. Но мои руки давно огрубели, а он наверняка не работал и дня за всю свою жизнь.

— Есть много способов кастрации быка, — неторопливо произнесла я. — Можно связать его яйца так, чтобы они стали бесполезными и умерли. А можно взять нож и просто отрезать их, — свободной рукой я изобразила это. — Я выросла на ранчо. Я много знаю о кастрации быков.

В комнате повисла потрясенная тишина.

— Ты мне угрожаешь? — спросил парень. Его друзья неуверенно переглянулись. Судя по моему опыту, мужчинам всегда было некомфортно, если кто-то рассказывал о кастрации.

— Нет, — ответила я, не сводя взгляда с главаря этой банды. — Если бы я тебе угрожала, то звучала бы скорее так, — вся сила моей воли ушла на то, чтобы не сжать руки в кулаки. — Ей четырнадцать. Когда-нибудь слышал об Эндрю Стинсоне? Это дело попало в газеты, так ведь? Если я ничего не путаю, на его телефоне тоже нашли фотографии. Знаешь, где сейчас старый добрый Эндрю? — я практически видела, как крутятся колесики в голове этого парня. — Подсказка: это связано с залом суда.

Я достала телефон и пролиستала сообщения, потом — электронную почту. Один из парней попытался меня остановить, но благоразумно распложенная нога и немного давления дали мне нужное пространство.

— Ты никому их не отправил, — произнесла я. — Это хорошо.

— Ты больная маленькая ...

Я не стала утруждать выслушиванием грубых оскорблений, слетавших с его языка.

— Я не сумасшедшая, — произнесла я. — Просто привыкла иметь дело с существами намного больше и намного жестче тебя. Теперь это мой телефон. Думаю, тебе стоит купить новый.

Я развернулась на каблуках и вышла из туалета.

— Ты только что сделала огромную ошибку, — крикнул мне вслед один из парней.

Я даже не обернулась:

— Других я не делаю.

Боди забрал меня из школы.

— Количество жертв? — спросил он, когда мы миновали ворота и выехали на дорогу.

— Очень смешно, — ответила я.

Боди пожал плечами.

— Что поделать — я вижу твою истинную безжалостную сущность.

Я напомнила себе, что он меня не знает. Он был здесь не ради меня.

— Потому что моя сестра — знаменитый фиксер Айви Кендрик? — парировала я.

— Нет, — Боди закатил глаза. — Потому что я безупречно разбираюсь в людях, — он выехал на шоссе и мельком взглянул на меня. — И Айви предпочитает термин «консультант».

Я бы предпочла не чувствовать себя так, словно была последней во всей школе — если не во всём штате — кто понятия не имел о профессии Айви. Я бы предпочла, чтобы она хоть раз спросила меня, прежде чем разрушить мою жизнь и увести меня на другой край страны, словно это ничего не значило. Я бы предпочла, чтобы моя ближайшая родственница из ныне живущих не обращалась со мной, как с огнём, который нужно погасить или проблемой, с которой нужно разобраться.

Как с работой.

— Ты не ответила на вопрос о жертвах, — Боди вырвал меня из размышлений, словно он понимал, что ничего хорошего не выйдет, если я буду слишком долго волноваться.

— Обошлось без смертей, — сообщила я.

— Но?

Я посмотрела в окно, чтобы он не смог заметить, как поднялись уголки моих губ, стоило мне вспомнить ошарашенные лица парней, когда я забрала у них телефон.

— Что но?

Остаток поездки мы провели в приятной тишине. Машина подъехала к дому Айви. Боди заглушил двигатель, и я потянулась к дверной ручке.

— Стой, — резко приказал Боди. На этот раз он звучал совсем не как мужчина, лениво подкалывающий меня насчет моего характера. Я проследила за его взглядом к темному седану, припаркованному через улицу.

Боди снова завел машину.

— Что думаешь о мороженом? — спросил он и дал задний ход.

— Обычно я только «за», — сказала я, — но сейчас, я хочу понять, что происходит.

Прежде чем Боди успел ускользнуть от ответа — а я была уверена, что он сделает именно это — дверь дома Айви распахнулась. Из дома вышел пожилой мужчина. Он был высоким и седым, его лицо было создано, чтобы удовольствие или его отсутствие можно было заметить издали.

Моя рука снова рванула к дверной ручке.

— Даже не пытайся, котенок, — предупредил Боди. Я остановилась, но руки не опустила, наблюдая за тем, как мужчина пересек улицу.

— Кто он? — спросила я, наконец опуская руку. В его походке, осанке было что-то знакомое.

— Спроси меня об этом, когда будешь достаточно взрослой, чтобы ругаться, как моряк,

и, возможно, получишь честный ответ, — судя по тону Боди, он не испытывал к этому мужчине теплых чувств. Я почти сказала ему, что умею ругаться, как моряк, но вместо этого я проследила за тем, как мужчина забрался на пассажирское сидение седана и уехал прочь.

Судя по всему, не только у Айви был водитель — тут-то я и поняла, кого мне напоминал этот мужчина.

— Адам, — вслух произнесла я. — Это был отец Адама, не так ли?

Это ты посоветовал мне привести её сюда три года назад! Подслушанная мной ссора эхом отдавалась в моих воспоминаниях. *Три года назад ты была в хороших отношениях с моим отцом.*

Боди не сказал, что я была права. Он не сказал, что отец Адама был человеком у власти. Ему и не нужно было.

— Ты знаешь, что ты пугающая? — спросил Боди. — И — плевать, если ты испепелишь меня взглядом — это ты точно взяла от Айви.

— Что? — переспросила я, прежде чем успела придумать ответ получше.

— Эта жуткая способность делать выводы из ничего и звучать так чертовски уверенно в своих словах.

Я звучала уверенно, потому что я была уверена. Я понятия не имела, откуда об этом знала, но знала.

— Кто он? — спросила я. — Отец Адама, чем он занимается?

Боди ещё раз взглянул на меня.

— Эта информация подпадает под принцип служебной необходимости, и тебе её знать незачем.

Мне было незачем знать, что Айви профессионально решала проблемы. Или что её «водитель» умел определять и реагировать на угрозы.

— Разве я не ясно объяснила, что будет означать вторжение в личную жизнь? — леденящий кровь голос Айви прорезался через вестибюль. Я различила её силуэт у окна. Она расхаживала из стороны в сторону с прижатым к уху телефоном. — Я уверена, что сенатор будет очень заинтересован в том, что вы...

Она обернулась и заметила меня, а затем прервала разговор на середине угрозы.

— Мне нужно идти, — она повесила трубку и зашагала ко мне, заставляя свои губы растянуться в фальшивой улыбке, которая почти коснулась глаз. — Тэсс, — она мельком взглянула на Боди, и между ними скользнул немой разговор. — Как твой первый день?

Я уставилась на неё. Мне было положено притвориться, что я не слышала, как она угрожала обрушить гнев самого Бога и Айви Кендрик на голову бедолаги на другом конце провода?

— Семь часов и сорок две минуты в школе, — уточнила Айви. — Хорошо? Плохо? Нейтрально?

— Я — младшая сестра Айви Кендрик, — ответила я. — Разве мой день мог быть плохим?

Даже сестра, с которой мы не виделись много лет, не купилась на мой слащавый тон.

— Люди сплетничают, — произнесла она, пожимая плечами в ответ на то, как я произнесла её имя — как все произносили её имя. — Ещё пара дней и всё уляжется.

— Это твоя профессиональная точка зрения? — сухо произнесла я. Этот разговор не стоил криков. Он не стоил даже сердитого шепота.

— Я не лгала тебе о своей работе, — спокойно произнесла Айви. — Я просто хотела дать тебе время, чтобы ты смогла приспособиться.

— Считай, что я приспособилась, — я направилась к лестнице. Она не остановила меня, и, почему-то, это было даже хуже — хуже, чем спрашивать у Вивви о жизни моей сестры, хуже, чем тот факт, что великая Айви Кендрик считала нормальным все эти взгляды и перешептывания, целый день преследовавшие меня в Хардвике.

Я перешагивала по две ступеньки за раз. Я поднялась по лестнице, зашла в гостиную и замерла. На кофейном столике стояла тарелка с печеньем, слегка подгоревшим по краям.

— У меня был план, — мягко произнесла последовавшая за мной в комнату Айви. Она остановилась в дверном проёме. — Я думала, мы посидим. Поговорим. Поедим печенье.

— Ты приготовила мне что-то вкусненькое? — я не могла как следует это осознать.

— Хороший был план, — защищаясь, произнесла Айви.

Я взяла одно печенье. Айви сделала шаг вперед, затем остановилась, словно я была лошадью и могла начать брыкаться, подойди она слишком близко.

— Возможно, план был бы лучше, купи я печенье, — неохотно признала она, глядя на подгоревшее печенье в моей руке.

— Ты не печешь, — заключала я. Я собиралась замолчать, но ещё два слова слетели с моего языка. — Я пеку.

— Ты печешь? — Айви сделала ещё один крохотный шаг вперед. — Я не знала.

Такая мелочь, но рассказав о ней Айви, я почувствовала, что теряю защитный слой кожи. Столько лет я черствела. Я ненавидела тот факт, что глупая тарелка подгоревшего печенья могла это исправить.

Хоть я и подавила свои эмоции, Айви видела меня насквозь.

— Скажи, что я могу сделать, Тэсс. Чтобы всё стало лучше.

«Всё» — в значении «новая жизнь, в которую она, не задумываясь, меня отправила»?

Или «всё» — в значении «мы»?

Я не могла позволить себе думать об этом.

— Ты можешь рассказать мне об отце Адама, — я не знала, пыталась ли я проверить на прочность её оболочку или специально спрашивала о том, о чём она не станет рассказывать.

— Его зовут Уильям Кейс, — всего парой слов Айви сказала мне больше, чем я ожидала. — Раньше я работала на него, — осторожно подбирая слова, продолжила она. — У нас были разногласия. Теперь я работаю на себя. Иногда он об этом забывает.

— Чем он занимается? — спросила я.

— Благодаря нему происходят события, — Айви не спешила с ответом, и я почти поняла, как время затерялось в воспоминаниях моего дедушки, размывая черту между мной и моей сестрой. — Политические события, — продолжила Айви. — У него много денег, много связей, и он уже очень долго раздаёт приказы за кулисами.

Я хотела спросить у неё, почему Боди так хотел, чтобы я осталась в машине. Хотела спросить, почему Адам считал, что вражда Айви с его отцом значила, что мне стоило остаться в Монтане. Хотела узнать, зачем Уильям Кейс приезжал к ней домой.

Но хотеть чего бы то ни было опасно, когда речь шла о нас с Айви. Я вернула печенье на тарелку.

— Тэсс? — она вопросительно взглянула на меня.

Мой взгляд застыл на точке чуть выше её левого плеча.

— Я не хочу сидеть. Не хочу есть печенье. И не хочу обсуждать с тобой мой день.

Тринадцатилетняя я отдала бы всё на свете за такую Айви. За вкусняшки после школы и спальню в этом доме. За звонки чаще, чем три раза в год. Я бы открыла ей своё сердце. Я спросила бы у неё обо всём, что я хотела знать.

— Ты не можешь всё улучшить, — сказала я. — Ты ничего не можешь сделать.

— Тэсси...

— Я не сломана, — негромко произнесла я. — Чем бы это ни было, ты не можешь это исправить. Больше не можешь.

На следующее утро Боди отвёз меня в школу. Я вяло добралась до кафетерия, размышляя о жестокости существования кофейни, в которой не продавали кофе.

— У меня есть для тебя работа, — судя по всему, на языке Эмилии Роудс это значило «привет». Она появилась из неоткуда, перехватывая меня на пути к моему бейглу. Не получив мгновенного ответа, она изогнула бровь. Судя по всему, она считала, что это заставит меня заговорить.

— И тебе привет, — пробормотала я. Этой ночью я плохо спала, и час был слишком ранний для чего-то подобного. Я обогнула её и направилась к прилавку, но она сделала шаг в сторону, преграждая мне путь. Не видать мне бейгла.

— Можешь притворяться, что не заинтересована, — сказала она, — но если ты умна, бросай играть недотрогу и переходи к переговорам, — смысла в словах Эмилии было даже меньше, чем если бы она говорила на латыни.

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь, — ответила я.

Эмилия сжала губы в что-то очень отдаленно напоминающее улыбку.

— У меня есть проблема.

— Ага, — пробормотала я себе под нос. — Может даже несколько.

— Мой брат, — проигнорировав меня, продолжила Эмилия. — На этой неделе его лучшего друга нет в школе, а значит — ему скучно.

Мой ответ — а точнее, его отсутствие — видимо, оставлял желать лучшего, так что Эмилия пронзила меня взглядом.

— Когда Ашеру становится скучно, всё идет наперекосяк. Нарушаются законы и нормы приличия, иногда ломаются кости, — она слегка наморщила нос. — Вчера на уроке химии кое-что случилось — будет достаточно сказать, что он играет с огнём с администрацией Хардвика.

Я задумалась о том, было ли «кое-что на уроке химии» взрывом, но решила, что спрости об этом, я только ещё дольше не доберусь до своего бейгла.

— В следующем году я подам документы в Йель, — продолжила Эмилия, — и поступлю туда, — судя по её тону, она была готова сжечь живьем любого, кто станет у неё на пути. — К сожалению, в Йеле придерживаются неофициальной политики насчет близнецов. Чаще всего поступают либо оба близнеца, либо ни один из них. Так вот мой близнец, кажется, хочет, чтобы его исключили, — Эмилия выдохнула, пытаясь успокоиться. — Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь устранял последствия, пока не вернется Генри. Три или четыре дня.

Наверное, если я простою здесь ещё пару часов, она всё-таки объяснит, причём тут я.

— Хочешь, чтобы я сказала это вслух, да? — она заставила себя улыбнуться. — Ашер — проблема.

Я выжидала.

— И?

— И, — произнесла она так, словно разговаривала с ребенком или идиотом, — ты решаешь проблемы.

— Я... делаю что? — последние слова я произнесла довольно громко. Люди начинали подозрительно коситься в нашу сторону. Эмилия взяла меня под руку, словно мы были

самыми лучшими подружками.

— Ты решаешь проблемы, — повторила она. — У меня есть проблема. А значит...

— У тебя есть для меня работа, — наконец-то в этом разговоре стал появляться смысл. И эта затея звучала бы куда лучше после чашки кофе. — Ты обратилась не по адресу, Эмилия.

— Так значит не ты Тэсс Кендрик, которую Анна Хэйден назвала настоящей кудесницей? — Эмилия снова изогнула бровь. — Анна не раскрыла подробностей, но она твоя большая фанатка и жуткая болтушка.

— Хэйден, — вслух произнесла я. — Девушка, которой я... помогла... вчера...

— Хэйден, Анна, — Эмилия выпустила мою руку. — Нерешительная девятиклассница, по совместительству ненаглядная младшая дочь и единственный человек в этой школе с личной охраной?

Я вспомнила вчерашний день. Вчера я думала о том, что плачущая девочка выглядела юной, напуганной, ранимой и жутко сердитой. Но я не подумала о том, что она выглядела знакомо. Она так и не назвала мне своего имени.

Эмилия фыркнула.

— Ты правда думаешь, что я поверю, что ты бросилась на помощь дочери вице-президента, понятия не имея о том, кто она?

Не удивительно, что Анна была в ужасе — и, слава богу, что придурок, у которого я отняла телефон, никому не отправил эти фотографии. Я даже и думать не хотела о том, какая буря поднялась бы в СМИ, поступи он иначе.

— Верь во что хочешь, — сказала я Эмили. — Никакая я не кудесница. И не решаю чужие проблемы. Чтобы там не происходило с твоим братом...

— Ашером, — подсказала она.

— Я ничем не могу помочь, — непоколебимо произнесла я.

— Я заплачу, — Эмилия явно не принимала «нет» за ответ, но им двоим предстояло познакомиться поближе.

— Я не хочу твоих денег, — я обогнула её — на этот раз успешно — но она повысила ставки.

— Я буду тебе должна.

Я гадала о том, что такого я сделала в прошлой жизни, чтобы заслужить всё это: оказаться сестрой знаменитого фиксера Айви Кендрик и быть названной «кудесницей» дочерью вице-президента.

— Прости, Эмилия, — ответила я, почти сожалея. — Я не та, кто тебе нужна.

Спустя пять минут после начала первого урока стало ясно, что Эмилия Роудс была не единственной, кто считал меня копией моей сестры. Скорее всего, Анна Хэйден не рассказывала о том, что я решаю проблемы всей школе, но она явно нашептала об этом кому следовало.

А в школе размеров Хардвика слухи разносились довольно быстро.

На английском одна из моих одноклассниц попыталась нанять меня для улаживания «проблем со сплетнями» из-за грязного расставания с парнем. На физике меня попросили заняться чем-то, что — насколько я вообще могла сказать — было связано с конкуренцией в шоу-хоре.

Я очень надеялась, что мне больше не придется даже думать о слове «шоу-хор».

С приближением ланча моё терпение становилось всё тоньше.

— Чисто гипотетически, мне стоит переживать из-за того, что ты выглядишь так, словно собираешься швырнуть в кого-то своим сэндвичем с фрикадельками? — рядом со мной оказалась Вивви.

Я взглянула на неё.

— Если бы я и собиралась что-то швырнуть, то только хлебный пудинг. Чисто гипотетически.

— Не выбрасывай хлебный пудинг, — возмущенно запротестовала Вивви. — С ним дают ромовый соус!

Она прозвучала так шокировано, что я почти улыбнулась.

— Мы в Хардвике очень серьезно относимся к выпечке, — энергично сообщила Вивви. Где-то с секунду она колебалась. — Ты ищешь, с кем есть?

На другом конце комнаты Эмилия взглянула на меня и опустила взгляд на свободное место за её столиком, напротив Майи и рядом с Ди. Явное приглашение.

Я обернулась к Вивви.

— Я думала, что сижу с тобой.

Вивви широко улыбнулась. Всё её лицо просияло.

— Где ты обычно сидишь? — спросила я. Вчера, когда она была моим гидом, мы сидели в углу комнаты, но у девушки вроде Вивви должно быть много друзей, как бы непривычно мне от этого ни было.

Глаза Вивви расширились, словно у Бемби, улыбка застыла на её лице.

— Ну, — осторожно произнесла она, — иногда я ем в кабинете рисования? А иногда просто ищу место во дворе? — каждое предложение она произносила с вопросительной интонацией — словно она ждала, что я передумаю с ней сидеть.

— Я не против посидеть снаружи, — произнесла я. В кафетерии было слишком много людей, а я совсем не жаждала узнать, кто из зевак окажется моим следующим «клиентом».

Вивви буквально вздрогнула от облегчения и показала мне дорогу.

— Знаю, наверное, ты думаешь о том, почему я обедаю в кабинете рисования.

— Ты художница? — предположила я.

Вивви прикусила нижнюю губу и покачала головой.

— Не то чтобы. В основном я рисую человечков из палочек, — она сделала паузу. — Получается не слишком хорошо, — призналась она.

Вивви была открытой книгой.

— Я понимаю, что значит обедать в одиночестве, — сказала ей я. — Ты не должна объяснять.

— Ничего страшного, — заверила меня Вивви, давая мне понять, что всё как раз наоборот. — Просто... Хардвик — не такая уж и большая школа. Почти половина учеников здесь с самого детства. Я всех знаю, но моя лучшая подруга переехала пару месяцев назад. Мы много времени проводили вдвоём. Есть несколько людей, с которыми я могла бы сидеть. Я просто... не хочу никому мешать, — она одарила меня ещё одной робкой улыбкой. — Ко мне нужно привыкнуть.

Что-то в её тоне подсказало мне, что кто-то другой убедил её в этом.

— И кто же так считает? — мрачно спросила я.

Вивви резко замерла посреди двора, её глаза округлились.

— Что? — спросила я. Она не ответила, так что я обернулась и проследила за её взглядом к школьной часовне. А точнее, к её крыше. В нижней части колокольни находилось одно единственное восьмиугольное окно. А перед этим окном — в тридцати футах над землей — стоял парень. Он балансировал на самом краю крыши.

Во дворе больше никого не было. Только мы с Вивви и парень на крыше. Я обогнала Вивви, гадая о том, что он там делает. Гадая о том, собирается ли он спрыгнуть.

— Приведи кого-нибудь, — сказала я Вивви.

Парень развел руки в стороны.

— Что будешь делать? — спросила у меня Вивви.

Я сделала шаг в сторону часовни.

— Понятия не имею.

Дверь, ведущая на крышу часовни, была распахнута, на ней весела табличка «Не входить». Я поступила в точности наоборот. Ещё одну лестницу спустя я оказалась на крыше.

Парень всё ещё стоял на краю. Я видела только его затылок. Его волосы были темно-рыжими — того глубокого насыщенного цвета, за который девчонки с радостью убили бы, вот только на парне он почему-то смотрелся странновато. Оказавшись здесь, в паре шагов от него, я не знала, что мне делать.

— Доброго тебе утра, — не оборачиваясь, произнёс парень. Я шагнула вперед. Он поднял одну ногу и вытянул её над краем — между ней и землей оказался один лишь воздух.

— Сейчас не утро, — ответила я, медленно подбираясь всё ближе к нему. Чем дальше я шла, тем более покато становилась крыша.

Парень мельком взглянул на меня.

— Я не ирландец, — сообщил он. На его губах играл намек на улыбку. — Если ты об этом думала.

Я думала о том, что этот парень забыл на крыше часовни — потому что, внезапно, я стала уверенной в том, что он не собирался оттуда прыгать.

— Из-за рыжих волос люди думают, что я ирландец, — продолжил парень. — А ещё из-за привычки говорить вещи вроде «доброго тебе утра». А ещё то, что я две недели занимался ирландскими народными танцами, когда мне было четырнадцать, — он вздохнул. — То были прекрасные две недели. Мы с Кэтлин были так счастливы.

— Кэтлин? — переспросила я.

— Девушка номер семнадцать, — ответил парень. — До Софии, но после Сары.

— К четырнадцати годам у тебя было семнадцать девушек? — уточнила я.

— Дамы, — произнес он, пожимая плечами. — Они меня любят. Всё потому что я такой очаровательный.

— Ты стоишь на одной ноге на крыше часовни. Ты не очарователен. Ты идиот.

— На самом деле, ты так не думаешь, — ухмыляясь, произнёс он.

— Я думаю, что тебе стоит убраться с крыши, пока тебя не заметил какой-нибудь учитель, — сказала я.

Парень взглянул вниз через край крыши.

— Слишком поздно, прекрасная леди. Этот корабль давно уплыл.

Я закатила глаза и попятилась к двери. Я думала, что ему нужна помощь — но в действительности ему нужно было хорошенько врезать. А учитывая то, что мы познакомились всего две минуты назад, я не считала, что заниматься этим обязана именно я. Пусть хоть станцует здесь, мне-то какая разница.

Когда я добралась до лестницы, он последовал за мной, с неизменной глупой ухмылкой на лице.

— Ты новенькая, — произнёс он.

Я не ответила. В следующий раз он заговорил, когда я была у двери часовни, но на этот раз он говорил тише.

— Я просто наслаждался видом.

Я резко обернулась к нему, намереваясь хорошенько врезать ему и наконец стереть эту улыбку с его лица, вот только он больше не улыбался. Серьезность была ему не к лицу.

— Видом? — спросила я, всё ещё ругая себя за то, что неправильно поняла всю ситуацию.

— Видом, — ответил он. — Чем выше поднимаешься, тем меньше они становятся.

— Кто? — спросила я.

Он развёл руки в стороны, как он уже делал на краю крыши.

— Все.

Стоило мне перешагнуть порог часовни, как я поняла, что имел в виду этот парень, говоря о том, что спускаться, пока его не заметили учителя, было слишком поздно. Я не была уверена в том, действительно ли Вивви позвала на помощь или кто-то другой заметил парня на крыше, но теперь во дворе собралось двое учителей и множество учеников — включая Эмилию Роудс. В выражении её лица читались отчетливые страдания

— Ты спустила его оттуда? — шепотом спросила у меня Вивви. — Ты применила силу, да?

— Мисс Кендрик! — учитель пробился ко мне через толпу. — Вы в порядке?

— Всё нормально.

— Потрудитесь объяснить, что вы там делали? — учитель прищурился.

За его спиной Вивви принялась бурно жестикулировать. Ей чертовски хорошо давались шарады. Уловив намёк, я мельком подняла взгляд на крышу. С нашего положения на земле был виден край крыши, но не её та её часть, где стояла я.

— Это же часовня, — ответила я, оборачиваясь к учителю. — Чем, по-вашему, я могла там заниматься?

Учитель растерялся. Я пожала плечами.

— Когда нужно помолиться, ничего не поделаешь, — учитель открыл было рот, чтобы ответить, но я перебила его. — Ведь часовня Хардвика открыта для учеников всех

религий, — произнесла я. — Не так ли?

— Эммм... да, — ответил учитель. — Конечно, — мужчина поправил галстук и переключился на другую мишень. — Мистер Роудс! — рявкнул он.

Парень с крыши очаровательно улыбнулся.

— Мистер Коллинз! Именно тот, кого я надеялся увидеть.

— Может вы надеялись увидеть ещё и директора Рэлей? — парировал учитель. — Если да, то вам очень повезло.

— Мне всегда везет, — ответил парень — судя по всему, по фамилии Роудс. — Думаю, я сделал там несколько отличных кадров, — пока я пыталась осознать тот факт, что этот парень был братом Эмилии, он показал учителю фотоаппарат, которого я уж точно не видела на крыше.

— Хотите сказать, вы забрались на крышу часовни, чтобы пофотографировать? — скептически спросил учитель.

Я взглянула на парня — Ашера. Это ни за что не сработает.

Взгляд Ашера встретился с моим, его глаза горели. Я буквально слышала, как он подумал: «вызов принят».

— Я пытался осмыслить то, о чём вы рассказали нам на лекции по перспективе в фотографии, — сказал он учителю. — Вы сказали нам мыслить неординарно, — он склонил голову на бок. — Я чувствовал себя таким... просвещённым...

Я фыркнула. Громко.

— Ашер, думаете, я идиот? — мистер Коллинз нахмурился.

— Конечно, нет, — ответил Ашер. — Думаете, я просвещённый? — он усмехнулся. Вслед за ним улыбнулась и стоящая рядом со мной Вивви. Его улыбка оказалась заразной.

Мистер Коллинз покачал головой.

— Держитесь подальше от этой крыши, — приказал он. Затем сделал паузу. — Держитесь подальше от всех крыш.

Тот факт, что он посчитал нужным уточнить, поведал мне многое об Ашере Роудсе.

— Так точно, сэр, — ответил Ашер. К моему огромному удивлению, мистер Коллинз ограничился предупреждением. Другой учитель и вовсе не сказал Ашеру ни слова. Словно загорелась неоновая табличка со словами «здесь не на что смотреть». Толпа разошлась, Ашер взглянул на меня и изогнул бровь.

— Что здесь только что произошло? — озадаченно спросила я у Вивви.

Вивви пожала плечами.

— Такой уж я человек, — любезно сообщил Ашер. — Я всем нравлюсь.

— Нет, не всем.

Ашер улыбнулась так, словно я только что призналась ему в любви. Он поднял камеру и сфотографировал меня.

— Подожди всего пару дней, — произнёс он тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Вот увидишь.

Слухи о том, что я взялась за дело Эмилии, довольно быстро разнеслись по школе. Забудьте о том факте, что я за него не бралась. И о том, что случайные старшеклассники вообще не могут открыть бизнес и начать «браться за дела». Для Хардвика тот факт, что я была с Ашером, а ему удалось избежать проблем, был подтверждением того, что я приняла мой титул фиксера.

Нравилось мне это или нет, я больше не была простой старшеклассницей. Я была Тэсс Кендрик. А из-за всех этих слухов об Анне Хэйден и Эмилии Роудс, люди начинали думать, что это что-то означало.

Конечно же, мне повезло так, что Ашер оказался в моём классе о проблемах современного мира. Он поприветствовал наших одноклассников по именам и дал нескольким из них пять по пути к месту по соседству с моим. Он одарил меня дурацкой, блаженной улыбкой.

Убейте меня.

— Мои поздравления! — хлопнув в ладоши, воскликнула Доктор Кларк в передней части кабинета. — В награду за то, что сегодня вы — мой последний и любимый класс, вы можете сдать свои работы, посвященные интернет-цензуре!

По комнате пронёсся коллективный стон. После того, как мы сдали работы, она включила плоскоэкранный телевизор — телеканал CNN.

— Будьте готовы, — произнесла доктор Кларк.

Готовы к чему? — гадала я.

— Дебаты, — беспомощно сообщила мне Вивви.

— Мы прибываем на милости богов дневного кабельного телевидения, — уточнил Ашер, вертя карандаш, словно крохотный жезл. — Что бы ни обсуждали аналитики, то же обсуждаем и мы.

По всей комнате люди поспешно делали заметки. Я понятия не имела, о чём говорили люди на экране. Пять минут спустя я бросила любые попытки что-либо понять, а затем программу прервали посреди предложения.

— Экстренные новости, — объявило телевиденье. Стоило мужчине в военной форме появиться на экране, чтобы сделать заявление, по классу пробежала волна тревоги. Всё тут же уставилось на меня.

Нет. Не на меня, — осознала я. — На Вивви.

Несколько секунд я осмысливала то, что в подписи на экране, под именем мужчины значились его звание (майор), должность (врач в Белом Доме) и фамилия. Бхарани.

— С глубоким прискорбием, — произнёс мужчина на экране, — я сообщаю вам, что председатель верховного суда Теодор Маркетт ушел из жизни на операционном столе чуть больше часа назад. Мы дважды пытались устранить тромб в сердце судьи, и во время второй операции возникли непредвиденные осложнения.

Вивви сидела очень и очень неподвижно. Ашер замер. Остальные ученики принялись негромко перешептываться.

На экране майор Бхарани продолжил свою речь.

— Сегодня наша страна потеряла прекрасного человека. Мы просим вас уважать частное пространство его семьи в это тяжелое время.

Смерть судьи Маркетта была важной новостью для Хардвика. Насколько я поняла, парень, которого всё ещё не было в школе — Генри Маркетт — был довольно популярен — а ведь год назад он уже потерял отца. Прибавьте к этому количество учеников, родители которых были политиками, журналистами, лоббистами, так или иначе связанными с властью имущими лицами Вашингтона, и смерть председателя верховного суда будет не просто новостью. Его смерть меняла всё в корне. Его смерть была чем-то личным.

— Чаю? — вопрос выдернул меня из размышлений. В ожидании ответа, Айви наполнила свою чашку.

— Нет, — ответила я. — Спасибо.

Не сводя с меня глаз, Айви сделала глоток чая.

— Можем заказать что-нибудь другое, если хочешь.

Почему-то моя сестра решила, что моя речь на тему «я не хочу твоего печенья» подразумевала, что я лучше отправлюсь в город, чтобы выпить чая.

— Всё нормально, — сквозь сжатые зубы сказала ей я. Вокруг нас женщины болтали друг с другом, поедая изысканную выпечку. Я практически чувствовала, как в воздухе ресторана парит элегантность.

Айви подняла изящную серебряную ложечку и вдумчиво помешала свой чай.

— Булочку? — предложила она.

Я просто уставилась на неё.

— Что мы здесь делаем?

— Я ем булочку, — ответила Айви. — Я дам тебе знать, когда пойму, что здесь делаешь ты.

У меня появилось чувство, что я могу бросать в её адрес непристойные ругательства, а она просто продолжит попивать чай.

— Чего ты хочешь? — после сегодняшнего дня я была слишком морально истощена, чтобы ходить вокруг да около.

— Я хочу, чтобы ты дала Вашингтону шанс, — Айви подождала, пока я усвою эти слова и продолжила. — Я не стану просить о шансе для себя. Не уверена, что заслуживаю его. Но ты заслуживаешь, Тэсси. Ты заслуживаешь иметь здесь жизнь.

— У меня была жизнь, — резко ответила я. — Я была... — Счастлива? Мне не удалось заставить свои губы сформировать это слово. — У меня всё было в порядке.

— Когда я оставила тебя там, — произнесла Айви, — три года назад, когда я оставила тебя с дедушкой, я считала, что поступаю правильно. Ради тебя.

Тогда зачем ты вообще пригласила меня жить с тобой? Я не стала произносить эти слова вслух.

Когда мне было тринадцать, я пыталась спросить у неё, почему. Я звонила, но она не поднимала трубку. Я звонила снова и снова, но она не отвечала. Месяцем позже она позвонила, чтобы пожелать мне счастливого дня рождения, словно ничего и не случилось.

После этого я перестала звонить ей и задавать вопросы.

Сидящая напротив меня Айви принялась намазывать на булочку густые топлёные сливки.

— Чего ты хочешь, Тэсс?

— Уж точно не чая и булочек, — пробормотала я. — В этом я чертовски уверена.

Пожилая дама за соседним столиком сердито взглянула на меня. Я опустила взгляд на кружевную скатерть.

— Я не спрашивала о том, чего ты не хочешь, — сообщила мне Айви. — Я спросила, чего ты хочешь. Не воспринимай это, как задушевный разговор. Считай это переговорами. Я хочу дать нам шанс договориться, — голос Айви не изменился — ни его громкость, ни его тон. — Скажи, чего ты хочешь, и я посмотрю, что смогу сделать.

Я хотела вернуться домой. Хотела, чтобы домой вернулся дедушка. Но даже великая Айви Кендрик не могла повернуть часы вспять. Она не могла излечить его.

— Есть новости от врачей? — мой голос показался мне иступленным.

— Сегодня утром они связались со мной, — Айви поставила чашку на стол. — Он страдает от когнитивного нарушения, дезориентации, перепадов настроения.

Я вспомнила о том, как дедушка кричал и требовал рассказать о том, что я сделала с его женой.

— У него бывают хорошие дни, — сказала я Айви.

Она ответила ласково.

— Их будет становиться всё меньше, а приходить они будут всё реже. Есть несколько вариантов лечения. Один из них — клиническое исследование лекарственных препаратов.

— Я хочу поговорить с врачами, — я сглотнула ком в горле. — Хочу, чтобы они рассказали мне о вариантах. А ещё я хочу поговорить с дедушкой.

Я пыталась дозвониться до него, но пока что мои попытки заканчивались неудачами.

— Я достану тебе личный номер его врача, — пообещала Айви. — Хочешь чего-то ещё? — она сделала паузу. — Для себя?

Я не ответила.

— Я хочу, чтобы ты дала себе шанс быть счастливой, вне зависимости от того, как сильно ты на меня злишься, — Айви подалась вперед. — Чего ты хочешь?

Она не прекратит спрашивать, пока я не отвечу. Я сжала зубы.

— Больше никаких чаепитий.

Айви и глазом не повела.

— Хорошо. Что ещё?

Она хотела переговоров. Чудно. Я посмотрела ей в глаза.

— Хочу машину.

Айви моргнула. Затем она моргнула ещё раз.

— Машину?

— Не важно, пусть она будет поддержанной, — сказала я. — Пусть она будет чужой или едва рабочей. Хочу иметь собственный транспорт.

Мне не нравилось зависеть от других людей. Я должна была знать, что если понадобится, то смогу позаботиться о себе.

— Водить в округе Колумбия — не то же самое, что водить в Монтане, — сказала мне Айви.

— Я научусь, — мои слова прозвучали на удивление громко. На какой-то миг мне показалось, что я повысила голос. Затем я осознала, что говорю с той же громкостью, что и прежде; а вот остальная часть ресторанчика изменилась. Затихла.

Я взглянула направо. Сидевшие рядом с нами пожилые женщины исчезли. Как и

женщины за соседним столиком, девушки из женской общины с другой стороны, мать с тремя маленькими девочками... Все они пропали.

Не считая нас ресторан пустовал.

Айви приняла во внимание тишину, пустующие стулья и вздохнула. Затем она поднесла чашку к губам и, выжидая, сделала ещё один глоток.

Чего она ждала?

Задняя дверь ресторана открылась. В комнату шагнул мужчина в костюме. В его ухе красовался наушник, а на боку висел пистолет.

— Марк, — поздоровалась с ним Айви.

Он кивнул ей, но не произнес ни слова. Через какой-то миг в комнату зашла женщина. Ей было немного за пятьдесят, но она выглядела как минимум на десять лет младше. Её светлые, лишь слегка поседевшие с возрастом волосы идеальными кудрями обрамляли её лицо в форме сердца. Она носила тёмно-синий с такой уверенностью, словно сама изобрела этот цвет.

Следом за ней в комнату шагнул ещё один вооруженный мужчина.

— Джорджия, — произнесла Айви. — Так приятно вас увидеть.

— Не стоит лгать, милая, — ответила женщина. — Ложь тебе не к лицу, — она пересекла комнату и пододвинула к нашему столику ещё один стул. Затем она взглянула на меня своими теплыми карими глазами. — А ты должно быть Тэсс.

Когда первая леди Соединенных Штатов сидит рядом с тобой и спрашивает, не хочешь ли ты съесть булочку, ты отвечаешь «да».

— Значит, теперь ты хочешь булочку? — раздраженно произнесла Айви.

— Чаю? — Джорджия Нолан проигнорировала Айви и сосредоточилась на мне.

Я улыбнулась.

— Это было бы замечательно.

— Замечательно? — не веря своим ушам, повторила Айви. — Ты ничего не считаешь замечательным.

— Тише, — сказала ей первая леди. Я ещё никогда не видела, чтобы кто-нибудь говорил Айви замолчать. Этого почти хватило, чтобы я забыла о том, что за каждым нашим шагом наблюдает парочка личных охранников президента.

— Вы вывели всех из комнаты, — заметила Айви.

— В последнее время мне угрожали, — ответила Джорджия, передавая мне джем для булочки. — Судя по всему, некоторые радикальные группировки винят меня за решения моего мужа насчет внешней политики.

Айви фыркнула.

— Подумать только, — она сделала паузу. — Поэтому вы здесь?

— Я здесь, потому что Боди сказал мне, что вы будете здесь, — ответила Джорджия.

— Боди уволен, — произнесла Айви.

Джорджия раздраженно махнула рукой.

— Боди всегда уволен. И, отвечая на твой вопрос, нет, я здесь не из-за угроз. Я здесь, потому что, насколько я понимаю, недавно тебя посетил наш общий друг.

Джорджия Нолан была с юга — это было заметно. Думаю, она использовала слов «друг» в довольно широком смысле.

— А ещё, — добавила женщина, — я здесь, чтобы познакомиться с Тэсс, — она обернулась ко мне. — Я просила Айви привезти тебя в Белый Дом. Она вежливо отказалась.

— Не так уж и вежливо, — пробормотала Айви.

Я не была уверена в том, что удивило меня сильнее — тот факт, что первая леди была одной из клиентов Айви или тот факт, что Айви вела себя с ней совсем не как с клиенткой. Она обращалась с ней, как с семьей.

— Я очень сожалею о твоём дедушке, Тэсс, — Джорджия Нолан потянулась ко мне и сжала мою руку. — Насколько я знаю, он хороший человек.

Я уставилась на свой чай. Она использовала настоящее время. Он хороший человек, — подумала я, цепляясь за слова. Хороший человек. Он упорен и умён, и похож на меня куда больше, чем любой из нас готов признать.

Я почувствовала на себе взгляд Айви и сглотнула поток эмоций, который нахлынул на меня после слов первой леди.

— У судьи Маркетта есть — был — внук. Он учится в Хардвике, — произнесла я, всё ещё глядя на ободок своей чашки. Лучше обсудить чужого дедушку, а не своего. — Поэтому вы здесь, не так ли? — я подняла взгляд и взглянула в карие глаза первой леди. — Айви решает проблемы. Смерть председателя верховного суда — это проблема.

— Нет, — ответила жена президента, так и не потеряв теплоты в голосе. — Смерть Тео Маркетта — это трагедия, — несколько секунд она изучала меня, а затем продолжила. — Но, говоря начистоту, это возможность, какой бы трагичной она не была, — она опустила свою чашку на стол. — Кстати говоря, — произнесла она, переводя внимания на Айви, — думаю, именно поэтому тебя навелstil Уильям? — Джорджия сдержанно улыбнулась. — У него есть кандидаты на эту должность, и он хочет, чтобы ты нашептала о них в ушко правительства.

Уильям. Какой-то миг я усваивала имя. Уильям Кейс.

— Джорджия, — Айви взглянула на женщину, а затем многозначительно перевела взгляд на меня. Несколько секунд первая леди удерживала взгляд Айви, а затем едва заметно кивнула.

— Тэсс, — произнесла Джорджия, — не могла бы ты дать нам минутку?

Когда первая леди Соединенных Штатов просит тебя дать ей минутку, ты даешь ей минутку. Я отправилась в уборную. Когда я вернулась, они с Айви закончили обсуждать что бы они там не обсуждали.

Джорджия встала. Она подалась вперед и опустила руку на плечо Айви.

— Я дам тебе знать о том, что Питер думает о кандидатах, — сказала она, сжимая плечо Айви. — А пока что, держи ухо востро, — затем она улыбнулась. — А когда всё утихнет, вы с Тэсс придете к нам на ужин.

Вот какой стала моя жизнь: во вторник первая леди настаивает на том, что в ближайшем будущем я просто обязана поужинать в Белом Доме; а в среду я обедаю в одиночестве. Вивви не было в школе. Скорее всего, я могла бы воспользоваться своей растущей репутацией, чтобы заполучить место за чьим-нибудь столиком, но я давно привыкла быть одна.

Одиночество не раздражало меня и вполнину так сильно, как признание своего статуса известной личности в Хардвике.

Так что я ела во дворе. Одна. Вивви не появилась и на следующий день, так что я сделала то же самое. И в день после того. После трёх дней самоизоляции — и шести отклонённых предложений по решению чужих проблем — школьники наконец-то начали улавливать посыл. Я не была кудесницей. Я не хотела завести друзей.

Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое.

На третий день у меня появилась компания. И не самая лучшая.

— Это же моя любимая маленькая психопатка, — парень, телефон которого я конфисковала в свой первый день в Хардвике, проскользнул на сидение напротив моего. Мельком оглядев моё окружение, я поняла, что его друзья были неподалеку. За последние несколько дней всё больше и больше учеников решили проводить ланч во дворе. Три или четыре небольших группки, и одна группа побольше.

Несколько учеников мельком взглянули в нашу сторону, но только взгляд Эмили Роудс задержался на нас.

— В последние несколько дней ты выглядишь немного одинокой, — парень напротив улыбнулся мне совсем не дружелюбной улыбкой. — Неужели твои пятнадцать минут школьной славы уже подошли к концу?

Он походил на хищника, загоняющего отбившуюся от стада антилопу. Я угрожала ему, унизила его. А он выжидал, пока не стало ясно, что я не собиралась занимать место на верхушке иерархии Хардвика.

Видимо, теперь он счёл меня легкой добычей.

— Если тебе нужен друг... — он хитро взглянул на меня. Его взгляд скользил по моему телу так, чтобы я почувствовала себя незащищенной. — Я могу быть очень хорошим другом.

— Продолжай в это верить, — произнесла я. Ему не стоило ждать от меня другой реакции на слова о его мастерстве в «дружбе», кроме как скептицизма.

— Думаешь, ты особенная, да? — он был высоким и спортивным обладателем идеальной улыбки и идеальных волос. Я не знала, что раздражало его сильнее — отказ или тот факт, что если мы решим сверлить друг друга взглядами, он первым отведет глаза. — Твоя сестра — не более чем «скорая помощь» для политиков, — выплюнул он. — Кратковременная мода. Для людей вроде моего отца, она всего лишь наёмный работник.

Он хотел, чтобы я задалась вопросом о том, кем был его отец.

Желай этого где-нибудь в другом месте, вундеркинд, — подумала я. У меня совсем не было настроения для игры «Кто есть кто?» в Вашингтоне.

— Я могу очень сильно усложнить тебе жизнь, — он явно пытался мне угрожать.

Я фыркнула.

— А я могу мило поболтать с твоим отцом насчет того, что из всех девушек в этой школе, ты решил терроризировать дочь вице-президента.

Я понятия не имела о том, кем был отец этого парня. Он мог и не быть одним из тех, кому не плевать на то, как его сын ведет себя с девушками. Но судя по отношению его сына к власти — к тем, кто ею обладал и тем, у кого её не было — я решила, что дорогой папочка может питать небольшой интерес к тому, что его идиот-сын наживает врагов среди влиятельных людей.

На короткий миг вышеупомянутый идиот побледнел. Я наколола на вилку салат и поднесла кусочек ко рту. Без какого-либо предупреждения парень схватил меня за запястье. Издалека выражение его лица выглядело абсолютно дружелюбным, но я видела блеск в его глазах.

— Сегодня отличный день, не так ли? — на соседний стул проскользнул Ашер Роудс. Он поднял мою ложку и украл кусочек моего кекса. — Надеюсь, я ничему не помешал?

Парень с блеском в глазах отпустил моё запястье. Он рассмеялся.

— Мы с Тэсс просто дурачимся.

Ашер срезал ещё кусочек моего кекса.

— Эта Тэсс такая шутница, — живо произнёс он. — Вечная бунтарка. Постоянно меня смешит.

Парень несколько раз моргнул.

— Вы двое...

— Друзья, — провозгласил Ашер. Он попытался украсть ещё один кусочек моего кекса. Я остановила его руку вилкой чуть жестче, чем следовало бы.

Я не нуждалась в спасителе.

— Мы не друзья, — сказала я Ашеру.

— Наша связь уходит далеко за пределы дружбы, — любезно согласился Ашер. — О нас будут писать поэмы и петь барды, — он обернулся к сидящему напротив нас парню. — Хочешь побыть бардом?

Не удивительно, что ответом на вопрос стало «нет». Парень поспешно выбрался из-за стола. Он и его подпевалы ретировались к столику по соседству от Эмилии. Та отвернулась и с высокоподнятой головой вернулась к делам за собственным столиком.

— Джон Томас Уилкокс, — негромко сообщил Ашер. — Его отец — партийный организатор фракции меньшинства.

Я не была уверена в том, как я должна на это ответить, так что я промолчала.

— Вижу, ты из сильных и молчаливых ребят, — мудро произнес Ашер. — А я никогда не замолкаю, так что мы отлично поладим.

— Я бы с ним справилась, — сказала ему я. — Ты мог остаться со своими друзьями.

Пусть его «лучшего друга» и не было в школе, в последние несколько дней Ашер не выглядел слишком уж одиноким. Каждый день он ел ланч за новым столиком, словно король, разделяющий блага между своим народом.

— Я не за тебя волновался, — с легкостью возразил Ашер. — Ты смотрела на него так, будто собиралась его убить, и, давай признаем, лицо Джона Томаса слишком симпатично для увечий, пусть он их и заслужил.

Эмилия пыталась нанять меня, чтобы пару дней удерживать её брата подальше от неприятностей. Я гадала о том, поняла ли она, что я была последней, кто подошел бы для этой работы.

Неприятности всегда находили меня.

За пять минут до звонка с последнего урока меня вызвали в кабинет директора.

— Тэсс, — произнёс он. — Могу я называть тебя Тэсс?

— Валяйте.

Он сложил руки на столе.

— Боюсь, мы получили кое-какие жалобы.

Я ждала, что он уточнит. Он ждал, что я заговорю. Но я умела ждать куда лучше него.

— Тебя обвиняют кое в чём серьезном. Агрессивное поведение. Шантаж. Кража.

Директор снова сделал паузу, но я снова промолчала. Единственным, кто мог обвинить меня в краже, был Джон Томас Уилкоккс. Одна мысль о том, что он сообщил обо мне администрации, казалась абсурдной. Наверняка, он думал, что я не стану рассказывать директору о его проделках.

К сожалению, он был прав. Если бы Анна Хэйден хотела, чтобы администрация вмешалась в её ситуацию, она бы сама пошла к директору.

— Итак, ты здесь новенькая, — продолжил директор. — И я верю, что ученикам нужно давать кредит доверия, но нам будет проще оставить эти неприятные дела в прошлом, если ты позволишь нам обыскать свой шкафчик.

— В поисках чего? — Мобильного телефона? Джон Томас правда думал, что я достаточно глупа, чтобы хранить его в школе?

Тот факт, что я наконец-то заговорила, похоже побудил директора Рэлей к действиям.

— К сожалению, я не могу обсуждать с тобой подробности обвинений. В попытке препятствовать травле учеников, в Хардвике работает политика открытых дверей. Мы призываем учеников рассказывать нам о любых проблемах и гарантируем их конфиденциальность во время расследования.

В теории идея была неплохой. Но в реальности эта система провоцировала насилие.

— Я презираю издевательства, — сказала я директору. — И задир. Можно сказать, в этом мы похожи с моей сестрой.

Упоминание Айви подействовало именно так, как я и думала. Директор Рэлей едва заметно сжал зубы. Судя по тому, как он вёл себя во время встречи с Айви, он явно побаивался влияния моей сестры. Либо у неё была на него какая-то грязь, либо он боялся, что она может что-нибудь найти.

Директор предложил мне мятный леденец, а затем заставил себя улыбнуться.

— Если бы ты просто позволила мне провести простой обыск...

— Нет, — произнесла я. — Я так не думаю.

На стене за столом директора висела фотография. Пока вздувались вены на его лбу, я пересчитала людей на снимке: трое в заднем ряду, двое спереди и один немного сбоку. Директор Рэлей стоял между лысеющим мужчиной лет пятидесяти и мужчиной чуть постарше с копной седых волос. Я сразу же узнала его.

Уильям Кейс.

— Мне не нужно твоё разрешения для обыска, — тон директора снова привлек к нему моё внимание. Судя по тому, как он повысил тон, именно так должен был звучать голос авторитета.

Если вам не нужно моё разрешение, — подумала я, — тогда зачем вы о нём просили?

— Я думала, что Хардвик уважает частные жизни всех его студентов, — произнесла я. Так он сказал Айви. Богачи и политики отправляли сюда своих детей, потому что здесь было безопасно, а люди здесь умели держать языки за зубами. Почему-то я была уверена, что беспорядочные обыски шкафчиков не придутся по душе Попечительскому Совету — а если у директора не было чего-то более значительного, чем туманные анонимные жалобы, будет очень легко назвать любой обыск именно беспорядочным.

— Может, мне следует позвонить Айви, — я во второй раз упомянула свою сестру. — Уверена, мы можем разобраться со всеми этими обысками.

Директор суетливо ослабил галстук, словно тот его душил.

— Не думаю, что это необходимо.

— Как и я.

Мы с директором обернулись к двери. В дверном проёме, выглядя, словно самый настоящий сын своего отца, стоял Адам. Его взгляд был спокойным, но его присутствие — доминирующим.

— Адам Кейс, — представился он, пересекая комнату, чтобы пожать руку директора. — Я здесь, чтобы забрать Тэсс.

— Вы сказали, Кейс? — кажется, директор выглядел чуть бледнее, чем секунду назад. — И как же вы связаны с Тэсс?

Губы Адама изогнулись в улыбке, больше походящей на угрозу.

— Друг семьи, — ответил он. — Если у вас есть какие-либо опасения насчет её поведения, я с радостью передам их её сестре.

— Нет, — поспешно произнёс директор. — Никаких опасений. Уверен, это простое недоразумение.

— Уверен, так и есть, — слова Адама звучали, словно приказ. — Ты готова идти, Тэсс? Я встала.

— Директор, — произнесла я, глядя ему в глаза. — Всегда рада вас видеть.

— Я хочу знать о том, что бы он нашел, обыщи он твой шкафчик? — спросил Адам, когда мы добрались до парковки. Он нахмурился не то от неодобрения, не то от удивления — я не могла сказать наверняка.

— Насколько я знаю, ничего, — я вытащила из телефона Джона Томаса батарею, чтобы никто не смог его отследить. И я уж точно была недостаточно глупа, чтобы хранить украденное в своём шкафчике.

— Так ты протестовала из принципа? — уголки его губ едва заметно дернулись. Удивление.

— Из принципа, что человек, анонимно нажаловавшийся директору, мог подбросить что-нибудь в мой шкафчик, — уточнила я. Адам долго, оценивающе глядел на меня, и я пожала плечами. — Я завела друзей.

— Да что ты говоришь, — Адам не прозвучал удивленным. Он открыл машину, судя по всему, принадлежащую ему. Я направилась было к пассажирскому сидению, но он остановил меня и протянул мне ключи. — Айви сказала, что ты хочешь научиться водить в Вашингтоне.

Прошло три дня со времен нашего чаепития с Айви, но она и слова не сказала о моей просьбе. Я предположила, что она забыла о ней или решила её проигнорировать.

— Почему именно тебя заставили учить меня «вождению в большом городе»? — спросила я у Адама.

— Никто меня не заставлял, — поправил меня он. — Я сам предложил свою кандидатуру, — он быстро обошел машину. — Я не доверяю Боди, когда дело доходит до ограничений по скорости, и только дурак доверится Айви за рулём.

— Она плохо водит? — было приятно подумать о том, что моя сестра хоть что-то делала плохо.

— Худшая из худших, — подтвердил Адам. — Не то чтобы она когда-нибудь врезалась в другую машину, но, стоит ей сесть за руль, все до единого мусорные контейнеры, фонари и почтовые ящики в радиусе сорока миль в смертельной опасности. Она не просто так наняла водителя.

Я позволила Адаму притвориться, что Боди — всего лишь водитель и забралась в машину.

— Первое правило безопасного вождения, — сказал мне Адам, пока я выезжала со стоянки, — будь осторожна с другими людьми. Водители здесь куда агрессивнее, чем ты привыкла. Движение более оживленное, а значит здесь больше раздраженных водителей, совершающих глупые поступки, чтобы добраться до работы на три минуты быстрее.

— Будь осторожна с другими людьми, — повторила я. — Звучит, как жизненный девиз.

Голубые глаза Адама мельком метнулись к моим, пока он направлял меня к повороту на главную улицу. Когда он понял, что я действительно могу повернуть, не взорвав при этом мою машину — и машины поблизости, он позволил себе завязать разговор.

— Проблемы с доверием?

— В смысле страха, что кто-то врежется в мою машину, или в смысле страха, что кто-то испортит мне жизнь?

— И то, и другое.

Его слова прозвучали скорее как ответ, чем как вопрос, так что я промолчала.

— Тебе нравится в Хардвике? — Адам попытался перевести тему разговора. — Не считая происшествия с директором.

— Это школа, — ответила я. Больше домашнего задания, ученики побогаче — но, в конце концов, старшая школа оставалась старшей школой, а моей целью оставалось выбраться из неё более или менее невредимой. — Она нормальная, — исправилась я, пожалев Адама, который заслуживал хоть чего-то за то, что тратил на меня своё время. — Уроки не так уж ужасны.

— Не так уж ужасны, — сухо произнёс Адам. — Высокая похвала.

Для меня она действительно была высокой.

После нескольких секунд тишины, Адам перевёл тему.

— Завтра похороны Тео Маркетта, — сообщил он. Затем сделал паузу. — Твоя сестра захочет пойти.

Я не была уверена в том, какого ответа он ждал.

— Тео был её другом, — продолжил Адам. Его спокойный, мудрый взгляд скользнул ко мне. — Айви всегда тяжело на похоронах, — я кое-что заметила в том, как он произносил имя моей сестры — словно то, что причиняло ей боль, ранило и его.

Я не отводила глаз от дороги. Мне не пришлось спрашивать, почему Айви приходилось тяжело на похоронах. Ей было двадцать один, когда мы потеряли родителей. Она была достаточно взрослой, чтобы помнить до единой детали всё, что произошло после.

— Ты тоже пойдешь на похороны? — спросила я у Адама. Он достаточно сильно заботился о моей сестре, чтобы научить меня водить. Ему было больно, когда что-либо её ранило. Я понятия не имела о том, было ли между ними что-то кроме дружбы, но вопрос показался мне разумным.

Подбородок Адама едва заметно напрягся.

— Будет лучше, если я их пропущу.

Он не стал уточнять. Я не просила. Минут двадцать мы ехали в тишине, не считая редких напоминаний о том, чтобы я была осторожна и не отводила глаз от дороги. Когда мы свернули к дому Айви, я начала ощущать тяжесть молчания.

— Так чем ты занимаешься, когда не учишь случайных подростков ездить по большим и страшным улицам Вашингтона? — спросила я.

Я припарковала машину. Адам отстегнул ремень безопасности и, расправив плечи, ответил:

— Я работаю в министерстве обороны. Прежде чем меня определили в Пентагон, я работал в военно-воздушных силах.

— Почему Пентагон? — спросила я.

— Туда меня назначили, — Адам застыл, единственной заметной подсказкой оставались мышцы его шеи. Его тон напомнил мне о подслушанной ссоре между ним и Айви.

Адаму — отец которого контролировал происходящее в Вашингтоне — пришлось сменить работу, которой он наслаждался, на работу в Пентагоне.

— Твой отец хотел, чтобы ты остался в Вашингтоне? — наугад спросила я.

— Мой отец очень дорожит своей семьей, — без каких-либо эмоций произнёс Адам. Он походил на солдата, вставшего в стойку «смирно» — глядел прямо перед собой и не шевелился. — А ещё у него очень хорошо выходит получать желаемое.

— Айви такая же, — слова соскользнули с моего языка прежде, чем я успела их обдумать. — Конечно, не в том смысле, что она дорожит семьей, — уточнила я. — Она тоже умеет получать желаемое.

Несколько секунд Адам молчал. Наконец он произнёс:

— Твоя сестра не такая, как мой отец, Тэсс.

Я не хотела заводить разговор об Айви.

— Она бы пошла на всё что угодно ради тебя, — сказал мне Адам, поворачивая голову, чтобы взглянуть мне в глаза. — Ты ведь знаешь об этом?

— Конечно, — он хотел это услышать.

— Она не станет просить тебя пойти с ней на похороны, — выражение лица Адама было нейтральным, он тщательно его контролировал. — Но я не иду, а Боди никогда не ходит на похороны. Он отвезёт её туда, но на этом всё, — он позволил мне уловить смысл его слов. — Это будет очень много значить, если ей не придется идти туда в одиночестве.

Много значить для Адама или для Айви?

— На этой неделе твой отец заезжал поговорить с Айви, — мне нужно было сменить тему, и это сработало. Челюсть Адама едва заметно напряглась. Всего через секунду какие-либо следы эмоций исчезли с его лица: ни намек на улыбку или насупленные брови.

— Ты не знал, — догадалась я. Я думала, что Айви ему рассказала.

— Вы с моим отцом встретились? — Адаму почти удалось сохранить спокойный тон, но я уловила в его голосе напряжение. Он хотел услышать «нет». Он хотел, чтобы я

держалась подальше от его отца. Я обдумала это, вспоминая о том, как Боди приказал мне оставаться в машине, стоило ему заметить Уильяма Кейса.

— Нет, — сказала я Адаму, замечая мелькнувшее на его лице облегчение. — Не встретились.

На следующее утро я надела выцветшее черное платье и спустилась на первый этаж, чтобы подождать Айви.

— Куда-то собралась? — спросил у меня Боди.

Я не стала смотреть ему в глаза.

— Внук судьи Маркетта учится в Хардвике, — не самое правдоподобное оправдание. — Он друг моего друга.

Учитывая то, что в Хардвике у меня было не слишком уж много друзей, мне пришлось слегка приукрасить правду.

— Так ты идешь на похороны.

— Да.

— На похороны дедушки друга твоего друга, — повторил Боди.

Я пожала плечами и направилась к машине.

— Думаю, это правильный поступок, — мы оба прекрасно знали, что я имела в виду вовсе не свою хлипкую связь с Генри Маркеттом.

Возможно, Адам был прав. Возможно, Айви нуждалась во мне. А может, и нет. Так или иначе, никто не должен ходить на похороны в одиночестве.

— Теодор Маркетт долго и упорно служил этой стране, — президент Питер Нолан стоял за трибуной оратора. Он был харизматичен и обладал властным голосом. Пока он произносил речь, Айви нащупала мою руку. Она сжимала её совсем недолго, но даже короткий момент соприкосновения сказал мне о том, что я пришла не зря.

Я знала, что она думает о похоронах наших родителей. А вот мои воспоминания были довольно расплывчатыми.

Я помнила лето. Моё платье было голубым. Бледного, светло-голубого цвета, выделявшегося среди моря черного. Я помню, что меня передавали из рук в руки. Помню, что ела какую-то еду. Помню, что меня стошнило на пол. Я помню, как Айви унесла меня на второй этаж. Помню, как моя голова лежала у неё на груди.

— Большинство из нас живут, не задумываясь о том, как мы влияем друг на друга, какой след оставляем после себя в этом мире — но не Тео. Как в суде, так и в жизни он чувствовал ответственность уйти из мира лучше того, в который он однажды пришел. Банально говорить о том, что он был хорошим, мудрым и честным человеком, — на несколько секунд президент замолчал. — Но я всё равно скажу об этом. Он был хорошим человеком, — голос президента достигал каждого уголка церкви. — Он был мудрым и справедливым.

Свет падал сквозь витражные окна на обернутый в американский флаг гроб. Флаги по всей стране были приспущены в честь судьи Маркетта.

— Теодор Маркетт был мужем, похоронившим свою жену, — голос президента окатил меня с ног до головы. Пусть он и произносил речь об умершем, его тон так и призывал довериться ему, выслушать его и последовать за ним. — Отцом, похоронившим своего сына. Он был бойцом, не сдававшимся горю; дням, ночам, месяцам и годам, когда жизнь была нелегкой. Он отлично играл в бильярд. И я по собственному опыту знаю, что этот мужчина всегда пел «С Днём Рождения» только во всё горло.

Раздалось несколько смешков.

— Тео был дедом и верным государственным служащим, — президент сделал паузу и склонил голову. — Он сделал этот мир лучше.

Были и другие речи, церковные гимны и молитвы.

Я помнила лето. Моё платье было голубым.

Несущие гроб люди поравнялись с нами: пять мужчин, женщина и мальчик. Я узнала женщину и осознала, что они с мужчинами были коллегами судьи Маркетта, заседавшими с ним в суде. Не важно, какими были их отношения в зале суда, пока они несли гроб по проходу, я видела горе, выжженное на их лицах.

Последним был парень моего возраста. В нём читалась смесь двух рас, а сжатая челюсть делала черты его лица ещё более твёрдыми. Внук судьи. Я наблюдала за тем, как он и шестеро судей Верховного Суда несли гроб его дедушки навстречу солнцу.

— Пойдем, Тэсс, — мягко произнесла Айви, когда люди направились к выходу. Мы добрались до края скамьи. Когда Айви ступила в проход, кто-то взял её под руку.

Отец Адама.

Я замерла, но толпа продолжила двигаться, так что я вышла из ступора и ступила в проход следом за ними.

— Уильям, — холодно поприветствовала его Айви. Она не попыталась вырваться из его хватки. Пока они шагали бок о бок, я гадала о том, кто кого ведет.

— Милая служба, — прокомментировал Уильям Кейс. — Хоть речь и была немного посредственной.

Я огляделась по сторонам, пытаюсь понять, услышал ли его кто-нибудь ещё, но, судя по всему, его слова расслышала только Айви — и я. В передней части церкви Джорджия Нолан стояла рядом со своим мужем. Она заметила меня и улыбнулась. Улыбка пропала из её глаз, когда она заметила мужчину, державшего Айви за руку.

— Ты обдумала наш маленький разговор? — спросил у Айви Уильям, пока мы шагали к выходу.

— Мы с вами не ведем разговоров, — сухо произнесла Айви. Уильям придержал для неё дверь. Когда Айви переступила порог, он обернулся ко мне. Ко мне.

— После вас, — произнёс он. Я сразу же разгадала его намерения — он пытался залезть в голову моей сестры. — И кто же эта юная леди? — спросил он у Айви.

Я была готова поставить деньги на то, что он знал ответ на свой вопрос.

— Моя сестра, — ответила Айви. Её голос звучал приятно, но в её глазах сверкало предостережение. — Тэсс.

Уильям Кейс улыбнулся и опустил ладонь на моё плечо.

— Приятно познакомиться, Тэсс.

Мне едва удалось побороть желание закатить глаза.

— Взаимно.

Мои ограниченные социальные навыки нисколько его не смутили.

— Насколько я понимаю, ты учишься в Хардвике?

Я взглянула прямо ему в глаза.

— Слухи здесь быстро разносятся.

— Уильям, — мужчина примерно того же возраста, что и Уильям Кейс, пожал его руку, заставляя его выпустить моё плечо. — Рад тебя увидеть.

— Ройс, — тепло ответил Уильям. — Как поживает Ханна?

Я сочла это моим шансом на побег. Айви последовала моему примеру. Она не сказала об Уильяме Кейсе ни слова, но я видела, что эта встреча её потрясла. Это заставило меня задуматься о том, насколько же опасен отец Адама.

Когда мы спустились по лестнице, моя сестра проскользнула к очереди, собравшейся у семьи судьи.

— Пэм, — Айви поздоровалась с высокой и худощавой темнокожей женщиной, касаясь её руки своей.

— Спасибо, что пришли.

Я гадала о том, в который раз за сегодня миссис Маркетт произносила эти слова. О том, начали ли они казаться ей какой-то тарабарщиной.

Прежде чем выпустить руку женщины, Айви сжала её.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Мы держимся, — ответ прозвучал заученно, словно она снова и снова повторяла его, надеясь, что он станет правдой.

Айви поймала взгляд женщины и мягко повторила:

— Что вам нужно?

В бок женщины уткнулась маленькая девочка. Женщина рефлексивно приобняла малышку и потрепала её по волосам.

— Будут поминки, — сказала она Айви. — В доме Тео, после похорон.

Айви едва заметно кивнула.

— Я могу прямо сейчас поехать туда.

— Ты не обязана этого делать, — поспешно произнесла женщина. — Похороны...

— Я могу прямо сейчас поехать туда, — повторила Айви. — Пэм, считай, что всё, что тебе нужно, будет сделано, — кажется, женщина хотела возразить. — Если бы Тео был здесь, он сказал бы мне пропустить похороны и сразу же отправиться к дому.

Миссис Маркетт грустно улыбнулась. Судя по всему, она не могла с этим поспорить.

— Мама? — рядом с матерью появился внук судьи. — Здесь всё в порядке? — Генри Маркетт мельком взглянул на меня и, кажется, решил, что я не достойна ни его интереса, ни его беспокойства. Затем он принялся сверлить Айви взглядом своих зеленых, словно мята, глаз.

— Мисс Кендрик просто предлагала помочь нам с поминками, — сказала ему миссис Маркетт.

— Уверен, это необязательно, — осанка Генри была идеально прямой, а его тон — ровным. — Обо всём позаботились.

Обо всём позаботился ты, — подумала я. Глядя на то, как Генри Маркетт стоял чуть впереди своей матери, словно он мог собой закрыть её от горя, я почувствовала нотку узнавания. Я знала, каково быть тем, кто обо всём заботится. Тем, кто должен быть сильным.

— Спасибо, что пришли, — Генри одарил Айви резкой улыбкой и увел свою мать прочь от нас.

Мы были свободны.

Дом судьи Маркетта находился в районе округа Колумбия, соседствовавшем с Вирджинией. Боди не стал спрашивать, почему мы туда едем. Айви не стала уточнять.

Когда мы приехали, моей сестре понадобилось всего десять минут, чтобы избавиться от заполонивших улицу журналистов.

— Как она это делает? — спросила я у Боди, наблюдая за тем, как она сказала что-то последнему непрощенному гостю, и он бросился бежать.

— Чёрная магия, — безразлично произнёс Боди.

К приезду Маркеттов в доме было тихо, еда была горячей, а молчаливые охранники караулили периметр.

В отличие от погребения, где присутствовало множество важных персон и чиновников, поминки были скорее частным мероприятием: соседи, родные, друзья. Стоило Айви отвлечься, я выскользнула из дома. Мне здесь не место. Это не моё горе.

Снаружи в воздухе парили свежие ароматы скошенной травы и приближающегося дождя. Дом судьи был того же размера, что и дом Айви, но с куда большим земельным участком. Глядя вдаль, я набрала номер дедушки, который мне дала Айви. Медсестра ответила на звонок и передала ему трубку.

Сегодня был не лучший его день.

В конечном счете, я попрощалась и повесила трубку, чувствуя себя так, словно снова бросаю его. Я принялась шагать, страдая от постоянного, непреклонного чувства потери. Я не осознавала, что нахожусь довольно далеко от дома, пока не заметила, что я не одна.

— Куда ты идешь?

Я обернулась и увидела маленькую девочку, обнимавшую миссис Маркетт на похоронах. Её темные волосы освободились от ободка. На ней было черное платье.

— Разве ты не должна быть в доме? — спросила я у неё.

Она выпятила подбородок.

— Это дом моего дедушки. Я могу идти туда, куда захочу.

— Справедливо, — несколько секунд я глядела на неё, а затем сбросила туфли. — Хочешь снять свои?

— Разве так можно делать? — её голос звучал скептически.

— Это дом твоего дедушки. Ты можешь делать всё, что захочешь.

Согласившись с моей логикой, она опустила на землю и стянула свои туфельки.

— Ты должна сказать, что сожалеешь о смерти моего дедушки, — сказала она мне.

— Ты правда хочешь, чтобы я это сказала? — спросила я.

Она потянула себя за кончики волос. Девочка была старше, чем мне показалось сначала — лет восьми или девяти.

— Нет, — наконец сказала она. — Но ты всё равно должна.

Я промолчала. Она сорвала травинку и уставилась на неё так безжалостно, словно пыталась поджечь её взглядом.

— У вас здесь есть пруд? — спросила я у неё.

— Неа. Но у нас есть собаки. Две, — добавила она, чтобы я случайно не подумала, что она сказала «собака» в единственном числе.

Я кивнула, и, кажется, мой ответ её удовлетворил.

Она сорвала ещё одну травинку, а затем искоса взглянула на меня.

— Что бы мы делали с прудом?

Я пожала плечами.

— Бросали камешки?

Двадцать минут спустя Талия Маркетт во всех тонкостях овладела мастерством бросания камешков в несуществующий пруд.

— Две прекрасные дамы, томящиеся в одиночестве.

Я обернулась и с удивлением увидела Ашера. Только пару секунд спустя я вспомнила о том, что Эмилия пыталась нанять меня, чтобы я держала его подальше от проблем, пока его лучший друг не вернется в школу и не займется этой работой сам.

Его лучший друг — Генри. Генри Маркетт.

— Мы бросаем камешки в пруд, — сообщила Ашеру Талия. — Это Ашер, — сказала она мне. — Он ничего, — девочка улыбнулась.

Ашера не смутило отсутствие камешков и пруда, так что он плюхнулся на землю рядом с нами.

— Я, — ехидно произнёс он, — мастерски бросаю камешки.

Десять минут спустя прибыла кавалерия. И, кажется, кавалерия была не слишком рада найти нас растянувшимися в траве.

— Ты не так уж в этом и хорош, Ашер, — Талия прибывала в счастливом неведении о прибытии её брата. Ашер лениво улыбнулся Генри и бросил очередной воображаемый камешек.

— Подпрыгнул пять раз, — лукаво заявил он.

Я облокотилась на свои ладони.

— Вообще-то, дважды, — возразила я. Талия хихикнула.

— Меня окружают гадюки, — вздохнул Ашер. Он обернулся к Генри. — Поддержишь товарища, добрый человек?

«Добрый человек» Ашера выглядел так, будто подумывал отправить большинство из нас в тюрьму.

— Генри, смотри! — приказала Талия, не замечая — возможно, это дело привычки — мрачного выражения на лице своего брата. Она замахнулась.

— Отличный бросок, — прокомментировал Ашер. — Как жаль, что камень подпрыгнул всего дважды, а затем его съел аллигатор.

Талия ударила его кулачком.

— Неправда!

— К сожалению, именно так.

— Генри! Скажи ему, что это неправда.

На миг повисла тишина.

— Я не вижу никаких аллигаторов, — произнёс Генри.

— Et tu [прим. — франц. «А ты»], Генри? — Ашер прижал руку к груди. Генри и глазом не повёл. Видимо, он давно привык к театральности.

— На тебе нет обуви, — сказал он своей сестре. Его взгляд скользнул к босым ногам Ашера, а потом, мельком, к моим. — Почему на вас всех нет обуви?

— Мы разулись, — услужливо объяснила Талия. Губы Ашера едва заметно дрогнули.

— Зачем вы разулись? — на этот раз Генри задал более конкретный вопрос.

— Разве человеку нужна причина, чтобы разуться? — спросила я.

Генри обернулся ко мне. Да, — кажется, говорили его не одобряющие брови.

— Да, человеку нужна причина.

— Тэсс, — торжественно произнёс Ашер, — познакомься с Генри. Генри, познакомься с Тэсс.

— Мы знакомы, — отрезал Генри. Я подумала о том, что нашу встречу возле церкви едва ли можно было назвать знакомством.

— Я ценю помощь твоей сестры, — ледяным тоном сказал мне Генри, — но, думаю, вам двоим пора, — Генри Маркетт явно не хотел, чтобы Айви находилась в его доме. И настолько же явно он не хотел, чтобы я приближалась к его сестре. Он слегка склонил голову, глядя на меня сверху вниз. — Ты так не думаешь? — слова прозвучали скорее как приказ, чем как вопрос.

Я встала, отряхиваясь от травы.

— Знаешь, я согласна.

Я ожидала, что людей в доме станет меньше, но, кажется, толпа только увеличилась. Я нашла Айви на кухне.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Всё нормально.

— Боди может отвезти тебя домой, — предложила Айви. — Я останусь, чтобы помочь с уборкой, но тебе незачем здесь находиться.

Я кивнула. Возможно, утром Айви нуждалась во мне, но теперь у неё была миссия, так что она будет в порядке.

Всего через несколько секунд она сжимала в руке мобильник, звоня Боди с просьбой забрать меня. Я добралась до парадной двери. Стоило мне открыть её, я увидела на крыльце мужчину в парадной военной форме.

— Не. Позорь. Меня, — слова мужчины не предназначались для моих ушей. Они предназначались для стоящей рядом с ним девочки-подростка.

Вивви.

Каким-то образом она выглядела меньше, чем в последнюю нашу встречу. Её глаза покраснели, плечи ссутулились, словно её тело вот-вот сломается.

— Вивви? — произнесла я.

Её глаза — и глаза мужчины — поднялись к моим. Выражение его лица абсолютно изменилось, превращаясь в официальную маску сострадания и доброты.

Врачебный такт, — подумала я, узнав его из новостей и вспомнив о том, что он был доктором — врачом в Белом Доме. Мужчина, оперировавший судью Маркетта.

— Тэсс, — Вивви попыталась улыбнуться. На другом лице это выражение могло бы сойти за натуральное, но черты лица Вивви были созданы исключительно для широких улыбок. — Папа, — продолжила Вивви, — это Тэсс Кендрик. Я рассказывала тебе о ней. Тэсс, это мой отец.

Майор Бхарани бегло осмотрел меня с ног до головы.

— Конечно, — без запинки произнёс он. — Приятно познакомиться, Тэсс. Но, конечно же, лучше бы мы встретились при других обстоятельствах.

Майор Бхарани попрощался со мной и проскользнул в дом. Вивви попыталась последовать его примеру, но я остановила её.

— Ты в порядке? — негромко спросила я.

— Это мои слова, — она снова слабо улыбнулась.

— Где ты была на этой неделе? — спросила я.

Вивви опустила взгляд, затем посмотрела в сторону.

— Я немного приболела.

Слишком больна, чтобы прийти в школу, но достаточно здорова, чтобы посетить поминки? Достаточно здорова, чтобы её отец приказывал ей не позорить его, словно Вивви была какой-то обузой. Словно её стоило стесняться.

— Ты уверена, что в порядке? — спросила я у Вивви.

— Мне нужно идти, — она не смогла взглянуть мне в глаза. — Не волнуйся обо мне. Я в норме.

Когда она исчезла в доме, я думала лишь о том, что Вивви абсолютно не умеет лгать.

В тот вечер я искала информацию об отце Вивви в интернете. Награжденный солдат, работал хирургом-травматологом в Афганистане и Ираке. Насколько я могла сказать, вот уже два года он был главой клиники Белого Дома — и личным врачом президента. Не в силах выбросить из головы затравленное выражение лица Вивви, я кликнула на видео с заявлением майора Бхарани для прессы.

— С глубоким прискорбием я сообщаю вам, что председатель верховного суда Теодор Маркетт ушел из жизни на операционном столе чуть больше часа назад, — теперь, когда я знала об их связи, я видела сходство — пусть и слабое — между Вивви и её отцом. — Мы дважды пытались устранить тромб в сердце судьи, и во время второй операции возникли непредвиденные осложнения. Сегодня наша страна потеряла прекрасного человека. Мы просим вас уважать частное пространство его семьи в это тяжелое время.

Двадцатисекундное видео никак не помогло мне понять, что было не так с Вивви. Мысленно я вернулась к уроку проблем современного мира, когда я впервые увидела видеоролик — взгляды, направленные на Вивви и то, как она застыла на своём стуле.

Её отец оперировал родственника одного из наших одноклассников, а теперь дедушка Генри Маркетта был мертв. Она думала, что люди станут её винить?

Не. Позорь. Меня. Слова, которые прошипел майор Бхарани, эхом отдавались в моей голове.

— Здесь всё в порядке? — в мою комнату заглянула Айви.

— Ты дома, — произнесла я.

— Я дома, — она сделала паузу. — Я хотела поблагодарить тебя. За то, что ты пошла со мной.

Я опустила взгляд на клавиатуру.

— Ничего особенного.

Я чувствовала, что она хотела сделать это особенным. Хотела, чтобы тот факт, что я пошла с ней, стал подтверждением того, что у нас всё будет в порядке.

— Я отправила тебе электронное письмо, — решив не продвигать эту тему, сказала она. — С вариантами лечения.

Для дедушки. Я почувствовала ударную волну от этого взрыва.

— Мы можем организовать уход на дому, нанять медсестер здесь или в Монтане, — спокойно произнесла Айви. — Либо же дать согласие на клиническое исследование лекарственных препаратов. Тогда ему придется остаться в Бостоне, но там есть пансионат для проживания престарелых, так что ему не придется жить в больнице.

Она ждала от меня ответа. Я хотела участвовать в этом, но теперь, когда информация находилась в моём компьютере, у меня пересохло во рту. Сегодня не подходящий день. Я попыталась побороть жжение в моих глазах.

— Спасибо, — сказала я, сверля взглядом свою клавиатуру.

— Ознакомься с информацией. Потом мы поговорим.

Мне удалось перевести взгляд на экране компьютера. Оттуда на меня уставился отец Вивви.

— Ты знаешь врача Белого Дома? — спросила я у Айви, не только потому, что я хотела

сменить тему, но и потому, что я не могла выбросить из головы взгляд Вивви.

— Майора Бхарани? — ответила Айви. — Знаю, что у него терпение святого человека. Если верить Джорджии, пациент из президента жуткий, — она облокотилась на дверной проём. — Почему спрашиваешь?

Почему я спрашивала?

— Его дочь назначили показать мне Хардвик, — на самом деле, это был не ответ.

— Вивви, да? — спросила Айви. Мне не стоило удивляться тому, что она знала её имя. Айви улыбнулась мне. — Вашингтон — это маленький мир. А Хардвик — и есть Вашингтон.

Я начинала это чувствовать. Отец Вивви был врачом в Белом Доме. Дедушка Генри Маркетта был председателем верховного суда США. Я только что побывала на похоронах, где речь читал президент Соединенных Штатов.

— Откуда ты знала его? — спросила я у Айви. — Тео Маркетта?

Айви едва уловимо изменилась. Её осанка самую малость распрямилась, выражение лица не выражало абсолютно никаких эмоций.

— Я работала на него. Мы оставались на связи.

У Айви на удивление хорошо получалось отвечать на вопросы, на самом деле ничегошеньки не рассказывая.

— У судьи Маркетта была проблема, — произнесла я, изучая выражение её лица в поисках подсказки о том, какой именно была её работа. — Ты её решила.

Айви взглянула мне в глаза с абсолютно непроницаемым лицом.

— Что-то вроде того.

В понедельник Вивви всё ещё не было в школе. А вот Генри Маркетт пришел. Во время ланча он сидел за столиком Эмилии. Его осанка была ровнее, чем у остальных, а выражение его лица — чуть более напряженным. Время от времени, его взгляд скользил ко мне.

И каждый раз он глядел сквозь меня.

— Что делаем? — Ашер, не церемонясь, уселся за мой столик.

— Ничего, — резко ответила я.

— Ошибочка вышла. Я-то думал, ты угрюмо смотришь в сторону Генри. Вот так, — он соорудил хмурую мину, а потом указал на меня. — У тебя лучше выходит.

— Уйди, Ашер.

— Ты говоришь «уйди», а я слышу: «будь моим лучшим другом», — он пожал плечами. — Но если серьезно — ты за или против браслетов дружбы?

Я не была уверена в том, что за игру он затевал. Я пробыла в Хардвике неделю, но этого было достаточно, чтобы понять — Ашер Роудс всем нравился. Его даже можно было назвать популярным.

— Чего ты от меня хочешь?

В ответ на мой вопрос Ашер и глазом не повел.

— Может, мне катастрофически скучно и ужасно одиноко, так что я ищу любви не там, где стоило бы.

Я закатила глаза.

— А может, — произнёс он, склоняясь вперед и опуская локти на стол, — мне надоело быть всеобщим любимчиком, а находиться рядом с человеком, который ничего от тебя не ждет — очень освежающе. Или ты просто выглядела так, будто тебе нужен друг, — он не дал мне возможности ответить. — Диетическую колу? — у Ашера было две банки. Он вежливо предложил мне одну из них.

— Нет.

— Ментос? — он протянул мне упаковку.

— Разве диетическая кола и Ментос не...

— Взрываются? — подсказал Ашер. Он открыл одну из банок. — У меня возникла временная любовь к взрывам.

Это прозвучало очень уж настораживающе.

— Я начинаю понимать, почему твоя сестра считает, что за тобой нужно присматривать.

Ашер вдумчиво катал Ментос по краю банки с диетической колой. Я потянулась к нему и щелкнула по драже. Оно угодило ему в лоб.

— Я приму это, как согласие на браслеты дружбы, — сообщил он мне.

Эмилия говорила мне, что, когда Ашеру становилось скучно, всё шло наперекосяк. Нарушались законы и нормы приличия, иногда ломались кости. Наверняка, он сидел за моим столиком по той же причине, по которой он забрался на крышу часовни.

Я была интересной.

— Ты говорила с Вивви? — Ашер пытался звучать легкомысленно, но в его тоне мелькнула одинокая нотка серьезности.

— Нет, — несколько секунд я изучала его. — А должна была?

Взгляд Ашера скользнул к столику, за которым сидел Генри.

— У неё вроде как был нервный срыв. На поминках Тео.

Вивви. Я знала, что что-то было не так — но достаточно плохо для нервного срыва? Мой желудок резко скрутился. Мог ли её отец посчитать нервный срыв позором? Я очень мало знала об отце Вивви. Он был героем войны. Врачом. Но я всё не могла забыть о том, как изменилось его лицо, стоило ему перейти от разговора с Вивви к разговору со мной.

Я встала и подняла свой поднос. Её не было в школе четыре дня. Ещё в Монтане школьный психолог была обеспокоена, когда я пропустила пять дней. За семестр.

— Ты выглядишь как человек, который собирается сделать что-то очень неразумное, — пока я выбрасывала мусор, меня догнал Ашер. — И, Бог мне свидетель, если затевается что-то неразумное, я хочу поучаствовать.

— Уйди.

— Ты говоришь «уйди», а я слышу: «давай устроим хаос».

Я не ответила. Скорее всего, с Вивви всё было в порядке. Наверное, она подхватила какой-то грипп.

Скорее всего, тяжелое чувство в моём желудке ничего не значило.

— Тэсс? — Ашер поднял бровь. — Я могу чем-то помочь?

Я взглянула на школу. Несколько минут до пятого урока. Через несколько секунд, я обернулась к Ашеру.

— У тебя есть машина?

Мы нашли адрес Вивви в справочнике Хардвика. Ашер был за рулем.

— Милая машина, — сказала я ему, пытаясь отвлечься от того факта, что прогуливала школу из-за расплывчатой догадки.

— О, спасибо, — ответил Ашер. — Это машина Эмили. Моя попала в неприятную аварию с участием тостера и белки.

Я даже не знала, с чего начать.

— Ты украл машину своей сестры?

— Это считается воровством, если однажды она одолжила её мне, а я сделал копию ключей? — вопрос явно задумывался риторическим.

— Да, — ответила я. — Это считается воровством.

— Да начнется преступная жизнь, — мрачно покачав головой, произнёс Ашер.

— Твоя сестра тебя убьет, — сказала я ему. Прогулял уроки. Украл её машину.

Ашер беззаботно отмахнулся от моих слов.

— Если бы Эмилия была не против братоубийства, я бы не пережил детский сад, — сказал он. — Я вот побаиваюсь, что она убьет тебя.

Через полчаса мы подъехали к дому Вивви. Я выбралась из машины и помедлила. Я ничего не продумывала наперед. Что я здесь делала? У меня не было плана. Я даже не знала наверняка, почему я решила приехать.

Скорее всего, это мелочи. Вивви наверняка в порядке.

Сама не зная почему, я в это не верила. Я поднялась на крыльцо. Ашер последовал за мной. Когда я позвонила в звонок, никто не ответил. Как и во второй раз. Но на третий, дверь немного приоткрылась.

— Тэсс? — голос Вивви был хриплым. Словно она кричала или плакала — или, сказала

я себе, пытаясь мыслить разумно, словно у неё была ангина, из-за которой её и не было в школе.

— Мне можно зайти? — спросила я.

Вивви взглянула за мою спину и заметила Ашера.

— Я волновалась о тебе, — сказала я ей. Она не ответила. — Скажи, что я не должна волноваться.

Вивви произнесла:

— Ты не должна волноваться.

Врунишка. Вивви открыла дверь чуть шире. Она выглядела так, словно не спала со времен нашей последней встречи.

— Я собираюсь пройтись и дать вам, дамы, поговорить, — Ашер отправился на прогулку по району, оставляя нас с Вивви наедине.

— Мне можно зайти? — снова спросила я.

Вивви покачала головой, но сделала шаг назад, позволяя мне пройти. Я шагнула в прихожую. Несколько секунд Вивви смотрела на всё, кроме меня: на пол, потолок, стены. Наконец, её глаза встретились с моими. Её огромный свитер соскользнул с одного плеча. Под ним кожа её ключицы была темной. Синяк.

Она проследила за моим взглядом к синяку и замерла.

— Это сделал твой отец? — мягко спросила я.

Вивви натянула свитер обратно. Она несколько раз покачала головой.

— Он не такой, — она всё ещё сжимала свитер, словно не могла заставить себя разжать пальцы. — Это произошло случайно, — теперь она принялась кивать, словно она могла сделать это правдой.

— Хорошо, — сказала я. Но мы обе знали, что это было не так.

— Мы с папой поругались. После поминок, — Вивви сильнее сжала свитер. Свободной рукой она приобняла себя. — Это была ссора с криками, — уточнила она. — А не...

— А не та, где больший человек бьет меньшего, — добавила я, не в силах выбросить из головы её синяк.

— Мы просто кричали, — упорно повторила Вивви. — Мы всегда так ссоримся. Он кричит. Я плачу. Он сердится от того, что я плачу.

Обычно именно так Вивви ссорилась со своим отцом чаще всего. Но не после поминок.

— На этот раз всё было по-другому, — произнесла я. Я говорила негромко и не задавала вопросов. К вопросам полагались ответы. Я же озвучивала факты.

Вивви медленно выпустила свой свитер.

— На этот раз всё было по-другому, — едва слышно повторила она. — Он схватил меня. Он не хотел, — она сделала паузу. — Я знаю, как это звучит, Тэсс. Знаю. Но столько лет мы с ним были вдвоём, и он никогда не...

Мы всё ещё стояли в прихожей. Дом выглядел безукоризненным: всё на своих местах.

— Сегодня тебя не было в школе, — я старалась придерживаться фактов — тех, что не несли в себе угрозы. — Тебя не было в школе почти всю прошлую неделю.

— Больше синяков я не прячу, — поспешно произнесла Вивви. Она понимала, как выглядела эта ситуация. — На прошлой неделе мы с папой даже не... мы не ссорились. Я просто сказала ему, что заболела, и он разрешил мне остаться дома.

Она сказала ему, что больна. Но это было не так.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— В конечном счете, тебе придется вернуться в школу, — мягко произнесла я. Я не спросила о том, кого или чего она избегала.

Я не спросила о том, почему она поругалась с отцом.

— Завтра я вернусь в школу, — сказала мне Вивви. — Клянусь, — я чувствовала её волнение. Она начинала паниковать из-за того, о чём она мне рассказала — хоть она не сказала почти ничего.

— Мне нужно подышать воздухом, — сказала я ей. Но мы обе знали, что свежий воздух был нужен вовсе не мне. — Хочешь прогуляться?

После долгой паузы, она кивнула. Она натянула обувь, и мы зашагали: прочь от входной двери, вниз по тротуару, по её району. Никто из нас не произнёс ни слова. Я чувствовала, что Вивви пытается держать всё в себе. Пытается быть сильной. Эта девочка не хотела беспокоить одноклассников, которых знала всю свою жизнь, просьбой посидеть с ними за ланчем. Она не попросила бы меня о помощи, как бы сильно она в ней не нуждалась.

Она не могла.

Подстраиваясь под ритм её шагов, я надеялась, что моё присутствие говорит лучше слов. Ты не мешаешь мне. Ты не одна.

Квартал. Два квартала. Со временем, Вивви снова приобняла себя руками.

— Ты в порядке? — спросила у неё я. Наши глаза встретились. — Знаю, это твои слова. Просто решила попробовать.

Она неуверенно улыбнулась. Мы замолчали. Видимо, в этой тишине она достигла переломного момента, потому что заговорила первой.

— Ты когда-нибудь знала что-то, что отчаянно хотела забыть? — голос Вивви был хриплым, словно она давилась словами. Пока я обдумывала вопрос, мы продолжали шагать, медленно и спокойно.

Она просила сказать ей, что она не одна.

— Да, — произнесла я, почти также хрипло, как Вивви, — знала.

Я подумала о моём дедушке — о том, как я понимала, что с ним что-то не так, что расскажи я кому-нибудь об этом, то предам его. Тяжесть этого знания была со мной, когда я просыпалась по утрам и когда засыпала ночью. С каждым моим вздохом.

Я сглотнула.

— Сложнее всего было знать, что это не сможет оставаться секретом навсегда, — я была куда лучшим слушателем, чем рассказчиком, но, возможно, покажи я слабость, она покажет свою. — Я знала, что, в конце концов, всё раскроется, но думала, что борись я достаточно сильно...

Вивви остановилась.

— Но что, если проблема не в этом? — отчаянно спросила она. Я чувствовала, как с каждым новым словом она мчится к точке невозврата. — Что, если проблема в том, что тайна останется тайной? Навсегда. Никто и никогда не узнает. Если ты не расскажешь.

Вивви что-то знает. Эта часть была мне ясна. И, чем бы это ни было — оно убивает её.

— Расскажи мне, — произнесла я. — Ты должна кому-то рассказать, так расскажи мне.

Вивви застыла. Я практически видела, как она думает: «Я не могу, не могу, не могу».

Я не позволила ей произнести это вслух:

— Ты можешь рассказать мне, Вивви. Разве ты не слышала? Я — Тэсс Кендрик. Чудотворец. Фиксер Хардвика.

Всё это — не про меня. Я не хотела быть таким человеком. Но Вивви — девочка,

предложившая поднять мне настроение, пересказав мне свой любимый любовный роман (и/или ужастик) — рушилась у меня на глазах.

— Я не могу, — Вивви втянула немного воздуха.

— Это касается твоего отца, да?

Вивви не могла раскрыть свой секрет. Но я всё ещё могла угадать.

— Ты знаешь что-то о своём отце, — произнесла я — не вопрос, а факт. — Что-то о твоём отце и Тео Маркетте, — нервный срыв Вивви случился на поминках. Её не было в школе со дня, когда мы слышали о смерти судьи в новостях.

Из всех догадок, эта была не самой глупой.

— Возможно, ты думаешь, что твой отец в чём-то виноват, — наугад продолжила я. — Он был врачом судьи. Его хирургом. А судья Маркетт умер от осложнений во время операции, — мои познания подходили к концу. А Вивви всё ещё молчала.

Думай, — сказала я себе.

— Возможно, ты думаешь, что твой отец сделал что-то не так, — ноль реакции от Вивви. — Может, он оперировал уставшим или нетрезвым, или просто ошибся.

Тогда Вивви сломалась.

— Он не ошибся, — яростно произнесла она. — Мой отец не ошибается. Он... — она запнулась, но затем продолжила — в ужасе, но всё же решительно. — Он не просто позволил дедушке Генри умереть, Тэсс, — Вивви опустила голову. — Я почти уверена, что он убил его.

Вивви думает, что её отец убил Председателя Верховного суда США. Сколько бы я не думала об этом, не могла усвоить информацию.

— Знаю, звучит как бредни сумасшедшего, — сбивчиво сказала мне Вивви. — Честное слово, знаю. И не то чтобы у меня лучшие показатели душевного равновесия среди подростков — девятый класс был темным временем, возможно, с участием антидепрессантов. Но это... — она прикусила нижнюю губу. — Я бы всё отдала, чтобы всё это оказалось моей фантазией.

Я едва поспевала за словами, слетающими с её языка.

— Я спросила у него об этом, — продолжила Вивви. Она думала, что её отец — убийца — и решила спросить его об этом? — Он схватил меня. А потом он встряхнул меня и сказал, что если я правда верю в это, возможно, мне нужна помощь специалиста.

Он угрожал ей. Сказал, что она сумасшедшая. Но он не повел её к врачу. Он позволил ей пропустить школу и остаться дома. Одной.

Не похоже на действия обеспокоенного отца.

— Я слышала его, Тэсс. Прежде чем произнести речь, он практикуется. Перед зеркалом. Каждое слово, каждую паузу, каждую эмоцию.

Я подумала о его заявлении для прессы. Майор Бхарани не читал свою речь. Он смотрел прямо в камеру. Он был официален, спокоен.

— Я слышала, как он практиковался, — Вивви заставила себя дышать, заставила себя не повышать голос. — Душ был включен. Я не должна была там находиться. Я ушла в школу, но вернулась, чтобы спросить его о чём-то — я даже не помню, о чём. Я собиралась позвать его, но потом я услышала его голос, — она посмотрела мне в глаза своими спокойными, карими глазами. — Он практиковался.

Практиковался в чём? — я боялась, что произнеси я эти слова — любые слова — вслух, она замолчит.

— «С глубоким прискорбием, — прошептала Вивви, — я сообщаю вам, что председатель верховного суда Теодор Маркетт ушел из жизни на операционном столе чуть больше часа назад».

Я узнала начало речи, которую доктор Бхарани произнёс на пресс-конференции.

— Он практиковал свою речь, — произнесла я, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Тэсс, он практиковал её утром, — голос Вивви застрял у неё в горле. — Судья Маркетт умер днём.

Я попыталась осмыслить слова Вивви. Её отец готовился к речи о смерти судьи от осложнений во время операции ещё до того, как операция состоялась.

— Это не всё, — Вивви снова сорвалась с места. Я зашагала, пытаясь её догнать. Посреди дня её район был почти пуст. На другой стороне улицы женщина выгуливала собаку. Вивви говорила так тихо, что я едва её слышала.

— На следующий день я осталась дома, сказав, что больна. Я убедила себя в том, что ослышалась или неправильно поняла, но потом я услышала, как мой отец разговаривал по телефону, что было странно — его телефон лежал на кухонном столе. То был и не

стационарный телефон.

Вивви тараторила, и мне с трудом удавалось находить в её словах смысл.

— Думаю, это мог быть одноразовый телефон. Зачем моему отцу одноразовый телефон?

У меня пересохло во рту.

— С кем он разговаривал?

— Я не расслышала большую часть разговора, — голос Вивви был очень слаб. — Всё, что я слышала... — она сглотнула. — Он зачитывал номер.

— Телефонный номер?

Вивви покачала головой.

— Номер банковского счета.

Хирург президента знал, что судья Маркетт умрет. Он подготовил речь. А через день после смерти судьи, он разговаривал по одноразовому телефону и дал человеку на другом конце провода номер банковского счета.

— Мы должны кому-то рассказать, — сказала я Вивви. — Полиции, моей сестре, не знаю, но...

— Мы не можем, Тэсс, — Вивви потянулась вперед и схватила меня за руку. — Я не могу. Знаю, это выглядит плохо, — это ещё мягко сказано. — Но, Тэсс, он мой отец.

Когда Вивви рассказывала мне об этом, она должна была понимать, что я не смогу просто развернуться и притвориться, что ничего не произошло.

— Ты сказала, что ты — чудотворец, — прошептала Вивви, сплетая пальцы в замок. — Мне нужно чудо.

Я не могла вернуться во времени и изменить то, что она услышала. Не могла взмахнуть волшебной палочкой и отменить случившееся.

— Чего ты от меня хочешь, Вивви?

Несколько секунд она молчала.

— Я хочу доказательств, — наконец, произнесла она. — Не подозрений, не подслушанных разговоров. Я хочу ошибаться. Но если это не так...

Она не хотела поставить своё слово против его. Она не хотела разорвать свою семью в клочья.

— Доказательство? — повторила я. — Какое именно доказательство?

Вивви тербила край своего свитера.

— Если я смогу достать телефон, — произнесла она, — ты сможешь узнать, с кем он разговаривал?

Это так сильно выходило за границы моих навыков, что я даже не знала, с чего начать.

— Я могу попытаться.

Вивви выдохнула и кивнула.

— Хорошо, — прошептала она. Затем она развернулась и зашагала по направлению к своему дому.

— Вивви, — окликнула её я. — Ты уверенна, что с тобой всё будет в порядке дома? С твоим отцом?

— Он не причинит мне вреда, — Вивви должна была в это верить. Она хотела, чтобы и я в это поверила. — Он не знает, что я знаю о телефоне. После поминок я рассказала ему только о том, что слышала, как он практикует свою речь.

И вот, чем это кончилось.

— Ты не обязана это делать. Ты можешь пойти со мной. Мы...

— Нет, Тэсс, — Вивви заставила себя улыбнуться. Усердие, с которым она это делала, ранило меня больше ножа. — Я только что сказала тебе, что мой отец убил председателя Верховного Суда США, и попросила тебя никому не рассказывать об этом, пока у нас не будет доказательств. Так что, да, я вроде как обязана это сделать, — она снова зашагала к своему дому. На этот раз я позволила ей уйти и замерла на тротуаре, чувствуя себя так, словно попала в параллельную вселенную.

— Забавно.

Я обернулась и увидела, как из-за угла выходит Ашер Роудс.

— У Вивви очень звучный голос, — произнес он. — А у меня — ужасно хороший слух.

Несколько секунд мы с Ашером глазели друг на друга. Он слышал. Я попыталась вспомнить, что именно сказала Вивви за последние тридцать секунд нашего разговора.

«Я только что сказала тебе, что мой отец убил председателя Верховного Суда США...»

— Генри — мой лучший друг, — Ашер говорил дружелюбно, но тише, чем обычно. — В первом классе именно он настойчиво отговаривал меня от катания на роликах на крыше, — на миг повисла тишина. — А ещё именно он научил меня писать левой рукой, когда я сломал правую. Когда нам было по девять, я случайно (возможно, специально) оскорбил шестиклассника. Тот парень угробил бы меня, но Генри вышел вперед и вызвал его на дуэль. Потому что он верил в рыцарство, честь и защиту лучших друзей, которые были слишком глупы для осторожности, — Ашер покачал головой. Его голос всё ещё был негромким и напряженным. — Я всё ещё помню, как родилась Талия. Генри ночевал у меня дома, а на утро я проснулся и нашел составленный список его обязанностей в роли старшего брата.

Представить крохотного Генри Маркетта составляющим список обязанностей старшего брата была не так уж и сложно.

— Он был моим лучшим другом сколько я себя помню, Тэсс. Когда умер его отец... — Ашер покачал головой и не закончил мысль. — Генри и его дедушка были близки. Тео был ближайшим подобием отца, которое осталось у Генри.

Мой желудок резко изогнулся. Было слишком легко поставить себя на место Генри Маркетта, представить, каково было бы мне, проснись я завтра и узнай, что дедушки больше нет. Не сложно было представить и то, каково было бы узнать, что смерть моего деда была не несчастным случаем.

Я бы жаждала крови.

— Ты не можешь рассказать Генри о том, что ты только что услышал, — сказала я Ашеру.

Ашер серьезно взглянул на меня.

— Я знал, что ты немного сумасшедшая, Тэсс. Это по глазам видно, — он указал на моё лицо. — Мои глаза иногда тоже становятся сумасшедшими. Я тебя понимаю. Если хочешь объявить войну Джону Томасу Уилкоксу, поселиться в мужском туалете или прогулять уроки — я с радостью присоединюсь.

— Но ты не станешь хранить секретов от своего лучшего друга, — закончила за него я.

— Как, по-твоему, Генри отреагирует на эти новости? — спросила я. Выражение лица Ашера помрачнело. — Догадываюсь, плохо, — продолжила я. — Ладно, даже если он узнает, он ничего не сможет сделать. Он может попытаться пойти к полиции. Но если он спугнет Вивви, если она откажется давать показания...

Слова Вивви — всё, что у нас было.

— Речь идет о враче президента, Ашер, — я не была уверена в том, как проверяли работников Белого Дома, но если власть имущие были готовы доверить отцу Вивви жизнь президента, его явно не считали угрозой безопасности. Или риском.

— Да будете неладны ты и твоя дьявольская логика, — Ашер провел руками по волосам, приводя их в беспорядок. — Ладно, — сдался он. — Но я хочу участвовать. Чтобы ты не собиралась делать, чтобы не делала Вивви, я хочу в этом участвовать.

Все мои инстинкты подсказывали мне отказать. Но, судя по упрямому выражению лица Ашера, у меня не было выбора.

— Ладно, — резко произнесла я. Я шаркнула туфлей по земле. — Ты случайно не знаешь человека, который может вытянуть информацию из одноразового телефона?

Ашер отвез меня к дому Айви. Я отправила Боди сообщение, чтобы дать ему знать, что ему не нужно забирать меня из школы. Через несколько секунд, я получила ответ: «Звонили из школы. Прогуливаешь уроки? ЕКВ недовольна». Значит, Айви была не рада. Сейчас, это было меньшей из моих проблем. С опозданием, я расшифровала шифр Боди. ЕКВ: Её Королевское Величество. Я фыркнула.

Ашер взглянул на меня с водительского сидения.

— Поделишься с классом?

— Водитель Айви, — ответила я, словно это было объяснением. Оказалось, что для Ашера это было именно так.

— Осмелюсь предположить, что, говоря «водитель», ты имеешь в виду телохранителя?

— Это общеизвестный факт? — спросила я.

Ашер свернул на улицу Айви.

— В Хардвике, — ответил он, — это определено факт.

Конечно. Я провела в Вашингтоне всего неделю, но уже успела встретиться с Первой Леди, перейти дорогу сыну партийного организатора фракции меньшинства и сходить на похороны председателя Верховного суда. Как сказала Айви: Хардвик это и есть Вашингтон. На каждого ученика вроде Ашера, родители которого были дантистами, был кто-то вроде Генри или Вивви.

Или меня. Когда Ашер свернул к дому Айви, судьба напомнила мне о том, что я была вовсе не так далека от людей с деньгами и властью, как мне казалось. У дома был припаркован лимузин.

Ашер посмотрел на него.

— Типичный день в доме Айви Кендрик?

У машины были тонированные окна, вероятно, из пуленепробиваемого стекла. Один из клиентов Айви, — подумала я. Если мне повезет, она будет слишком занята, чтобы допрашивать меня о том, почему я пропустила занятия — или о том, где я провела день. Я отстегнула ремень безопасности и открыла дверь машины.

— Спасибо, что подвез, — сказала я Ашеру. Хотя, на самом деле, я думала: «Никому не говори о том, что произошло. О том, что подслушала Вивви. О том, что ты слышал».

Ашер слегка склонил голову и одарил меня искрящимся взглядом.

— До завтра.

Я захлопнула дверцу, прежде чем он успел сказать что-либо ещё. Я почти добралась до входной двери, как вдруг поняла, что вход был перекрыт. Жестами приказывая мне остановиться, ко мне шагнул мужчина в темном костюме. Меньше, чем за секунду, я оглядела его: костюм, солнечные очки, пистолет в кобуре. Личная охрана президента.

— Здесь живет моя сестра, — сказала ему я. — Светло-русые волосы, примерно вашего роста? Скорее всего, сейчас разговаривает с Первой Леди в доме?

Агент обвел меня взглядом.

— Серьезно, — произнесла я. — Я здесь живу.

Агент мельком перевел взгляд с меня на улицу. Он наблюдал за тем, как Ашер отъехал

от обочины и проследил за тем, как машина исчезла. Я собиралась было повторить тот факт, что я жила в этом доме, когда входная дверь распахнулась. Боди. Он вышел из дома и прошептал что-то на ухо агенту, позволяя двери закрыться за его спиной.

— Тэсс, — обращая внимание на меня, произнёс Боди. — Познакомься с Дэмиеном Костасом. Костас, это сестра Айви, Тэсс.

Агент личной охраны президента даже и не подумал пропустить меня в дом. Я как раз собиралась предложить ему спросить у Первой Леди, была ли я для неё угрозой, когда входная дверь дома Айви снова открылась. Из неё вышел ещё один агент.

За его спиной стоял президент Соединенных Штатов.

Не Первая Леди, — подумала я, пытаюсь угнаться за происходящим, в то время как президент Нолан окинул взглядом Боди и своего телохранителя, а затем остановился на мне.

Айви появилась за его спиной и встретила со мной взглядом.

— Ты дома, — произнесла она.

— Можно и так сказать, — ответила я, стараясь не таращиться на президента.

Глава стран свободного мира улыбнулся мне.

— Тэсс, — произнёс он. — Сокращенно от Терезы, не так ли?

Мне удалось кивнуть, но не ответить вслух.

— Приятно с тобой познакомиться, Тереза, — президенту Нолану было под семьдесят. Он обладал непринужденной улыбкой и — в отличие от его жены — у него не было и капли акцента. — Я много о тебе слышал — пару слов от Айви, но, в основном, от Джорджии. Она упоминала что-то об ужине, — президент одарил меня ещё одной фирменной улыбкой. — У моей жены есть сверхъестественная способность добиваться своего, — произнёс он. Затем он взглянул на Айви. — В этом она похожа на твою сестру.

— Мистер Президент, — взглянув на часы, поторопил его один из агентов.

Президент кивнул.

— Никакого отдыха, — прежде чем снова обернуться к Айви, сказал он мне. — Ты проведешь небольшое расследование?

Айви осторожно подбирала слова:

— Сомневаюсь, что найду что-нибудь, что пропустили ваши люди, — она явно не убедила президента.

— Ты — сообразительна. Если в его шкафу есть скелеты, я хочу о них знать.

В чьем шкафу? — гадала я. Я вспомнила о том, как Первая Леди назвала смерть судьи Маркетта возможностью, какой бы трагической она не была. Неужели президент уже искал информацию о возможной замене?

— Если я найду скелеты, — невозмутимо произнесла Айви, — мне стоит похоронить их или разоблачить?

На этот раз Питер Нолан наградил её своей самой президентской улыбкой.

— Дай мне поболтать с партийным руководством, — произнёс он, — и я дам тебе знать.

И вот так просто президент уехал.

К сожалению, Айви не понадобилось много времени, чтобы сосредоточиться на мне.

— Хочешь рассказать мне, почему ты пропустила уроки? — она скрестила руки на груди и принялась барабанить кончиками пальцев по своему локтю. — Или о том, где ты была?

Я съездила повидаться с девочкой, которая думает, что её отец убил судью Маркетта, —

подумала я. Вслух я произнесла:

— Не особо.

Айви сжала губы, словно открой она рот, она могла сказать что-то, о чём пожалеет.

— Ты же знаешь, что ты можешь прийти ко мне? — наконец, спросила она. — С чем угодно, когда угодно.

Возможно, я верила в это, а возможно, нет. С Айви именно вероятности ранили больше всего.

Вивви попросила меня сохранить её секрет, — я сосредоточилась на этом. — Пока она не будет уверена. Пока у нас не будет доказательств.

Никаких «возможно».

— Председателей верховного суда всегда оперирует врач Белого Дома? — спросила я.

В ответ на смену темы Айви трижды моргнула. Мой вопрос застал её врасплох.

— Нет, — наконец, ответила она. — Не всегда. Но Тео был не просто судьей. Он был другом.

Не только другом Айви. Другом президента, которого оперировал один из лучших военных хирургов.

— Всё в порядке? — спросила у меня Айви.

Я протолкнулась мимо неё в дом. Моё сердце колотилось так, словно я пробежала марафон.

— Конечно, — сквозь зубы соврала я. — Всё в порядке.

На следующий день Вивви вернулась в школу. Её волосы были стянуты в высокий хвостик на затылке. Макияж скрывал мешки под её глазами. Она очень сильно старалась выглядеть нормально, словно всё было в порядке.

Я гадала о том, насколько слепыми должны быть ученики, чтобы не заметить, что это не так.

Нам не удалось поговорить перед уроками. На английском она не сводила взгляда с доски. Она даже не смотрела на меня. На физике мы должны были работать в паре.

— Мы должны рассчитать коэффициент трения, — произнесла Вивви, вынимая металлические диски из пластикового пакета. — Нужно определить угол наклона...

— Вивви.

Она подняла на меня глаза. Я поймала её взгляд, но ничего не сказала, надеясь, что она будет помнить что, как бы то ни было, она не одна.

— Я достала телефон, — она говорила так тихо, что мне едва удалось расслышать её слова. — Он выбросил его. Я нашла его в мусоре.

Когда она опускала металлические диски на весы, её рука дрожала. На противоположной стороне комнаты то же самое делал Генри Маркетт. Вивви, как могла, старалась не смотреть на него, но ей не удавалось опустить взгляд. Я протянула руку, останавливая её дрожащую ладонь.

— Ты в порядке, — сказала ей я.

Она опустила руку в сумку и достала оттуда телефон-«раскладушку». Она так сильно сжала его, что её костяшки побелели.

— Ничего не в порядке.

На какой-то миг она поднесла телефон к себе, но потом, словно человек, срывающий повязку с открытой раны, она толкнула его через стол в моём направлении, по одному разжимая пальцы. Я сжала телефон в ладони, чувствуя его тяжесть.

— Девочки, — учитель остановился у нашего стола. — Никаких телефонов.

Прежде чем он успел забрать его, я уронила телефон в карман пиджака.

— Каких таких телефонов?

Учитель указал на меня пальцем.

— Вот именно.

Урок тянулся до ужаса медленно. Мы справились с заданием. Но всем, о чём я могла думать, был телефон в моём кармане и тот факт, что Генри Маркетт продолжал прищурившись глядеть на нас с Вивви.

— Как оказалось, — сказал мне Ашер, проскальзывая ко мне в очереди во время ланча, — возможно, я знаю человека, который может достать информацию с одноразового телефона.

— Даже если с него всё удалили? — на перемене я проверила список звонков и контакты. И то, и другое пустовало.

— Мой человек... скажем так, очень изобретателен, — сказал мне Ашер. — Ничто нельзя удалить навсегда.

— Ашер, — между нами втиснулся Генри Маркетт. — Есть шансы на то, что сегодня ты

не прогуляешь оставшиеся уроки?

— Этими словами Генри намекает, что ты плохо на меня влияешь, — сообщил мне Ашер. — Учитывая мои высокие требования к плохому влиянию, считай это комплиментом.

Судя по холодному выражению лица Генри, это был совсем не комплимент.

Если бы он только знал. Ашеру отлично удавалось вести себя естественно. По его тону можно было предположить, что мы с ним затевали розыгрыш, а не обсуждали способы восстановления удаленной информации с одноразового телефона.

Генри понятия не имел о том, как ужасно я влияла на его лучшего друга.

— Встретимся в компьютерном классе во время «окна», — сказал мне Ашер.

Я зашагала к школьному двору.

— Тэсс, — окликнул меня Генри. В его исполнении моё имя прозвучало так, словно он снизошел до произнесения какой-то ерунды. — Можно тебя на минутку?

Что, если он знает? Моё сердце напомнило о себе, яростно забившись о ребра. Конечно, он не знает, — сказала я себе. Он не может знать.

— Да? — спросила я.

Генри подошел ко мне.

— Насколько я понимаю, Эмилия наняла тебя присматривать за Ашером в моё отсутствие.

Эмилия. Не Вивви. Эмилия. Узел на моём желудке чуть-чуть ослаб.

— Эмилия пыталась нанять меня, — поправила его я, заставляя себя ответить на его слова. — А ещё она пыталась подкупить меня, и, я почти уверена, что со временем она могла начать мне угрожать.

Генри не торопился с ответом, делая паузы между словами и наделяя каждое слово собственным значением.

— В любом случае, я вернулся, — его зеленые глаза слегка прищурились. — Чем бы ты ни занималась с Ашером, можешь завязывать с этим.

Генри Маркетт не хотел видеть мою сестру на поминках своего дедушки. Он не хотел, чтобы я приближалась к его младшей сестре. И он не хотел, чтобы я была фиксером для Ашера.

— Не хочу тебя расстраивать, — ответила я, — но Ашер — большой мальчик. Он сам может решать, с кем ему общаться, а кто для него — помеха.

На слове «помеха» выражение лица Генри самую малость изменилось. Он не ожидал, что я так хорошо понимаю его точку зрения.

— Я знаю, чем занимается твоя сестра, и знаю, какие разрушения она оставляет за собой, — тон Генри был приятным, но блеск в его глазах был его полной противоположностью. — Если хочешь стать кем-то вроде фиксера для старшеклассников, удачи. Но держись подальше от Ашера.

Наверное, я должна была быть оскорблена тем, что Генри считал меня угрозой для Ашера. Но учитывая то, чем мы с Ашером планировали заняться сегодня днём, я не могла отделаться от мысли, что он был прав.

«Человек» Ашера встретился с нами в одном из меньших компьютерных классов. Кажется, она была также удивлена увидеть меня, как и я — увидеть её.

— Ты, должно быть, шутишь, — Эмилия взглянула на своего брата.

— Я выгляжу так, будто я шучу? — спросил у неё Ашер.

Эмилия сердито посмотрела на него.

— Ты всегда выглядишь так, будто шутишь.

— И выгляжу весьма неплохо, — живо согласился Ашер. — А теперь, что насчет реконструкции карты памяти?...

— Я хочу знать, откуда вы взяли одноразовый мобильник? — спросила Эмилия. Ашер открыл было рот, чтобы ответить. — Не отвечай, — сказала она ему и перевела внимание на меня.

— Ты можешь это сделать? — напрямик спросила я у Эмилии.

— Могу это сделать? — переспросила она. — Да. Девушки, которые хотят поступить в область НТИМ, считаются лишенным внимания меньшинством, — в ответ на мой отсутствующий взгляд, она закатила глаза. — Наука, технологии, инженерия и математика? Ты вообще думала о поступлении в колледж? — она подняла руку. — На это тоже не отвечай. Я могу это сделать. Но это не значит, что сделаю.

Она скрестила руки на груди.

— Я сказала, что буду тебе должна, если ты согласишься несколько дней держать моего брата подальше от неприятностей. Давайте-ка сделаем краткий отчёт? — она принялась загибать пальцы. — С момента вашего знакомства Ашер прогулял уроки, угнал машину и угрожал подправить лицо Джона Томаса Уилкокса.

Я обернулась к Ашеру. При мне он не угрожал Джону Томасу. Ашер пожал плечами и повернулся к своей близняшке.

— Но Тэсс сняла меня с крыши часовни, — любезно сообщил он.

— За что я ей вечно благодарна, — голос Эмилии звучал мертвецки сухо. — А теперь, простите меня, но некоторые из нас действительно учатся во время уроков.

Она развернулась на каблуках. Ашер жестами показал мне что-то сказать.

— Я буду тебе должна, — эти слова раздражали меня, но они произвели желаемый эффект. Эмилия обернулась к нам.

— Одна услуга, никаких вопросов, когда угодно и что угодно, — Эмилия одарила меня премилой улыбкой и протянула мне изящную руку. — Договорились?

Сжав зубы, я пожала её руку, чувствуя себя так, словно подписала контракт с дьяволом.

— Договорились.

Через полчаса Эмилия вернула мне телефон.

— Вуаля и не стоит благодарностей — именно в таком порядке.

Я взяла телефон и открыла восстановленный список контактов. Все входящие и исходящие звонки были связаны с двумя номерами.

— Есть возможность узнать, на кого зарегистрированы номера? — спросила я.

— Если владельцы телефонов не полные придурки, — ответила Эмилия, — думаю, эти номера принадлежат другим одноразовым мобильникам.

— Есть один способ узнать наверняка, — Ашер выхватил у меня телефон и, прежде чем я могла остановить его, набрал один из номеров. Он включил громкую связь и опустил мобильник на парту.

Плохая идея. Я потянулась за телефоном в тот миг, когда комнату заполнил компьютерный голос. Номер был отключен.

Мне не стоило удивляться. Если бы отец Вивви был умен, он бы уничтожил телефон, а не выбросил его.

Эмилия встала и слегка потянулась, словно гимнастка, собирающаяся выполнить трюк.

— Тэсс? — Ашер кивнул на телефон в моей руке. — Там всё ещё есть один номер.

И это всё ещё плохая идея. Как и идея стать должницей Эмилии. И, вероятно, идея позволить Вивви искать телефон среди мусора её отца. Мне стоило сразу пойти с подозрениями Вивви к моей сестре.

Я опустила палец на клавиатуру телефона, пролистала вниз и нажала на «вызов», прежде чем могла передумать. На этот раз были гудки. Один. Два. Три гудка. Я не включала громкую связь. С четвертым гудком я крепче сжала телефон. Я чувствовала, как мой пульс эхом отдается в моём желудке.

Никто не ответит. С кем бы майор Бхарани не разговаривал по этому телефону, они давно исчезли. Вот, что я говорила себе до того самого момента, как кто-то поднял трубку.

— Я же сказал, ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность, — голос был мужским, глубоким и бархатистым, с американским акцентом, который я не могла определить наверняка. Кто бы это ни был, он явно был не рад. — Больше сюда не звони.

Звонок прервался.

— Кто-нибудь ответил? — не сдержав своё любопытство, спросила Эмилия.

Несколько секунд я держала телефон в ладони, а затем закрыла его.

— Нет.

Ашер взглянул мне в глаза над головой своей сестры. Он не купился на мой ответ. Я и не думала, что он купится.

Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность. Слова были выжжены в моём мозгу. Я хотела, чтобы Вивви ошиблась. Чтобы всё это было недоразумением.

Но, судя по всему, это было не так.

— Процесс назначения председателя Верховного Суда очень сложный. Сначала президент и его персонал проводят предварительный анализ кандидатов на должность. Чью кандидатуру одобрит Сенат? Кто лучше всего послужит нуждам партии? — пока доктор Кларк читала лекцию, я думала о том, как президент попросил Айви обыскать чей-то шкаф в поисках скелетов.

Я старалась не думать о голосе на другом конце телефонного провода.

Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность.

— В конце концов, президент выбирает кандидата, чаще всего — человека, разделяющего его идеологию. После назначения только обвинение в государственном преступлении может снять судью с должности — а такого не случалось с 1804 года. В результате, назначения членов Верховного Суда могут изменить законодательную и политическую среду страны на десятилетия.

За время урока мы кратко обсудили самые значимые дела, рассмотренные Верховным Судом. Право голоса. Дискриминация. Охрана здоровья женщин.

— Позже выдвинутый президентом кандидат предстает перед юридическим комитетом сената, — продолжила доктор Кларк. — Во время этого слушанья кандидата опрашивают на самые разные темы — от его прошлого до его личной жизни. Затем комитет оглашает своё мнение. Негативная оценка отправляет команду президента на поиски нового кандидата. В конечном счете, чтобы получить должность, будущий судья должен быть одобрен большинством голосов Сената.

Доктор Кларк облокотилась на свой стол.

— Наверняка, многие из вас не удивятся тому, что ещё до официального оглашения, лоббисты и заинтересованные личности будут пытаться так или иначе повлиять на результаты голосования.

Лоббисты. Заинтересованные личности. Она говорила на незнакомом мне языке, но для большинства моих одноклассников он был родным. Я поняла лишь то, что у многих групп были причины хотеть — или не хотеть — чтобы человек оказался членом Верховного Суда.

Я старалась не думать о том, что причин для убийства председателя Верховного Суда у них могло быть не меньше.

В списке контактов мобильного телефона было два номера. Колесики в моём мозгу завертелись против моей воли. Один из них принадлежал мужчине, с которым я разговаривала. А другой?

Второй был огромный знаком вопроса.

— В течение двух следующих недель вы и ваш напарник возьмете на себя роль президента, — доктор Кларк принялась описывать наше задание. — Вы изучите варианты и предложите своего кандидата. Считайте это «Мартовским безумием» [прим. — баскетбольный чемпионат], только вместо составления турнирной таблицы вы следите за трофеем, а вместо победы в чемпионате, лицо, получившее назначение сразу же становится одной из самых влиятельных личностей в стране.

Мне передали лист бумаги, и я уставилась на него. В списке значились дюжины имен: возможные кандидаты, которых мы должны были изучить.

— Мистер Маркетт, — приблизившись к Генри, доктор Кларк понизила голос. — Если вы хотите получить другое задание...

— Нет, — ответил Генри. Его осанка выглядела почти сверхъестественно прямой, а лицо не выражало каких-либо эмоций. — Это в самый раз.

— Ты что-то знаешь, — произнесла Вивви, стоило нам отсесть в дальний угол кабинета, чтобы «обсудить» наш проект. — Я вижу, что ты что-то знаешь. По лицу.

Я хотела найти способ рассказать Вивви о том, что мы узнали, не сделав ей больно. Но его не существовало.

— В телефоне было два номера, — я придерживалась голых фактов. — Мы позвонили на оба.

— Мы? — Вивви склонилась ко мне с широко раскрытыми, полными паники глазами. — Кто такие «мы»?

Её голос был очень звучным. Несколько учеников — и доктор Кларк — обернулись в нашу сторону. Вивви снова понизила голос.

— Кто такие «мы»?

Я рассказала ей, что Ашер подслушал нас — а его сестра-близнец помогла нам восстановить список контактов. Вивви выдержала этот удар, сжав губы и склонив голову.

— Что произошло, когда ты позвонила по тем номерам? — негромко спросила она, глядя на меня из-под невероятно длинных ресниц. По выражению моего лица она должна была понять, что ответ на её вопрос не был хорошим. Она так сильно сжала в руках лист бумаги, что едва не разорвала его.

— Первый номер был отключен, — произнесла я так тихо, как только могла.

— А второй?

Я в точности пересказала Вивви слова ответившего на звонок человека.

— Так с кем мы имеем дело? С человеком, который хочет, чтобы выдвинули его кандидатуру? Или с кем-то, у кого на примете есть кандидат? — Вивви уставилась на лист бумаги в её руках — список имен.

— Как вы здесь, девочки? — к нам подошла доктор Кларк.

Вивви заставила себя выйти из ступора. Она широко улыбнулась, ужасно мило и так фальшиво, что мне хотелось заплакать.

— Мы немного отвлеклись, — ответила она. Её голос звучал, как копия копии голоса той счастливой девочки, которую я встретила в свой первый день в Хардвике. — Но ведь промедление — мать изобретений, да?

Доктор Кларк сдержала улыбку.

— Думаю, в пословице говорилось про нужду, — сказала она, внимательнее изучая Вивви. — Ты уверена, что в порядке, Вивви?

— Всё отлично, — натянуто ответила Вивви. От её слов мне становилось больно.

— В таком случае, — ответила доктор Кларк, — думаю, вам двоим нужно сменить напарников. Боюсь, промедление мать только ещё большего промедления.

Прежде чем я успела возразить, доктор Кларк отправила Вивви в направлении её нового напарника и подвела ко мне моего.

— Вы двое знаете друг друга? — спросила доктор Кларк.

Кажется, Генри Маркетт был рад происходящему не больше меня.

— Мы знакомы.

Работать в паре с Генри Маркеттом над проектом, посвященным выбору замены для его дедушки, скрывая подозрения о том, что его дедушку могли убить, чтобы заменить его — не лучший момент моего дня.

Я была уверена, что этот момент был не лучшим и для Генри.

— Значит, договорились, — резко произнёс он. — Я займусь первой половиной списка. Ты — второй.

Смерть твоего дедушки была не случайностью. Я произнесла это мысленно, потому что не могла заговорить об этом вслух. Вовлечено как минимум два человека. Возможно, три. Я вспомнила о втором телефонном номере — том, который был отключен.

— Я знаю, что вы с Ашером что-то задумали, — слова Генри вернули меня в настоящее. — И, помоги нам Господь, в этом замешана Эмилия.

Он произнёс имя Эмилии так, словно говорил о силах природы — возможно, цунами или урагане.

— Не знаю, чем вы занимаетесь, — Генри сверлил меня взглядом. — И почти уверен, что не хочу об этом знать.

Он действительно не хотел.

— Если сейчас ты собираешься посоветовать мне держаться подальше от твоих друзей, — произнесла я с ничего не выражающим лицом, — можно сразу перейти к той части, где ты начнешь отпускать завуалированные комментарии о моей сестре, а я скажу тебе, что я — не она?

Генри внимательно уставился на меня, изучая выражение моего лица. Я понятия не имела о том, что творилось в его голове.

— Вообще-то, — наконец ответил он, — это та часть, где я говорю, что ты не хочешь быть такой, как твоя сестра, — прозвенел звонок, и он собрал свои учебники. — Поверь тому, кто знает.

В коридоре меня поймала Вивви.

— Что ты сказала Генри Маркетту? — тут же спросила она.

Я потянула её в женский туалет и проверила кабинки. Пусто.

— Я ничего ему не рассказала. Ни о твоём отце, ни о том, что мы нашли.

Несколько секунд Вивви усваивала информацию.

— Прости. Просто... вы работали в паре... и...

— Вивви, дыши.

Она облокотилась на входную дверь.

— Может, ты всё неправильно поняла, — негромко произнесла она. — Чтобы тот человек не сказал тебе по телефону, возможно, ты всё неправильно поняла. Возможно, я всё неправильно поняла. Может быть всё это — совсем не то, чем кажется.

Мне было больно слышать отчаянную надежду в её голосе. Я знала, каково так сильно хотеть, чтобы что-то оказалось правдой. Он не болен. Он просто запутался. Сколько раз я говорила это себе ещё в Монтане? Я знала, каково было балансировать на грани правды, зажмурившись и надеясь на то, что, когда ты откроешь глаза, всё будет по-другому.

А ещё я знала, что так не бывает.

— Мы должны кому-нибудь рассказать, — мягко произнесла я. — Ты же знаешь, что

должны, Вивви.

— Кому? — выпалила она. Её волосы рассыпались по её груди. — Твоей сестре? Ещё на прошлой неделе ты даже не знала, чем она зарабатывает на жизнь, — губы Вивви дрожали. — Вы явно очень близки.

Ауч.

Вивви прижала ладонь к губам.

— Прости, — запинаясь, произнесла она сквозь пальцы. — Я не это имела в виду. Это же я попросила о помощи. Я попросила тебя это сделать. Я не имею права ненавидеть тебя за это, — она приобняла себя руками и склонила голову. — Я знаю, что не могу просить тебя сохранить это в секрете, — её темно-карие глаза встретились с моими. — Знаю, Тэсс.

И всё же она просила.

— Если бы мы знали, — негромко произнесла Вивви, — если бы мы были уверенны, если бы мы смогли узнать, с кем он разговаривал... всё изменилось бы.

Ситуация никогда не изменится. Её отец всегда будет её отцом. Судя по тому, что она рассказала мне накануне, он был её единственным родителем.

— Ты сможешь узнать голос? — спросила у меня Вивви. — Если ты снова услышишь его, ты сможешь его узнать?

Я подумала о списке, который выдала нам доктор Кларк. Потенциальные кандидаты на должность судьи.

— Возможно.

В ту ночь я просмотрела список доктора Кларк. Министры юстиции. Судьи окружных судов. Профессора права.

Я займусь первой половиной списка. Ты — второй.

Не думаю, что Генри Маркетт имел в виду то, чем занималась я. Мне полагалось найти базовые биографические данные о каждом из дюжин потенциальных кандидатов. Вместо этого я искала видео — и аудиозаписи. Проверив половину списка я так и не нашла того голоса, который искала.

— Эй, мелкая, — Боди постучал в мою дверь и заглянул в комнату. — Приехала пицца. Её королевское величество заперлась в своём офисе, — прежде чем я успела спросить, он добавил: — Когда она берется за дело, её невозможно от него оторвать.

Спустившись в кухню, я взяла кусочек пиццы.

— Вы, ребята, всё ещё ищите скелеты в шкафу одного из потенциальных кандидатов? — спросила я.

Боди подавился куском пиццы и прищурился.

— Завязывай с этим.

— Я слышала, как президент попросил Айви провести расследование, — закатывая глаза, произнесла я. — Не нужно быть ядерным физиком, чтобы понять, почему он хочет, чтобы она нашла чьи-то грязные секретки в такое время, — я откусила ещё один кусочек от своей пиццы. — Да и вообще, — добавила я, — наше задание по проблемам современного мира — самим выбрать идеального кандидата.

— Конечно же, — пробормотал Боди. — Потому что не дай боже учить в Хардвике простую американскую историю.

Боди протянул руку и поднял коробку с пиццей.

— Куда это ты собрался? — крикнула я ему вслед, когда он вышел из комнаты.

— Ты у нас Кендрик, — бросил он в ответ. — Догадайся.

Он должен был убедиться, что Айви поест. Это было частью его работы, как и вождение машины, обязанности телохранителя и нарушение законов, которые не станет нарушать Айви. Я последовала за ним. Не потому что мне хотелось увидеть Айви. Не потому что мы не виделись целый день.

А потому что, когда я сталкивалась с трудностями, когда всё было слишком сложно, я начинала ходить.

Боди не стал утруждаться стуком в дверь. Он просто проскользнул в комнату и стратегически оставил аппетитную пиццу на краю стола Айви.

Стоя в коридоре, я расслышала голос моей сестры.

— Спасибо, что выделили время для нашего разговора, судья Пирс. Конечно, вы понимаете, что никто не должен знать о нашей небольшой видео-конференции, — внезапно я поняла, что узнай я, кого Айви изучала для президента, то смогу быстрее закончить своё задание по проблемам современного мира.

Это не считается жульничеством, если я...

— Конечно, мисс Кендрик, — ответ на слова Айви рассек мои мысли, словно клинок меча. — Вы же навели обо мне справки. А значит, вы знаете, что я всегда осмотрителен.

Одна за другой мои мышцы напряглись. Глубокий голос. Бархатистый. Знакомый.

Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность.

Боди поднял глаза и заметил, что я стою в дверном проёме. Оставив коробку с пиццей на столе Айви, он подтолкнул меня прочь от двери и закрыл её.

— С кем разговаривает Айви? — поспешно прошептала я, давась собственными словами. — Это насчет кандидатов на должность судьи?

Скажи «нет».

Он не сказал.

— Она назвала этого мужчину «судьей», — выдавила я. — Президент хочет...

Президент подумывает выдвинуть его кандидатуру.

— Так и есть, да? — спросила я, чувствуя, как мой ужас растет.

— Ты ничего не видела, — приказал мне Боди. — Ты ничего не слышала. Айви убьет нас обоих, если узнает.

Убьет. Айви убьет нас обоих, если узнает, — тупо подумала я, цепляясь за единственное важное слово в этом предложении. Они убили судью Маркетта. Они убили его, а теперь президент подумывает назначить этого человека в Верховный Суд.

— Мне нужно поговорить с Айви, — я потянулась к двери. Боди поймал меня.

— Полегче, котенок.

— Ты не понимаешь, Боди. Мне нужно поговорить с Айви.

— Тэсс? — наверное, Боди услышал что-то в моём голосе. Он редко называл меня по имени. Он всегда звал меня котенком, мелкой или малышкой. Прежде чем я успела ответить, кто-то позвонил в дверь.

Боди взглянул на меня и изогнул бровь.

— Ждешь гостей?

Я покачала головой. Звонок повторился. Боди отправился открывать. Я замерла на месте, уставившись на закрытую дверь офиса Айви. Я должна ей рассказать.

— Тэсс? — позвал Боди. — У нас гости, — он был абсолютно спокоен. Настолько спокоен, как будто он пытался отговорить человека от прыжка с крыши.

Я зашагала к вестибюлю. Моя обувь стучала по мраморному полу. С каждым шагом я шла быстрее. Когда я обогнула угол, Боди стоял между мной и дверным проемом, не давая мне увидеть человека, стоявшего на крыльце.

— Мне лучше уйти.

Я узнала голос Вивви. Она была у дома Айви. Ночью. Я протолкнулась мимо Боди, как раз когда Вивви развернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — произнесла я. Вивви замерла на месте, но не стала оборачиваться ко мне. Я вышла на крыльцо и обогнула её. Она склонила голову, темные волосы спадали на её лицо.

— Вивви?

Она подняла голову и посмотрела на меня. Её губа кровоточила. Её левый глаз опух и не открывался.

Вивви дрожала. Я осторожно подняла ладонь к её руке. Она отшатнулась от меня.

— Мой отец знает, — прошептала она. Её слова прорезались сквозь ночной воздух. — О телефоне. Он знает, что я взяла его. Наверное, он стал сомневаться в том, правильно ли он от него избавился, потому что он решил вернуть его.

Но телефон пропал. В моём горле поднялась желчь.

— Я никогда не видела его таким, Тэсс, — Вивви покачала головой. Она всё качала и качала ею, словно её тело снова и снова повторяло «нет, нет, нет». — Он был...

Она не смогла закончить предложение. Чувствуя, как сердце яростно бьется о мои ребра, я сделала это за неё.

— Зол.

— Напуган, — мягко произнесла она. — Он был так напуган. Я сказала, что не знаю, о чём он, но он не поверил мне. Он всё повторял, что я должна отдать ему телефон.

Но у Вивви не было телефона. Он был у меня. Она не смогла отдать ему мобильник, и вот он — результат.

Я знала. Я знала, что он может причинить ей вред. Я знала...

— Мне так жаль, Вивви, — я подавилась словами. Я сожалела о том, что с ней случилось, сожалела, что не рассказала обо всём Айви в тот самый миг, когда поняла, что майор ударил свою дочь.

— Он дал мне ибупрофен, чтобы уменьшить опухоль.

Он ударил её и дал ей таблетки, чтобы уменьшить опухоль. Я была в ярости.

— Тэсс? — я услышала голос Айви. Она стояла на крыльце, и вдруг я поняла, что последовала за Вивви на улицу.

— Мы должны рассказать ей, Вивви.

Вивви снова покачала головой.

— Я знаю, с кем разговаривал твой отец. Знаю, кто его нанял.

Голова Вивви замерла, но её тело продолжило дрожать.

— Тэсс...

— Президент попросил Айви проверить потенциального кандидата, — я постаралась вспомнить подробности. — Судью Пирса. Айви разговаривала с ним через видеосвязь, — моё горло пересохло и каждое слово давалось мне с трудом. — Я узнала его голос, — мои слова — и то, что из них вытекало — повисли в воздухе. Вивви не сказала ни слова. А вот я не могла остановиться. — Если мы ничего не сделаем, президент может выдвинуть кандидатуру этого человека на должность судьи Маркетта.

Я слышала резкое дыхание Вивви. Айви всё ещё глядела на нас с крыльца. Вивви сжала губы в тонкую линию. Её дыхание выровнялось. И она произнесла одно слово.

— Хорошо.

Мы с Вивви сидели на диванчике. Кофейный столик отделял нас от сидящей напротив Айви. Стоило нам начать наш рассказ, она позвала Адама. Теперь он стоял за её спиной.

— Держи, — Боди протянул Вивви свежий пакет со льдом. Вивви приняла его, но не приложила к лицу.

— Ты уверена в том, что ты слышала? — спросила у Вивви Айви. В её голосе не было осуждения. Это был не наводящий вопрос. Она не пыталась вызвать у Вивви сомнения.

Но всё же я рассердилась.

— Если бы она не была в этом уверена, она бы здесь не сидела.

— Я разговариваю с Вивви, Тэсс, — Айви едва ли взглянула на меня. Стоило Айви понять, что Вивви не впервые пришла ко мне с этим, что я знала и ничего не рассказала ей, моя сестра заметно изменилась. Как будто её окунули в ванную с ледяной водой, и она закалилась от холода.

Сплошное добро и дружелюбие, но лишь до поры до времени.

— Я уверена, — Вивви покрутила в руках пакет со льдом. — Знаю, это звучит как бредни сумасшедшего. Я понятия не имею, зачем ему идти на что-то подобное, но... — Вивви сглотнула слова и слезы. Когда она заговорила, её голос был беспристрастным. — Сейчас он сам не свой.

Отец, которого знала Вивви, не стал бы убивать человека. Но отец, которого знала Вивви, не ударил бы её. Не причинил бы ей боль.

— Проблема не в отце Вивви, — всеобщее внимание перешло от Вивви ко мне. — Она упомянула телефон, по которому он разговаривал. Но она не сказала, что после этого, она нашла его в мусоре и отдала его мне.

Айви медленно перевела глаза с Вивви на меня. Я почувствовала тяжесть её взгляда.

— Она отдала тебе телефон, и ты не принесла его мне? — резко спросила Айви. За её спиной Адам нахмурился. Вивви поежилась.

Пусть сосредоточатся на мне, допрашивают меня.

— Она отдала мне телефон. Мой друг помог мне восстановить список контактов.

— Что? — лёд в голосе Айви сменился на гнев.

— Я позвонила по тем номерам.

Айви сжала зубы. Я почти чувствовала, как она мысленно считает до десяти.

А вот Боди не удержался.

— Конечно, позвонила, — пробормотал он. — Почему бы не позвонить человеку, вероятно проспонсировавшему заказное убийство?

— Боди, — выдавила Айви. — Это не помогает.

Судя по всему, Айви досчитала до десяти. Она подалась вперед, сокращая разделявшее нас расстояние вдвое.

— Ты позвонила. Кто-то взял трубку, — она даже не спрашивала.

— Кто-то взял трубку, — подтвердила я. Я рассказала ей о том, что сказал мне тот человек, как рассказывала Вивви — слово в слово.

— Телефон ещё у тебя? — спросил Адам. Я кивнула. — Принеси его, — приказал он. — Сейчас же.

Я сделала, как мне было велено. Стоило мне опустить телефон в его ладонь, он легко сжал мою руку.

— С тебя хватит, — сказал он мне. — Я могу отнести это людям в Пентагоне. Твоя

сестра может заехать в Белый Дом. Но с тебя хватит.

Внезапно мне стало очень легко видеть в Адаме солдата. Человека, привыкшего к тому, что люди подчинялись его приказам.

— Ещё кое-что, — сказала я. Я мельком взглянула на Вивви. Её волосы спадали ей на лицо, скрывая её распухшую губу и заплывший глаз. Её пальцы осторожно теребили лежащий на её коленях пакет льда.

— Человек, поднявший трубку? Тот, кто сказал, что доктор не получит денег, если его кандидатуру не выдвинут на должность? — я перевела взгляд с Адама на Боди и, наконец, на свою сестру. — Я узнала его голос.

Выдавив из нас всю информацию до последней капли, Айви, Адам и Боди удалились в офис Айви. Время близилось к полуночи. То, что Вивви ночевала у нас, даже не обсуждалось — Айви расстелила для неё диван. Вивви забралась под одеяло и просто лежала там.

Где-то в два часа ночи я забралась в постель. Я не могла спать, зная, что внизу Айви... я даже не знала, чем именно она занималась. Адам уже звонил своим знакомым из Пентагона? А может, прямо сейчас Айви разговаривала с президентом?

— Тэсс?

Я села в постели. Несколько секунд мои глаза привыкали к темноте, а затем я различила силуэт Вивви в дверном проёме.

— Ты в порядке? — спросила я. Глупый вопрос. Конечно, она не была в порядке.

— Можно я... — Вивви запнулась. На её плечи было наброшено одеяло.

— Можно ты что?

Вивви застыла в дверном проеме, словно какой-то барьер не позволял ей зайти в комнату.

— Я просто... Я не хочу быть одна, — её голос был едва ли громче шепота.

Я оперлась на локти.

— Ты хочешь поспать здесь? — на моей кровати хватило бы места для нас обеих. — Всё нормально, — ответила я, когда она не пошевелилась. — Здесь куча места.

Вивви подошла к моей кровати. Она забралась в неё и легла поверх одеяла, оставаясь завернутой в своё.

Не только она не хотела оставаться в одиночестве.

На следующее утро синяк Вивви потемнел. Она явно не могла пойти в школу, а я не могла оставить её наедине с Айви. Моя сестра зарабатывала на жизнь решением проблем. Я не могла отделаться от мысли о том, что оставь я Вивви, к моему возвращению она может исчезнуть. Возможно, школа-интернат. Безопасное место. Где-нибудь далеко.

Я одолжила Вивви немного одежды. Она отправилась в душ, а я отправилась на поиски Айви. Я нашла её внизу с чашкой кофе в руке и прижатым к уху телефону. Я очень сомневалась в том, что прошлой ночью она спала.

— Ты мне задолжал, — сказала она человеку на другом конце провода. — Не будем углубляться в причины. Достаточно сказать, что ты достанешь то, что мне нужно, — на её лице появилась резкая улыбка.

Совсем не дружелюбная.

— Я знала, что мы сможем договориться, — сказал она. — Передавай Кэролайн привет, — не дожидаясь ответа, Айви повесила трубку. Она обернулась, увидела меня и несколько секунд изучала выражения моего лица и темные круги под моими глазами.

— Как спалось?

— Лучше, чем тебе.

Айви опустила телефон в задний карман и завела меня на кухню, где налила себе ещё одну чашку кофе, а мне — стакан молока.

— Я бы не отказалась от кофе, — сказала я.

Она сердито посмотрела на меня.

— А я бы не отказалась от того, чтобы ты пришла ко мне со всем этим.

Вот оно. Прошлой ночью, она не кричала на меня. Не вычитывала меня.

— Я пришла к тебе, — сказала я.

— Не нужно, Тэсс, — Айви опустила чашку на столешницу чуть сильнее, чем следовало бы. — Ты должна была прийти ко мне, как только Вивви рассказала тебе о том, что она слышала. О чём ты только думала?

Я думала о том, что Вивви доверилась мне, а не Айви. Думала о том, что Расскажи я Айви — Расскажи я кому угодно — Вивви может взять свои слова назад.

— Я обещала помочь ей разобраться в том, что происходит, — я уставилась на ободок своего стакана. — Я держу свои обещания.

— А я — нет, — мягко произнесла Айви. Она отвернулась от меня. Я видела, как напрягаются её плечи и спина. — Вот, в чём здесь дело? Ты меня наказываешь?

За то, что бросила меня в Монтане три года назад. За то, что вырвала меня из своей жизни. И так и не рассказала мне о том, почему.

— Ты здесь не при чём, — настояла я.

— Ещё как при чём, — она снова обернулась ко мне. — Ты хоть представляешь, что могло случиться? С Вивви? С тобой, после того, как ты позвонила по тому номеру?

— Ты сказала, что я могу прийти к тебе, — негромко сказала я, — с чем угодно, — я сглотнула. — Вот я и пришла к тебе. Может, не так, как тебе хотелось бы. Может, недостаточно быстро, но, Айви, я пришла к тебе.

Эти слова повисли в воздухе между нами.

— Ты уже говорила с президентом? — спросила я.

— Я не стану обсуждать это с тобой, — Айви подошла к моей стороне стола и встала прямо передо мной, слишком близко. — Твоя роль во всём этом окончена. Ясно?

Абсолютно.

На этом Айви не закончила.

— Ты никому не должна об этом рассказывать, Тэсс. Как и Вивви. Пока мы не разберемся в этом, пока не узнаем, кто именно в этом замешан, мы не можем привлекать к вам внимание.

— Кто в этом замешан? — переспросила я. — Вы думаете, что это были не только судья Пирс и отец Вивви. Думаешь, там был кто-то ещё? — я сделала паузу. — Второй телефонный номер...

Отец Вивви убедился в том, что судья Маркетт не вернется из больницы. Пирс заплатил ему — или собирался это сделать — за эту работу. Что оставалось?

— Сердечный приступ, — вслух размышляла я. — Чтобы их план сработал, для начала они должны были убедиться в том, что судье Маркетту понадобится операция.

— Не лезь в это, Тэсс, — Айви взяла меня за подбородок и заставила меня посмотреть ей в глаза. — Я узнаю всё, что нужно. Со мной ты в безопасности. Как и Вивви. Я всё исправлю. Но мне нужно, чтобы ты в это не вмешивалась.

— Ты рассказала президенту? — повторила я.

— Что из фразы «не лезь в это» ты не поняла?

— Не сказала, да? — как я должна была это понимать? — Отец Вивви — врач президента, — резко произнесла я. — Тебе не кажется, что он заслуживает знать, если у него есть склонности к совершению убийств?

— Я поговорила с его личной охраной, — сообщила Айви. — Майора Бхарани перевели из Белого Дома.

Судя по выражению её лица, она не собиралась говорить мне больше ни слова. Когда Айви закрывала тему, она оставалась закрытой.

— Что будет с Вивви? — спросила я. Хотя бы об этом она могла мне рассказать.

Выражение лица Айви немного смягчилось. Она опустила руку.

— Я над этим работаю.

— Работаете над чем? — Вивви появилась в дверном проеме. Её волосы были влажными, а её лицо покрывали синяки, но она высоко подняла голову и расправила плечи.

— Именно тебя я хотела увидеть, — Айви посмотрела на неё куда дружелюбнее, чем на меня. — Если ты готова, я хочу задать тебе несколько вопросов.

Вивви мельком взглянула на меня.

— Я готова.

— Тэсс? — Айви посмотрела на меня и изогнула бровь. Только через несколько секунд я поняла, что она ждала, что я уйду.

— Но...

— Тереза, — Айви не повышала голоса, но то, что она назвала меня полным именем, говорило о многом.

— Иди, — сказала мне Вивви.

— Если ты хочешь, чтобы я осталась... — запнулась я.

— Всё в порядке, — тихо ответила Вивви. — Просто иди.

Вивви не рассказала мне почти ничего об их разговоре с Айви.

— Твоя сестра просто пытается восстановить хронологию событий, — вот, что Вивви ответила на мои расспросы. — Как мой отец ввязался во всё это, когда это произошло, откуда он знает Пирса, если вообще знает.

— И? — спросила я.

— И, — Вивви уклонилась от ответа, — я ответила на её вопросы.

Больше она ничего не сказала. Моя сестра хотела, чтобы я в это не вмешивалась. А Айви Кендрик отлично умела получать то, чего она хочет.

В ту ночь Вивви снова спала в моей комнате. Но на следующее утро я проснулась в одиночестве. *Наверное, она просто спустилась вниз*, — сказала себе я. Я оделась. Вивви не было в гостиной. Вивви не было ни на кухне, ни в вестибюле...

— Её здесь нет.

Я обернулась на звук голоса Боди.

— Её — в значении Айви, или её — в значении Вивви?

Боди оценивающе взглянул на выражение моего лица.

— Твоя сестра отлучилась, — сказал он, опуская большие пальцы в карманы джинсов. — А малышки Вив нет.

— Что значит «нет»?

Боди виновато поднял руки.

— Плохо подобрал слова. С ней всё в порядке. Она просто не здесь.

— Где она? — ровно спросила я.

— Вив в хороших руках, мелкая, — ответил Боди. — Слово скаута.

Другими словами: эта информация подпадала под принцип служебной необходимости, и мне было не зачем её знать.

— Где Айви? — спросила я. Она куда-то спрятала Вивви, и отправила Боди поведать мне плохие новости.

— У них с Капитаном Пентагоном были дела, — расплывчато ответил Боди. Я попыталась понять, какими делами Адам и Айви могли заниматься в такую рань, но ничего не шло мне в голову.

— Лови, — Боди бросил мне свой мобильник. Я поймала его. — Номер уже забит. Если волнуешься о малышке Ви, можешь позвонить.

Судя по всему, Боди с большей охотой намекнет мне на то, где сейчас Вивви, чем на то, где находится Айви. Я отложила этот факт на будущее и набрала номер.

Мне ответила Вивви.

— Со мной всё в порядке, — сказала она вместо приветствия. — Айви не хотела, чтобы я тебя будила.

А Айви всегда получала то, чего хотела.

— Где ты? — спросила я у Вивви. — Что сделала Айви?

— Она нашла, где я могу остановиться.

Как оказалось, у Вивви была тетя. Младшая сестра её отца. До сегодняшнего утра Вивви никогда не встречалась с этой женщиной. Теперь же она с ней жила.

Благодаря Айви.

— Не делай ничего, что не сделал бы я, — попытался пошутить Боди, проезжая сквозь ворота Хардвика. — Если уж на то пошло, держись подальше и от девяноста процентов того, что я бы сделал.

Вивви не вернется в школу до понедельника — её синякам нужно было зажить, а ей нужно было получше узнать тетю, которую Айви вызвала Бог знает откуда, словно фокусник, доставший из шляпы кролика.

Я не смогла остаться дома на ещё один день. Моя сестра хотела, чтобы я ушла с дороги. Она хотела, чтобы я была в безопасности. И так уж случилось, что Хардвик был безопаснее большинства консульств.

Боди остановился у обочины. Я выбралась из машины прежде, чем он успел одарить меня большим количеством мудрых советов. Он опустил своё окно.

— Эй, мелкая?

Я обернулась к нему. Он улыбался, но его темные глаза сверкали серьезностью.

— Помалкивай.

Другими словами: не рассказывай кому-либо об отце Вивви. Или о судье Пирсе. Или о судье Маркетте.

К сожалению, этот «кто-либо» выследил меня ещё до начала первого урока.

— Что произошло? — спросил Ашер, подстраиваясь под ритм моих шагов. — Где ты была вчера? Где была Вивви? — я не ответила, так что Ашер опробовал другую тактику. — Правда или ложь: ты расскажешь мне о том, что случилось.

— Ложь, — ответила я.

Он угрюмо взглянул на меня и понизил голос до наигранного шепота.

— Правильным ответом была правда.

Голос Ашера звучал насмешливо, но что-то подсказывало мне, что он вовсе не шутил. Происходящее не было для него какой-то шалостью. Это было чем-то личным, и попытайся я его проигнорировать, он не станет сидеть без дела.

Например, он может рассказать Генри.

Помалкивай.

— Если коротко? — сказала я Ашеру, когда мы подошли к кабинету. — Моя сестра знает. О Вивви, о телефоне, обо всём.

— А полная версия? — спросил Ашер.

— Отец Вивви узнал о телефоне, — об этом я могла рассказать, не опасаясь помешать расследованию Айви — что бы ни влекло за собой это расследование. — Две ночи назад она пришла ко мне домой с опухшей губой и синяком под глазом.

— Она...

— С ней всё будет в порядке, — сказала я. — В физическом смысле. Но с нас с Вивви хватит. Мы не станем вмешиваться в это дело, — я зашла в кабинет, и Ашер последовал за мной. Я чувствовала, что он вот-вот набросится на меня с очередным вопросом, на который я не смогу ответить; взглянет на меня очередным взглядом, говорящим, что он знает, что я что-то не договариваю. Затем глаза Ашера замерли на сидящем в передней части кабинета и низко склонившим голову над книгой Генри.

Ашер не станет задавать вопросы в пределах слышимости его лучшего друга.

Я проскользнула на соседнее с Генри место, прекрасно зная, что Ашер понимает, зачем

я это делаю.

— Правда или ложь, — прошептал он мне в затылок, усаживаясь за парту за моей спиной. — Наш разговор не закончен.

Я почти слышала его мысли о том, что в списке всех людей, которым Генри Маркетт мог бы доверить расследование того, что произошло с его дедушкой, моя сестра была далеко не первой.

На самом деле, я была почти уверена, что Айви вообще не было в этом списке.

— Предположу, что ты выполнила свою часть задания? — на проблемах современного мира Генри Маркетт сидел напротив меня. На столе между нами лежала толстая, открытая папка. Он явно справился со своей половиной.

— Знаешь, что говорят о предположениях, — ответила я.

Генри ехидно взглянул на меня.

— Расскажи мне, Кендрик, что же говорят о предположениях?

— Меня зовут Тэсс.

— Этим ты намекаешь на то, что ты не изучила кандидатов в твоей половине списка? — спросил у меня Генри. — Тэсс.

— Вообще-то, — ответила я, — я их изучила, — ему не нужно было знать, зачем я их изучала — или что я искала.

— И?

И я думаю, что судья Пирс заказал убийство твоего дедушки.

— И, — произнесла я, — я была не так уж сильно впечатлена.

Губы Генри едва заметно изогнулись вверх.

— Я начинаю думать, что тебя сложно впечатлить.

Его слова прозвучали почти как комплимент.

Кажется, Генри тоже это понял.

— Скорее всего, — поспешно произнёс он, отрывая от меня взгляд и перелистывая собранную ним папку, — мы ищем судью апелляционного суда — вероятно из Вашингтона, но я бы не стал отбрасывать и других кандидатов.

Я сразу же подумала о судье Пирсе. Был ли он членом апелляционного суда?

Айви сказала мне не вмешиваться в это, — подумала я. Но она же не сможет винить меня за выполнение школьного задания, да? Пока Генри кратко описывал качества своих главных кандидатов, я вывела на экран ноутбука информацию о Пирсе и уставилась на его фотографию. Он оказался лысеющим мужчиной старше сорока лет. С экрана на меня глядели его глубоко посаженные глаза, официальное выражение лица, вызывавшего доверие.

Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность.

Я заставила себя оторвать глаза от фотографии и принялась читать. Пирс заседал в девятом судебном округе апелляционного суда. До этого он был генеральным прокурором в Аризоне.

— Пирс, — Ашер подошел ко мне и заглянул мне через плечо. — Интересный выбор.

Я заставила выражение своего лица остаться нейтральным. Ашер явно пытался раздобыть у меня информацию — и совсем не для задания. Я закрыла вкладку.

— Разве ты не должен работать над своим заданием? — беззлобно спросил у Ашера Генри.

— Должен, — не сводя с меня взгляда, ответил Ашер. — Но, к сожалению, моего напарника нет в школе. Несчастный Ашер вынужден работать в одиночестве.

— Я по тебе скорблю, — сухо произнёс Генри.

— Так что мы знаем о Пирсе? — Ашер проигнорировал саркастичный тон Генри и сел на соседний со мной стул. Он склонился ко мне, опуская локти на мою парту.

— Ничего, — отрезала я и потянулась за бумагами из папки Генри.

Ашер внимательно взглянул на меня.

— Почему-то я сомневаюсь, что это правда.

Тогда я почувствовала, что на нас смотрит Генри и испепелила Ашера взглядом.

— Вивви Бхарани не было в школе больше недели, — Эмилия не стала утруждаться приветствием. Она проскользнула на место по соседству от Генри. — В прошлом году она была единственной ученицей в нашем классе с идеальным посещением, не считая меня. Только мне это кажется странным?

— Ты что, волнуешься? — подняв бровь, спросил у своей близняшки Ашер.

— Я умею волноваться, — сказала ему Эмилия, звуча почти оскорбленно. — Я очень сильно сопереживаю людям.

Ашер и Генри переглянулись. Сопереживание явно не было сильной стороной Эмилии.

— Я слышала, что отца Вивви уволили, — напрямик продолжила Эмилия.

Я мельком взглянула на Ашера.

— И от кого же ты об этом услышала? — спросил он.

— От девятиклассницы, мама которой работает в газете «Washington Post».

Меня подташнивало от мысли о том, что люди знают об увольнении отца Вивви из Белого Дома.

— Ну, технически, его не уволили, — уточнила Эмилия. — Его перевели. Но точность употребления слов никогда не была сильной стороной желтых газетенки, да и что угодно покажется довольно большим понижением в должности после Белого Дома.

Генри резко поднялся на ноги.

— Какую бы должность не занимал её отец, это никак не связано с Вивви.

Эмилия побледнела так, словно он её ударил.

— Я думала, что ты захочешь знать.

— Почему? — ответил Генри. Его голос звучал спокойно, но я видела, как напряглась его шея. Он не мог не заметить синхронность: отца Вивви сместили с должности вскоре после операции его дедушки. Генри обошел парту и бросил на столешницу лист бумаги. — Мой кандидат, — не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал к передней части кабинета. Я расслышала, как он попросил у доктора Кларк разрешения выйти в уборную.

Эмилия озадаченно посмотрела на Ашера.

— Что это было?

Я последовала за Генри. В моей школе в Монтане учителя берегли пропуска в уборную, словно ключи от рая, но в Хардвике вообще не было пропусков. Доктор Кларк просто отпустила меня.

Я догнала Генри у двери в туалет.

— Чем могу помочь? — не оборачиваясь, произнёс он.

Я ответила не сразу. Тишина явно не смущала Генри, но я нарушила её.

— Спасибо, — произнесла я. — Что заступился за Вивви.

Кажется, Генри было неловко слышать мою благодарность.

— Возможно, — натянуто признался он, — я знаю, каково это, когда твоя семья — главная тема сплетен Хардвика.

Если наши подозрения окажутся правдой, если они выплывут наружу, Генри и Вивви окажутся не просто темой сплетен Хардвика. Их семьи окажутся на первых полосах газет.

— А ещё, возможно, — продолжил Генри, всё ещё не оборачиваясь, — я подозреваю,

что ты как-то замешана в истории с увольнением отца Вивви.

Генри сопоставил факты — слишком хорошо, слишком быстро. Но как?

— Нельзя винить меня во всех бедах, — сказала ему я.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я не пытаюсь тебя критиковать, — Генри наконец обернулся ко мне. — Моя мать завтракает в отеле «Рузвельт», — он подождал, пока я усвою его слова, но для меня они ничего не значили. — Кажется, она видела там Вивви. Сегодня утром.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он пытался сказать. Если мать Генри видела Вивви, она видела и её синяки.

— Я знал, что что-то было не так. На поминках, — челюсть Генри напряглась. — Просто не знал, что именно.

Он видел нервный срыв Вивви. Возможно, с тех пор он замечал её отсутствие.

— Я знал, что что-то было не так, — повторил он, — и ничего не сделал. Я так заиклился на своей скорби, что...

— Думаю, на поминках по дорогому человеку людям позволено заикливаться на скорби, — сказала ему я.

Я почти чувствовала, как он отвергает эту логику. Она была его одноклассницей. Ей нужна была помощь. А он этого не заметил. Генри Маркетт был не из тех, кто легко прощает — особенно самого себя.

— Возможно, — до странного официально произнес Генри, — я был о тебе неверного мнения, Тэсс.

Он знал, что отец Вивви избивал её. Он думал, что я помогла ей. Думал, что из-за меня её отца сместили с должности президентского врача.

Он не знал и половины происходящего. А я не могла ему рассказать. Я рассердилась от одной мысли о том, что я этого хотела. Я злилась от того, что мне было не плевать на его мнение обо мне — но сильнее всего была наступавшая мне на пятки вина, готовая проглотить меня за то, что я скрывала от него правду и заставляла его лучшего друга делать то же самое.

— Возможно, — резко произнесла я, усмиряя круговорот своих эмоций и отшатываясь от вызвавшего их парня, — мне плевать на то, какого ты обо мне мнения.

В тот вечер Айви предоставила меня самой себе. Наверное, она решила, что избегай она меня, я смогу каким-то магическим образом забыть обо всём, что я знала о смерти судьи Маркетта.

Вряд ли.

Хардвик был маленькой школой. Во всей моей параллели было меньше сотни детей. На каждом шагу я видела Генри. На следующее утро ещё одним напоминанием стал пустовавший стул Вивви в кабинете английского.

Стараясь не думать о важных вопросах, я доползла из кабинета английского к кабинету физики, а оттуда — на урок «Говоря о словах».

Кому принадлежал второй номер на одноразовом мобильнике?

Почему Айви не пошла со своими подозрениями напрямик к президенту?

— Тэсс, — через несколько минут после звонка на меня посмотрел учитель. — Вы что-нибудь подготовили?

Сегодня была пятница. Я провела в Хардвике две недели. Наверное, надеяться на то, что учителя продолжают меня игнорировать, было слишком.

— Почти, — сквозь зубы соврала я. Мистер Уэсли — которому было где-то шестьдесят — не стал меня вызывать. Он просто наградил меня оценивающим взглядом и вызвал добровольца.

Нашим заданием была «убедительная речь» на вольную тему длиной в восемь-десять минут. Первой вызвалась обожавшая рисковать исландка Ди, за ней парень, имени которого я не знала, а за ним — Генри. Последним читал речь Джон Томас Уилкоккс. Он настроил проектор так, чтобы во время его речи на доске появлялись слайды. Его темой было исследование стволовых клеток. Я почти не слушала его, пока на доске не загорелась фотография моего дедушки.

— Болезнь Альцгеймера — прогрессирующее, изнурительное и, в конечном счете, смертельное заболевание.

Я заставила себя начать дышать заново.

Фотографии было где-то пять лет. Я не знала, откуда Джон Томас взял этот снимок, потому что он обрезал его до крупного плана лица. Карие глаза. Прямая линия губ. Кожа моего дедушки была загорелой и обветрившейся. Никто кроме меня не смог бы рассмотреть мягкость в выражении его лица: тепло в его глазах, юмор, танцующий на кончиках его губ.

— Позвольте мне рассказать вам об этом мужчине, — произнёс Джон Томас. Когда он продолжил, каждое его слово резало меня, словно тупой нож, с силой врезаюсь в плоть.

Нам сказали делать наши аргументы более личными, делать ставки не только на факты, но и на эмоции. Другие могли подумать, что именно это и делал Джон Томас. Он взял за пример настоящего человека, чтобы надавить на чувства слушателей.

Этот мужчина деградировал. Он терял память. Он продолжит терять мыслительные способности и части себя, пока не умрет.

Джон Томас рассказал нам о каждой мучительной детали. И всё это время он смотрел прямо на меня.

— Представьте, какую боль вы испытываете, зная, что человек, которого вы любите, не

сможет ходить, говорить или осмысленно общаться, — выражение лица Джона Томаса было невероятно серьезным и бесстрастным, но вот его глаза — его глаза сверкали. — А теперь представьте месяцы — возможно, даже годы — предшествующие этому. Представьте, как человек, которого вы любите, забудет вас, перестанет вас узнавать, начнет вас винить...

Сначала мне показалось, что комната трясется. Потом я поняла, что дрожу я сама. Я не могла оторвать свой взгляд от фотографии моего дедушки. Я всегда знала, что его состояние будет ухудшаться. Я знала это...

Мои пальцы впились в парту.

— Исследование стволовых клеток не сможет излечить болезнь Альцгеймера, — продолжил Джон Томас. — Но благодаря нему могут появиться виды лечения, способные отсрочить неизбежное отмирание клеток. И если вы сможете купить дни, месяцы или даже годы с любимыми людьми... — он переключил фотографию.

Дедушка обнимает меня.

— Я считаю, что это того стоит. А вы? — Джон Томас кивнул в мою сторону, идеально подделав сочувствующее выражение лица — словно я знала, что он делал это ради меня.

В моих ушах звенело. Я почти не слышала, как мистер Уэсли отпустил класс. Я опустила голову и собрала свои вещи, до боли сжав челюсти. Я протолкнулась сквозь толпу к выходу из кабинета. Затем я добралась до своего шкафчика, открыла его и склонилась вперед, игнорируя шум. *Деградация. Неизбежность. Смерть*. Мне не удалось заглушить эти слова.

— Мой отец рассказал мне о твоём дедушке, — без какого-либо предупреждения рядом со мной появился Джон Томас. Он прижал меня к стене, приблизив своё лицо к моему. — Надеюсь, ты не возражаешь, что я провел небольшое расследование в поисках фотографий. Графика — всё-таки самая важная часть презентации, — я попыталась отшатнуться от него, но мне было некуда идти. Он склонился ко мне, его губы замерли так близко к моему уху, что я почувствовала на своём лице его дыхание, когда он прошептал: — Мои соболезнования.

Я слышала в его голосе улыбку.

Во мне что-то сломалось. Моя рука сжалась в кулак, но стоило мне начать замахиваться, как замахиваться стало не на кого. Джона Томаса больше не было на том месте, где он стоял всего секунду назад.

Через миг я осознала, что он лежал на полу, а ещё через секунду я осознала, что Генри Маркетт помог ему там оказаться.

— Прошу прощения, — произнёс Генри. Для человека, только что выбившего землю из-под ног парня, выражение его лица было уж очень правильным и вежливым. — Я не заметил тебя, Джон Томас, — он наклонился и подал Джону Томасу руку. — Давай помогу.

Он сжимал руку Джона Томаса чуть дольше, чем следовало бы — и, судя по его выражению лица — чуть сильнее.

Когда Генри выпустил его руку, Джон Томас одарил его настолько же правильным и вежливым взглядом.

— И ты туда же? — спросил он. — Я знал, что наша Тэсс, так сказать, обслуживает Ашера, но я понятия не имел, что она берет двух клиентов по цене одного.

На один ужасный миг я подумала, что Генри действительно его ударит.

— Я бы защитила твою честь, Генри, — вмешалась я, — но он того не стоит.

Генри коротко кивнул.

— Его собственный отец первым признает, что он не стоит вообще ничего.

Внешнее спокойствие Джона Томаса испарилось, стоило Генри упомянуть его отца. Он бросился на него, с грохотом швыряя его на шкафчики. На этот раз мне всё-таки пришлось прийти Генри на помощь.

Некоторых людей просто нужно хорошенько сбить с ног.

— Кто-нибудь из вас потрудиться объяснить мне своё поведение? — директор Рэлей сердито посмотрела на нас со своей стороны стола. Я сидела слева, Джон Томас — справа, а Генри — посередине.

— Думаю, кто-то разлил что-то в коридоре, — произнес Генри. — Было ужасно скользко.

У него был, вероятно, лучший покер-фейс из всех, что я когда-либо видела.

— Вы ждете, что я поверю в то, что вы упали? — переспросил директор.

— Ну, сначала упал Джон Томас, — дипломатично произнёс Генри. — Тогда я помог ему и тоже упал. Думаю, от этого Тэсс потеряла равновесие, — Генри улыбнулся директору всё той же вежливой улыбкой. — Она упала последней.

— Мисс Кендрик? — директор Рэлей поднял бровь и взглянул на меня.

Я переняла выражение лица Генри.

— Думаю, Генри прав. Я упала последней.

Директор был явно недоволен. Он перевел взгляд на Джона Томаса.

— Если вы хотите поговорить наедине... — начал было он.

— Нет, — жестко произнес Джон Томас. — Наверное, на полу что-то было. Мы поскользнулись.

Возможно, Джон Томас Уилкоккс был психически неуравновешенным придурком, но этот психически неуравновешенный придурок не хотел запятнать своё личное дело.

Директор явно нам не поверил, но настолько же явно он не горел желанием иметь дело с нашими родителями. Вместо этого он зачитал нам лекцию об ответственности, которую я перестала слушать уже на пятой секунде.

Мой взгляд скользнул к фотографии на стене за его спиной — той же, которую я заметила, когда была здесь в последний раз. Шесть мужчин: три в заднем ряду, два спереди, один немного в стороне. Я узнала Уильяма Кейса. Но на этот раз я узнала и мужчину, стоявшего рядом с директором. Лысеющий мужчина старше сорока лет. Глубоко посаженные глаза.

Судья Пирс.

А перед Пирсом стоял отец Вивви.

Мне нужно было ещё раз взглянуть на эту фотографию. Врач президента. Судья апелляционного суда из Аризоны. Идея о том, что эти двое могли оказаться в одном месте в одно время, в такой небольшой компании...

Твоя сестра просто пытается восстановить хронологию событий, — вот, что сказала мне Вивви. — Как мой отец ввязался во всё это, когда это произошло, откуда он знает Пирса, если вообще знает.

Я хотела узнать, когда и где был сделан этот снимок. Хотела узнать, кем были другие люди, запечатленные на нём. А ещё я хотела знать, что там делал отец Адама.

А значит, я должна была ещё раз попасть в кабинет директора.

— Ты выглядишь, как человек, погруженный в глубокое раздумье, — за ланчем Ашер скользнул на соседнее со мной место. — Возможно, глубокое раздумье о том, что ты не рассказываешь мне вот уже два дня?

Кажется, Ашер не ожидал этого, но я ответила ему.

— Когда я позвонила по второму номеру, кто-то взял трубку. Я знаю, кто это был, и, возможно, я нашла зацепку, которая может рассказать нам о том, откуда этот человек и отец Вивви знают друг друга.

— Эта новая, общительная Тэсс — странная и чудесная, — заметил Ашер. — Мне стоит что-то заподозрить?

Я ответила на его вопрос своим.

— Как попасть в кабинет директора за что-то такое, из-за чего тебя не исключат? — Ашер блаженно улыбнулся, словно он ждал этого вопроса всю свою жизнь.

— Что думаешь о Ментосе с диетической колой?

Как оказалось, администрация Хардвика недолюбливает взрывы. Мы с Ашером сидели у двери кабинета директора, в ожидании нашего приговора.

Ассистентка директора взглянула на нас и покачала головой.

— Разве ты не была здесь всего пару часов назад? — спросила она у меня.

Я, как могла, постаралась выглядеть пристыженной — видимо, у меня ничего не получилось. Она перевела внимание на моего спутника.

— Ашер Роудс. Что нам с тобой делать?

— Склонить меня на свою сторону терпением и ласковыми поправками? — предложил Ашер.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне стоило взять вину за этот взрыв на себя, но мне нужно было хорошенько рассмотреть фотографию на стене директора, а значит, кто-то должен был отвлечь его, пока я буду этим заниматься.

— Мистер Роудс? — в дверном проёме появился директор Рэлей. — Сначала я поговорю с вами.

Мы с Ашером переглянулись. По плану мы должны были пойти вместе.

— Дамы вперед, — произнес Ашер. — Я настаиваю.

Директор вздохнул.

— Хорошо, — сдался он. — Мисс Кендрик, вы будете первой.

— Вам не кажется, что это сексизм? — спросила я у секретарши. Она замерла.

— Уверенна, это не так, — совсем не уверенно произнесла она.

— Рыцарство — это не сексизм, — сказал мне Ашер.

— Если ты считаешь, что женщины заслуживают особого отношения только потому, что они женщины, — ответила я, — это вроде как сексизм.

Директор Рэлей всё ещё не отошел от обвинений в сексизме.

— Ашер, — начал он. Потом он передумал. — Тэсс, — он нахмурился. — Вы оба, в мой кабинет, сейчас же.

Директор развернулся на каблуках. Ашер подмигнул мне и последовал за ним по пятам. Я зашла в комнату последней и закрыла за собой дверь. Мои глаза тут же нашли на стене фотографию.

Уильям Кейс. Судья Пирс. Майор Бхарани. Из-за блика на стекле фоторамки я почти их не видела.

— Мисс Кендрик, вы меня слушаете? — спросил директор Рэлей.

Нисколько.

— Да, сер, — кажется, слово «сер» его немного успокоило.

— Мы в Хардвике не терпим оружия, — продолжил мужчина.

— Разве что-то можно считать оружием, если ты можешь это съесть? — спросила я.

— Или выпить, — добавил Ашер.

— Если что-то взрывается, значит, это оружие, — заявил директор. — Боюсь, вы двое поставили меня в сложное положение.

— Могу только представить, — с сочувствием произнёс Ашер. — Наверное, вам придется исключить меня из команды по лакроссу.

Директор заколебался.

— И, — добавила я, — уверена, вы захотите обсудить это происшествие с моей сестрой.

— Наверное, вам придется переосмыслить содержание торговых автоматов Хардвика, — мрачно продолжил Ашер. — Нам стоило подумать о последствиях, прежде чем мы решили, что за это мы получим стипендию имени Йейтса.

— Стипендия имени Йейтса? — переспросил директор.

— В прошлом году я был вторым кандидатом, — ответил Ашер. — Они ценят талант ходить по грани между научными открытиями и исполнительным искусством — но это было просто непросительно. Я думал, что выполнив эксперимент на улице, мы не рассердим администрацию, но мне явно стоило уточнить это у кого-нибудь.

— Да, — строго произнес директор, — вам стоило уточнить.

Несколько секунд мы с Ашером сидели в тишине.

— Думаете, придется пересмотреть протоколы школьной безопасности? — робко произнесла я. — Если вы считаете Ментос оружием...

— О боже, — Ашер обернулся ко мне с широко открытыми глазами. — Что, если об этом узнают в СМИ?

Внезапно, директор поднялся на ноги, словно ему стало очень неудобно сидеть. Он подошел к окну и выглянул наружу, явно в расстроенных чувствах. Ашер жестами подсказал мне действовать, и я кивнула, доставая из сумки телефон. Я сфотографировала стену. Мельком взглянув на его экран, я поняла, что блики оказались проблемой. Я перевела взгляд на директора.

— Я — адекватный человек, — всё ещё глядя в окно, произнёс директор Рэлей. —

Надеюсь, вы понимаете, насколько это серьезно...

Пока директор бубнил что-то себе под нос, я наклонилась в сторону, пытаясь сделать фотографию с другого ракурса. Блики всё ещё мешали мне. Я слегка приподнялась на носочки, отрываясь от стула, и склонилась вперед.

Всего через миг после того, как я сделала фото, директор обернулся к нам. Я бросила мобильник в карман и попыталась вернуться на свой стул. Ашер соображал быстро и тут же попытался отвлечь его: он отклонился на стуле назад и опрокинул его, падая на пол с воплем кота, которого бросили в ванную с ледяной водой.

Директор Рэлей был ошарашен. Я бросилась к Ашеру.

— Только не подавай в суд! — воскликнула я.

— Суд? — в ужасе повторил Рэлей.

— Где я? — простонал Ашер.

Миссия выполнена.

Айви забрала меня после школы — плохой знак. Хуже того — она сама вела машину.

— Испытательный срок? — спросила она, стоило мне сесть в машину. — Ты была в школе меньше двух недель, и успела заработать испытательный срок?

Она начала выезжать со стоянки, и я поспешно пристегнула ремень безопасности, вспомнив, что Адам рассказал мне об её навыках вождения.

— О чём ты только думала? — спросила она.

Почему-то слова «я собирала информацию о политическом заговоре, от которого ты просила меня держаться подальше» не хотели слетать с моего языка.

— Ты же знаешь, что сейчас происходит, Тэсс. Знаешь, над чем я работаю. Ты правда думаешь, что у меня есть время на то, чтобы разбираться с подростковыми проблемами с поведением?

Её слова ранили меня сильнее, чем я ожидала.

— Я не пыталась быть проблемой.

— Ты можешь хотя бы сказать мне, почему? — хрипло спросила Айви. — Ты думаешь, что я тебя игнорирую? Ты злишься из-за того, что я позаботилась о ситуации Вивви?

— Дело не в тебе.

— Я так сильно стараюсь, Тэсс, — голос Айви смягчился. — И я думала... — она запнулась, затем подрезала чью-то машину. Нам вслед прозвучал звук клаксона. — Я думала, что мы справляемся. Думала, что ты начинаешь мне доверять. Думала...

Мои глаза обожгли слёзы. Я не была уверена в том, почему я плакала. Потому что Айви вела себя так, словно я пересекла какую-то черту или потому что большая часть меня хотела, чтобы наши отношения изменились, хотела, чтобы всё стало как раньше.

Хотела, чтобы наши отношения улучшились.

— Прости, что я усложняю тебе жизнь, — я смотрела на дорогу сквозь лобовое стекло.

Будет больно, только если я позволю. Я дала отпор зарождающимся во мне эмоциям.

— Тэсси, — произнесла Айви.

Я уставилась на свои колени, заставляя себя не волноваться об этом. *Меня зовут Тэсс.*

Айви сильнее сжала руль.

— В мире нет ничего важнее нас с тобой.

Я почувствовала себя так, словно она вонзила мне в живот нож. Я прижала к нему руки. Я не могу это сделать. Не с ней. Мы тонули в тишине, как утопающий тонет в воде. Ни у одной из нас не было возможности остановиться.

— Я люблю тебя, — Айви нарушила тишину тремя словами. — Веришь ты в это или нет, слышишь ты это или нет, я люблю тебя. Ты моя...

Сестра, — подумала я, чувствуя, как сжимается моё горло. Уж очень долго это слово имело для меня запутанное значение.

— Ты — моя семья, Тэсс. А я никогда не было хороша в семейных отношениях. Я не была хорошей дочерью. Не была хорошей внучкой. Но я стараюсь быть сестрой, которую ты заслуживаешь.

Айви свернула на свою улицу и замедлила ход.

— Считай, что ты наказана.

— Наказана? — не веря своим ушам, переспросила я.

Айви свернула на подъездную дорогу к своему дому.

— Не планируй куда-нибудь пойти в ближайшие две недели, — к концу предложения она явно думала о чём-то другом. Я проследила за её взглядом к темному седану на другой стороне улицы.

— Оставайся в машине, — отстегнув ремень, сказала она мне.

Через какой-то миг она уже стояла на подъездной дороге, а Уильям Кейс направлялся к ней так, будто этот дом принадлежал ему, а она была всего лишь гостьей.

Моя рука рванула к дверной ручке. Айви сказала мне оставаться в машине. Я потянула за ручку и приоткрыла дверь. Она не говорила, что я не могу слушать, оставаясь на месте.

Голос Уильяма Кейса был довольно звучным.

— Нам нужно поговорить.

— Вам нужно уйти, — на последнем слове Айви повысила голос.

— Я думал, мы достигли согласия. Когда президент пришел к тебе со своими мыслями об Эдмунде Пирсе, ты должна была поддержать его.

Кейс хотел, чтобы кандидатуру Пирса выдвинули на эту должность. Мой мозг работал на максимальной скорости. Я подумала о фотографии на моем телефоне. Уильям Кейс был там — где бы это «там» не находилось — вместе с Пирсом и отцом Вивви. Моя рука сильнее сжалась на дверной ручке.

— Я ни на что не соглашалась, — спокойно сказала мужчине Айви. Я гадала о том, считает ли она, что он как-то замешан в это дело. Гадала о том, подозревал ли его Адам.

— Ты должна держать своего президента в узде, — слова Кейса прозвучали как обвинение.

— Он и ваш президент, — ответила Айви.

— Нет, — рявкнул Кейс. — Он не мой президент и никогда им не будет. Это ты помогла ему оказаться в этом офисе.

— Он победил как во время голосования избирательной коллегии, так и на выборах.

Кейс нахмурился.

— Это ты выиграла для него голосование избирательной коллегии и выборы! — он сжал руки в кулаки. Затем он навел указательный палец на Айви. — Я научил тебя всему, что знал, поднял тебя из ничего. Я обращался с тобой, как с дочерью, а ты отблагодарила меня, усадив в Белый Дом человека, которого я презираю.

Айви переняла его ледяное спокойствие.

— Во время выборов мы оказались по разные стороны баррикад, Уильям. Это вы сказали мне не возвращаться. Вы не имеете права приходить сюда и просить меня об услугах.

— Ещё как имею! — Кейс потряс кулаком, словно ударяя по воображаемому столу.

Неподалеку хлопнула дверь машины, и они оба обернулись.

— Прямо перед домом? — в нескольких шагах от них остановилась окруженная личной охраной президента Джорджия Нолан. — Вы решили обсудить это прямо перед домом? Серьезно, Уильям?

Несколько секунд Уильям Кейс молчал. Его взгляд замер на Джорджии. Я выгнула шею, стараясь рассмотреть выражение её лица.

Они друг друга знают. Это читалось в его взгляде. Они очень хорошо друг друга знают.

— Мы оба знаем, что юридический комитет отнесется к Пирсу куда мягче, чем

некоторые из его сверстников, — Кейс восстановил свой голос. На этот раз его голос звучал тише, чем прежде, но настолько же авторитарно.

— Благодарю, — ласково произнесла Джорджия, — за ваш совет. Мы его учтем.

Джорджия явно не нуждалась в его услугах. С таким же успехом она могла приказывать ему убираться отсюда.

Кейс поправил свой галстук и бросил последнее слово на прощанье:

— Так жаль доктора, — произнес он. — Человек покончил с собой, потому что его уволили из Белого Дома. Это выглядит не слишком-то хорошо.

— Это трагедия, — кратко ответила Джорджия. — Наши мысли с семьей майора Бхарани.

Я почувствовала, как к моей голове притекает кровь. Мои руки онемели. *Так жаль доктора.*

— Майор Бхарани мертв? — спросила Айви. — Когда это произошло?

Ни Первая Леди, ни отец Адама не ответили. Они переглянулись.

Отец Вивви мертв. Он убил судью Маркетта, а теперь он мертв.

Кейс наконец-то оторвал взгляд от Джорджии и обернулся к Айви.

— Тебе всегда не хватало решительности для этой работы, — сказал ей он.

Затем он ушел — прочь от неё, от Джорджии, мимо машины.

Я толкнула дверь и распахнула её. В один миг я ещё находилась в машине, а в следующий уже стояла рядом с ней. Нас с Уильямом Кейсом разделял один лишь седан. Он заметил меня и его глаза широко распахнулись.

Он не знал, что я была здесь.

Как и Первая Леди.

— Тэсс, милая, — начала было говорить Джорджия, но я смотрела на Кейса.

— Как он умер? — прошептала я. Отец Вивви убил судью Маркетта, а теперь он был мертв. Я сжала дверцу машины, словно только моя хватка удерживала меня в вертикальном положении.

— Уильям, — хором произнесли Айви и Джорджия. Айви шагнула ко мне, Джорджия — к Кейсу. Кейс взглянул на них, а затем перевел взгляд на меня.

— Он всадил пулю себе в голову.

Я всё ещё стояла там, когда Кейс сел в машину и уехал, впиваясь пальцами в металлическую дверь. Затем рядом со мной оказалась Айви и опустила руку мне на плечо.

— Мне жаль, что тебе пришлось это услышать, — произнесла она.

Отец Вивви был мертв. Он был мертв. Он всадил пулю себе в голову.

— Отец Вивви покончил с собой, — я произнесла то, о чем думала — это предложение снова и снова повторялось в моей голове. — Это мы сделали.

Айви вытянула руку и опустила её на дверь машины рядом с моей. Пока она этого не сделала, я даже не замечала, что и дверь, и моя рука дрожали.

— Мы в этом не виноваты, — спокойно сказала она. — Ни ты. Ни я.

А кто же тогда?

— Наверное, он понял, — выдавила я. — Он понял, что мы обо всём знаем. Что всё пойдет плохо, — я не могла перестать думать о Вивви. Улыбающейся Вивви, сияющей из-за бейглов в мой первый день в Хардвике.

Я не могла перестать представлять, как её отец поднимает пистолет.

— Мы поговорим об этом позже, — негромко произнесла Айви.

— Вивви, — почти не слыша её слов, выдавила я. — Мне нужно позвонить Вивви. Это она рассказала нам о своём отце. Она решит, что виновата в этом.

В нескольких шагах от нас Джорджия Нолан слегка склонила голову на бок, осмысливая наш разговор.

— Мне начинает казаться, что я что-то упускаю, — Джорджия шагнула к нам. — Айви, ты как-то связана с переводом майора Бхарани?

Тогда-то я наконец поняла, почему Айви хотела поговорить об этом позже. Джорджия не знала — об отце Вивви, о судье Пирсе. Она ничего не знала. Айви ей не рассказала.

Ты никому не должна об этом рассказывать, Тэсс, — предупреждение Айви эхом отдалось в моих мыслях. — Пока мы не разберемся в этом, пока не узнаем, кто именно в этом замешан, мы не можем привлечь к вам внимание.

Я подумала о том, как Джорджия назвала смерть судьи Маркетта возможностью, какой бы трагической она не была.

— С дочерью Бхарани произошел кое-какой инцидент, — Айви ответила на вопрос Джорджии. — Я вмешалась.

Она не стала рассказывать Джорджии о судье Маркетте. Не стала рассказывать ей о Пирсе.

— Айви? — мой голос дрожал эхом всего того, что я не говорила вслух: Почему ты не расскажешь обо всём Джорджии? Почему ты не рассказала президенту, как только я рассказала тебе?

— Всё это было ошибкой, — Айви небрежно провела рукой по своим волосам, глядя на выражение моего лица. — Твоя жизнь должна была быть нормальной, Тэсс, — а потом она добавила, обращаясь скорее к самой себе: — Адам был прав. Мне не стоило привозить тебя сюда.

До того самого момента, когда она произнесла эти слова, я и не осознавала, что я ждала их с тех пор, как увидела свою спальню. К моему горлу подступила тошнота.

Отец Вивви был мертв, у моей сестры были секреты от президента и Первой Леди, и Айви считала, что ошиблась, решив привести меня сюда.

Вот так просто мне снова было тринадцать. Она предложила мне жить с ней, а потом уехала. Я так сильно старалась забыть об этом. Так сильно старалась не чувствовать боль — отталкивать любые слабости, бороться с ними, притупить чувства.

Я не могу здесь находиться. Не могу этого сделать.

Не могу позволить Айви увидеть мои слезы.

Я бросилась бежать — по дороге, минуя агентов из личной охраны президента. Я слышала, как Айви окликнула меня, но я продолжила бежать. Мои ноги ударялись об асфальт. Мне нужно было выбраться. Мне нужно было убраться подальше от всего этого. Айви всё ещё нужно было разобраться с Первой Леди. Она не сможет последовать за мной.

Я ускорила бег. Я бежала так быстро, что в моих волосах плясал ветер, мои мышцы полыхали огнём, и ничего не могло меня коснуться.

Я понятия не имела о том, куда я направляюсь. Я бежала до тех пор, пока не смогла больше бежать, а затем я согнулась, судорожно вздыхая и выдыхая, чувствуя, как воздух обжигает мои легкие. В моём кармане зазвенел телефон.

На каком-то уровне я понимала, что он звенит. Я достала его, но не ответила на звонок. В конце концов, телефон затих. Я ждала нового звонка. Вместо этого, Айви оставила сообщение.

Я снова пришла в движение, концентрируясь на ритме своих шагов, толчках и натяжении мышц. Я не хотела слушать сообщение Айви. Что она могла сказать? Что нам нужно поговорить? Что она не просто так не рассказала правду никому, даже президенту и Джорджии? Что она не ошиблась, привезя меня сюда?

Что отец Вивви покончил с собой не из-за нас?

Ничего не чувствуя, я покрутила телефон в руках. Очень долго я просто смотрела на него, а затем мои неуклюжие пальцы нащупали клавиатуру. Я набрала номер, который вчера получила от Боди — номер Вивви.

Я звонила, пока не включился автоответчик. У меня не нашлось слов, особенно подходящих. Я повесила трубку.

Прошел час. Возможно, два. Время от времени звонил телефон. Айви. Адам. Боди. И наконец, номер, который я не узнала. Я задумалась. Наверное, это была Айви. Наверное, мне стоило позволить ему звенеть и дальше. Но что, если это была Вивви?

Я подняла трубку:

— Алло? — у меня пересохло в горле, мой голос охрип.

— Тэсс! — я не сразу узнала голос. — Тэс-с-с-с-с, — протяжно повторил Ашер.

— Ашер? — я удивленно подняла бровь. — Ты что пьян?

— Опьянен жизнью, — объявил он. — И, возможно, пина коладой, — затем он пробормотал что-то невнятное. На другом конце провода прозвучали звуки борьбы. Я слышала, как Ашер ойкнул, а через секунду в трубке прозвучал другой голос.

— Ашеру сейчас немного нездоровится.

Генри.

— Разве время не слишком раннее для пьянства? — спросила я, надеясь, что Генри не расслышит хрипоту в моём голосе.

— У Ашера бывают... взлеты и падения, — Генри осторожно подбирал слова. Я вспомнила о том, как Ашер сказал, что забрался на крышу часовни, потому что чем выше

поднимаешься, тем меньше становятся все вокруг. — Ты в порядке?

А я-то надеялась, что он не заметит.

— Всё нормально.

Генри был слишком хорошо воспитан, чтобы назвать меня лгуньей. Но его молчание сделало это за него.

— Твоя сестра позвонила Ашеру, — наконец произнес он.

— Моя сестра что?

— Она позвонила, чтобы узнать, не видел ли он тебя. Насколько мы поняли, ты исчезла, — он сделал паузу. — Ну, скорее, это понял я, а Ашер спел ей серенаду из песен восьмидесятых.

Я постаралась не вдумываться в эти слова.

— Она дала Ашеру твой номер. Одному богу известно, как он умудрился его запомнить.

— Тэсс? — голос Ашера звучал слегка — хоть и не слишком — трезвее. — Твоя сестра звонила из-за «Дела»? — я слышала, как он театрально шепчет Генри: — У нас есть «Дело».

Дедушка Генри был мертв. Как и отец Вивви. Моя сестра считала, что привести меня сюда было ошибкой, а Ашер был готов рассказать обо всём Генри. Всё разваливалось на части — а больше всего — я. Я чувствовала себя бесполезной. Беспомощной, бесполезной и слабой.

— Отец Вивви покончил с собой, — я произнесла это вслух — словно это что-то доказывало. Словно если я заставлю себя почувствовать, я смогу хоть как-то совладать с болью.

— Бедная Вивви, — пробормотал Ашер. — Сначала её отец убил Тео, потом покончил с собой.

Ровно через три секунды Генри отнял у Ашера телефон.

— Тэсс, — голос Генри напрягся. — О чём он говорит?

Я открыла рот, но не смогла выдавить ни слова.

— Тэсс?

На этот раз мне удалось произнести разборчивое предложение.

— Генри, вы можете забрать меня? — моё сердце колотилось о ребра. — Нам нужно поговорить.

Генри Маркетт водил гибридный автомобиль. Когда он подъехал к тротуару, Ашер растянулся на заднем сидении, так что мне пришлось забраться на переднее. Закрыв дверь, я заметила своё отражение в оконном стекле. Мои волосы выбивались из хвостика, некоторые пряди прилипли к моему лбу от пота. Я не смогла рассмотреть своё лицо достаточно хорошо, чтобы понять, выдавало ли оно то, что я могла вот-вот заплакать.

Довольно. С меня хватит. Слезы бесполезны. Плакать не было смысла. Я сосредоточилась на Генри — и на бесспорном факте, что дела у меня хуже некуда.

Стоило мне увидеть выражение лица Генри — напряженный подбородок, опущенные уголки губ, глаза, в которых читалась смесь кружащихся в его груди эмоций — я знала, что не смогу ему соврать. Генри не был проблемой. Он не был пожаром, который нужно было потушить или ситуацией, с которой нужно разобраться.

Он имел право знать.

— Однажды кое-кто сказал мне не доверять предположениям, — произнес он. Он крепко сжимал руль и не сводил взгляда с дороги. — Так что не заставляй меня гадать, Тэсс. Скажи мне, во всём виновата пина колада или Ашер...

Говорил правду. Мой мозг закончил его предложение как своё собственное.

Я сглотнула и заговорила.

— Четыре дня назад, — тихо сказала я, — Вивви Бхарани сказала мне, что думает, что её отец убил своего пациента.

— Моего дедушку, — Генри напрягся.

Я кивнула, хоть он и не смотрел на меня — не мог на меня посмотреть.

— Говори, — грубо произнёс Генри. — Каждая деталь, каждое подозрение, всё, что ты знаешь, Тэсс.

Телефон. Голос на другом конце провода и тот, кому он принадлежал. Я рассказала Генри обо всём. Не только ради него. Но и ради себя. Я всё представляла, как отец Вивви подносит пистолет к своему виску. Представляла, как его кровь брызгает на стену.

Секреты обошлись нам слишком высокой ценой.

Так что я рассказала Генри. Возможно, какая-то часть меня хотела, чтобы он разозлился. Я хотела, чтобы он вышел из себя. Хотела, чтобы он винил меня так же, как винила себя я сама.

— Ашер знал? — Генри едва не подавился этими словами. Он мельком взглянул на Ашера — саморазрушительного, верного Ашера, с которым они дружили с самого детства.

— Он хотел тебе рассказать.

Я почти видела, как Генри подумал: «Но не рассказал».

— Я так понимаю, ни один из вас — включая твою сестру — не подумал рассказать об этом полиции, — это был не вопрос. Это было обвинение.

— Айви над этим работает, — вот и всё, что я могла сказать, всё, что я знала.

— Возможно, ты можешь доверить это своей сестре, — в мягком тоне Генри читалась сталь. — Но я точно не могу.

Осознание того, что я натворила, рассказав Генри, ударило меня с силой фуры, врезавшейся в легковую машину. Генри призрачил профессию Айви. Он считал, что, решая

проблемы, она несет за собой разрушения. Я знала, что он не станет скрывать эту информацию. Я знала это, но всё равно рассказала ему.

Потому что должна была.

— Делай, что должен, — сказала я Генри, — но помни, что если бы не Вивви, никто из нас не узнал бы правду. Она — единственная причина, по которой вообще есть над чем работать, и это стоило ей всего.

Её отца. Её дома. Наивной веры в то, что в мире есть люди, которые не станут её избивать.

Я подалась вперед, чтобы я смогла увидеть лицо Генри, а он — хоть краем глаза различить моё.

— Чтобы ты не сделал с этой информацией, — сказала я ему, — кому бы ты её не доверил, лучше убедись, что они смогут её защитить.

Айви не рассказала даже президенту. Чтобы защитить Вивви. Чтобы защитить меня.

Генри усвоил мои слова.

— Ты сказала, что на том телефоне было два номера? — после напряженной тишины спросил он.

Он просто обязан был это запомнить.

— Второй номер был отключен, — я гадала о том, пришел ли Генри к тому же выводу, что и я: чтобы отец Вивви смог убить его дедушку, кто-то должен был обеспечить ему операцию.

Они отравили его?

— Ты знаешь, где твой дедушка был в то утро? — спросила я у Генри. — Или накануне вечером?

Без предупреждения Генри съехал на обочину. Он заглушил двигатель, крепко сжимая ключи.

— Я могу узнать, — произнёс он, и поспешно выбрался из машины, захлопнув за собой дверь. Я наблюдала за тем, как он, склонив голову, отошел на несколько шагов от машины. Каждый мускул в его плечах и спине был напряжен.

— Генри не большой фанат публичных проявлений эмоций, — вслед за этими словами Ашер издал не то стон, не то вой. Я обернулась, ожидая, что рассержусь на него за то, что он проболтался, но злости не последовало.

— Рано или поздно ты всё равно рассказал бы ему, — произнесла я. Я жила взаймы.

Ашер прижал ладонь к голове и снова застонал.

— В дружбе Генри и Ашера я всегда всё порчу.

Я не была уверена в том, считал ли Ашер, что испортил всё, когда рассказал Генри правду, или когда врал ему.

— Ты хочешь сказать, — произнесла я, стараясь вернуть в глаза Ашера немного привычного блеска, — что Генри постоянно приходится спасать тебя от тебя же пьяного?

Ашер покачал головой и тут же вздрогнул, явно сожалея о резких движениях.

— Обычно я столько не пью, — произнес он. — Но столько всего происходило. Забвение показалось мне неплохим вариантом, — он закрыл глаза, но видимо забвение кончилось. — Вивви? — спросил он.

— Пока от неё ничего не слышно.

Водительская дверь распахнулась и в машину сел Генри. Он заметил, что Ашер проснулся, но никак это не прокомментировал.

— У моего дедушки не было проблем с сердцем, — вместо этого, сказал он мне. — Мы должны узнать, что может симитировать симптомы сердечного приступа.

— И мы думаем, что этим «чем-то» был яд? — спросил Ашер.

Генри не ответил. Я не знала, решил ли он не разговаривать с Ашером или ему просто было нечего сказать.

— Мы? — наконец переспросила я. Они оба использовали это слово.

Генри ответил на мой вопрос никак не связанной с ним фразой.

— План был плохой, — он был невероятно сосредоточен и напряжен — но я не сразу поняла, на чём именно он сосредоточился. — Если план заключался в том, чтобы убить моего дедушку и усадить Пирса на его место в Верховном Суде, то план был плохой, — он сжал ладони в кулаки, а затем разжал их. Я гадала о том, заметил ли он, что делает это. — Вы же видели список, который нам дала доктор Кларк, — продолжил он. — Потенциальных номинантов — дюжины. В этом плане будет смысл, только если Пирс будет уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность — иначе он не стоит риска.

Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность.

— А Пирс может быть в этом уверен, — продолжил Генри, — только при условии, что в этом участвует его человек.

В выдвижении кандидатов.

В Белом Доме.

— Айви никому не рассказала, — размышляя вслух, произнесла я. — Ни президенту, ни Первой Леди...

Генри сжал зубы, а затем заставил себя расслабить челюсть.

— Тэсс, ты была права, когда сказала, что мне стоит задуматься о том, кому я могу об этом рассказать. Если есть шанс на то, что во всём этом замешан кто-то из Белого Дома, мы никому не можем доверять. Ни полиции. Ни министерству юстиции. Ни единой живой душе.

— И что нам остается? — спросила я.

С каждым вздохом грудная клетка Генри едва заметно поднималась и опускалась. С тех пор, как он вернулся в машину, он полностью себя контролировал.

— Я знаю, что остается мне. Я выясню, кто был рядом с моим дедушкой перед его, так называемым, сердечным приступом, — сказал он мне. — А ты вернешься домой.

Когда я вернулась к Айви, на улице потемнело. Я зашла в дом через парадный вход. Дом светился, словно новогодняя елка, но в поле зрения не было ни одного человека.

— Эй? — как бы сильно мне не хотелось подняться по спиральной лестнице и забраться в кровать, я сомневалась в том, что откладывая конфликт до утра, я сделаю свою жизнь проще. Я сбежала и часами игнорировала звонки Айви. Она явно будет этому не рада.

— Эй? — ещё раз позвала я и подошла к офису Айви. Мои шаги эхом отдавались в тишине дома. Дверь офиса была слегка приоткрыта. Я толкнула её. — Айви?

Дверь открылась. Офис был пуст. Я замерла на пороге, словно вампир в ожидании приглашения. Мне следовало развернуться и уйти. Но я этого не сделала. Я переступила порог и медленно подошла к столу Айви.

С тех пор как я рассказала Айви обо всём, что я знала, прошло три дня. У неё было три дня на то, чтобы начать разбираться с происходящим. Она работала почти без перерывов.

В этом плане будет смысл, только если Пирс будет уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность — иначе он не стоит риска.

Если Генри пришел к такому заключению, то и Айви должна была об этом подумать. Чем она занималась в последние несколько дней? Что обнаружила?

Что она знала?

На её столе лежал плотный конверт. Несколько секунд я колебалась, а потом потянулась к нему. Айви не хотела, чтобы я в это вмешивалась, но я уже влипла в это по уши. Генри. Вивви.

Это не задание по «проблемам современного мира». Не игра.

Я открыла конверт.

Сначала я увидела край фотографии. Затем я увидела себя. Фотографии. Мой мозг попытался осмыслить увиденное. На фотографиях была я.

В конверте оказались не улики. Он не был связан с делом. У меня перехватило дыхание. Я достала снимки из конверта. Их были дюжины: мне двенадцать, пряди волос выпадают из толстой косы; мне шестнадцать, я сижу за рулем дедушкиного грузовика; я играю в младшей школе; я на школьных танцах. Я даже не помнила, как были сделана большая часть этих снимков. Должно быть, дедушка посылал их ей.

Думать о том, как дедушка фотографировал меня, было больно. Но знать, что Айви хранила эти фотографии? Осознание этого выбило воздух из моих легких.

— Ну-ка, — в моих воспоминаниях Айви сидит на краю кровати, а я сижу перед ней на полу. Она заплетает мои волосы в косу. Я прижимаюсь к её ноге.

После похорон наших родителей она провела со мной несколько дней. Я почти забыла об этом.

Я сжимаю руку Айви. Следом за первым воспоминанием пришло второе. Айви опускается рядом со мной на колени. Свободной рукой я касаюсь её щеки. Она влажная. Почему Айви плачет? Я обнимаю её. Она поднимает меня на руки, прижимая мою голову к своей груди, и вдыхает мой запах.

А потом она отдает меня.

— Тэсс? — мужской голос позвал меня по имени. Я сунула фотографии в конверт и

вернулась в коридор за миг до того, как из-за угла вышел Адам. Он двигался быстро и за несколько секунд сократил расстояние между нами до нуля. — Ты в порядке?

Я была готова к тому, что Айви станет на меня кричать. Вместо этого, на меня уставился Адам. Волнение на его лице сменилось злостью.

Почему он злился на меня?

— Я в порядке, — ответила я. — Мне просто нужно было побыть одной. Где Айви?

— Тебе нужно было побыть одной, так что ты сбежала и перестала отвечать на звонки, — в его голосе слышался надрыв. На несколько секунд он отвернулся от меня и пробежал рукой по своим коротким каштановым волосам. — Конечно, ты так и сделала.

Я не знала, что на это ответить.

— Позвони своей сестре, — Адам обернулся ко мне и пригвоздил меня взглядом. — Сейчас же.

Я набрала номер Айви. Она ответила с первым же гудком.

— Где ты? Ты в порядке? Мне приехать за тобой?

Она так часто задавала вопросы, что я едва успела ответить.

— Я у тебя дома, — сказала я.

— Хорошо, — Айви выдохнула и повторила. — Хорошо. Я еду. Адам там?

Я мельком взглянула на Адама, наблюдавшего за каждым моим движением, словно я в любой момент могу сорваться с места.

— Он здесь, — ответила я.

Наверное, она услышала в моём голосе нотку настороженности и добавила:

— Он просто волнуется. Не держи на него зла.

Я посмотрела на Адама. На его лице застыло выражение непреклонного неодобрения.

— Вас понял.

Адам прищурился.

— Что она сказала? — с подозрением спросил он.

— Ничего, — ответила я.

Я практически слышала, как на другом конце провода Айви закатила глаза.

— Дай ему трубку.

Я протянула Адаму телефон. Он взял его.

— Насколько я могу сказать, она цела, — сказал он и сделал паузу. — С чего ты взяла, что я стану на неё кричать? — ещё одна пауза. — Я не кричу... ладно. До твоего приезда я буду хорошо себя вести. Я не стану говорить ей, что нельзя просто сбежать от своей семьи, что побег никогда не решал проблемы, — пусть Адам и говорил с Айви, его голубые глаза застыли на мне. — И я уж точно не скажу ей, что если бы решение было за мной, она бы не вышла из дому, пока ей не исполнится тридцать.

Для человека, с которым я встречалась всего несколько раз, у Адама неплохо получалось изображать из себя моего дедушку.

Они с Боди были семьей Айви. Я не знала, как долго они знали друг друга или кем именно приходились друг другу. Я знала только что, пока я была с дедушкой в Монтане, они были здесь с ней — возможно, на протяжении нескольких лет.

Видимо, с точки зрения Адама, это делало меня частью его семьи.

— Я не должен на тебя кричать, — повесив трубку, сообщил он мне.

— Если тебе от этого легче, я не то чтобы против, — ответила я.

У Адама дернулось веко.

— Конечно ты не против, — покачав головой, произнёс он. — Ты понимаешь, что это лишает крики смысла?

Кажется, на этот вопрос не было правильного ответа.

— Меня не было всего несколько часов.

Адам сердито взглянул на меня.

— Сейчас не подходящее время, чтобы пропадать — даже на несколько часов.

Я подумала о том, как Айви сказала мне держать рот на замке; о том, как Генри решил, что мы никому не можем доверять — и полиции, ни министерству юстиции и уж точно не Белому Дому.

— Айви не рассказала о том, что происходит ни президенту, ни Первой Леди, — я изучала лицо Адама. — Во всём этом будет хоть какой-то смысл, только если Пирс уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность.

Покер-фейс Адама был даже лучше, чем у Генри.

— Больше не сбегай, — приказал мне он.

Он ничего мне не расскажет. Ответив на его слова кивком, я развернулась, собираясь подняться вверх.

— Сейчас не время для поспешных выводов, — окликнул меня Адам. Я замерла. Он взвешивал слова, осторожно подбирая каждое из них. — Президент редко является самым влиятельным человеком в Вашингтоне, Тэсс. Он часть системы, шестеренка в механизме.

— Ты хочешь сказать, что президент не имеет к этому отношения?

— Я ничего не хочу сказать, — ответил Адам, — потому что Айви сказала тебе в это не вмешиваться. И я говорю тебе то же самое, — в его голосе явно читалось предупреждение. Если ему придется заставить меня в это не вмешиваться, это будет неприятно. — Но если бы я хотел что-нибудь сказать, то сказал бы, что всё не так просто. Власть в Вашингтоне — это валюта. И ты не всегда знаешь, у кого её больше.

Он говорил, что мы должны подозревать не только президента. Возможно, он даже не один из главных подозреваемых.

Кто-то руководил событиями из-за кулис.

Люди вроде отца Адама.

Ночью, поставив телефон на зарядку, я вспомнила о фотографии из кабинета директора. Я открыла снимки на моём телефоне. Два первых кадра оказались бесполезными, но на последнем почти не было блика. Я увеличила фотографию и принялась изучать запечатленных на ней мужчин: трое в заднем ряду, два спереди и один немного в стороне.

Майор Бхарани. Судья Пирс. Директор Хардвика. Уильям Кейс. Я не знала пятого мужчину. А вот шестой — тот, что стоял в стороне. Его лицо закрывал блик, но его поза и общие очертания...

Казались знакомыми.

Я загрузила фотографию на свой компьютер и просмотрела все возможные мастер-классы о том, как убирать с фотографий блик. Я копировала фото. Настраивала тень. Играла с фильтрами. Результат оказался не слишком симпатичным, но я смогла распознать личность мужчины.

Шестеро мужчин. Я узнала пятерых. Хирург, убивший судью Маркетта. Судья, который заплатил ему за это. Директор самой дорогой частной школы Вашингтона. Отец Адама, руководящий событиями из-за кулис.

Я рядом с ними стоял и смотрел прямо в камеру президент Нолан.

Я провела всю ночь за компьютером, стараясь выяснить всё, что только можно об этой фотографии — где и когда она была сделана, какими были отношения между этой шестеркой.

Сколько бы я не обыскивала интернет, я не могла найти связи между судьей Пирсом и отцом Вивви. Они жили в тысячах миль друг от друга. Они ходили в разные школы, имели разные профессии. Даже их возраст отличался. Я не могла найти доказательств того, что эти двое когда-либо находились в одном месте в одно время.

Не считая этой фотографии.

Найти связь между судьей Пирсом и Уильямом Кейсом было проще. Это двое ходили в один университет. И оба входили в его попечительный совет.

В тоже время, я не могла найти доказательств о прямой связи между Уильямом Кейсом и отцом Вивви, но вполне вероятно, что человек, создававший события в Вашингтоне мог быть знаком с самыми разными работниками Белого Дома.

С президентом всё было наоборот — его связь с отцом Вивви была очевидна. Он был его личным врачом. Но вот судья Пирс? В своём расследовании я обнаружила одни лишь предположения о том, кого Нолан выдвинет на должность судьи. Пирс был одним из многочисленных претендентов — но далеко не самым популярным.

В этом плане будет смысл, только если Пирс будет уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность — иначе он не стоит риска. Эта мысль преследовала меня до тех пор, пока я не заснула на клавиатуре.

На следующее утро я распечатала фотографию и сложила её вчетверо. Я опустила её в задний карман и спустилась вниз. Айви и Боди были на кухне. В одной руке Айви держала чашку кофе, а в другой — небольшую дорожную сумку.

— Куда-то собираешься? — спросила у неё я.

— В Аризону, — она допила свой кофе. — Говорят, там мило в это время года.

Аризона. Судья Пирс был родом из Аризоны. Я хотела спросить, чем она собиралась там заняться, но она не станет мне отвечать.

— Прости, что уезжаю, — произнесла она. — После вчерашнего...

— Всё нормально.

— Нет, — возразила Айви. — Не нормально. То, как ты узнала об отце Вивви, было ненормально. То, через что сейчас проходит Вивви — ненормально. То, что я прошу тебя никому об этом не рассказывать — ненормально. Я знаю об этом, Тэсс, и мне жаль. Прости за вчера, прости, что из-за меня ты впуталась во всё это.

— Формально, — произнесла я, — это ты впуталась во всё это из-за меня.

— Ох уж эти Кендрики, — вставил Боди. — Любите вы свои формальности.

Айви проигнорировала его.

— Боди будет здесь все выходные, — сказала она мне. — И если тебе что-нибудь понадобится, можешь звонить Адаму.

Адаму, отец которого был на той фотографии.

Я мельком взглянула на сумку в руке Айви, затем нажала кнопку на своём телефоне и

открыла фотографию.

— Прежде чем ты уедешь, — сказала я, — ты должна кое-что увидеть.

Айви конфисковала мой телефон. Через час Боди выдал мне новый. Он забил в него свой номер и номера Айви с Адамом. Я попыталась позвонить Вивви, набрав номер по памяти, но никто не поднял трубку.

Айви была не слишком рада узнать причину, по которой я на самом деле оказалась в кабинете директора. Она не стала обсуждать со мной мужчин на фотографии — и то, что отец Вивви и судья Пирс находились в одном месте в одно и то же время. Она просто улетела в Аризону, забрав с собой улику. А я осталась в пустом доме, с постоянно наблюдающим за мной «шофёром» и распечатанной копией фотографии, сложенной вчетверо в моём кармане.

Наказание дало мне время на размышления.

В понедельник я позвонила Вивви, не слишком-то ожидая ответа. Когда она подняла трубку, у меня пропал голос. Я даже не могла выдать приветствие. Вивви уже собиралась повесить трубку, когда мой голос наконец-то вернулся.

— Это я, — сказала я. Стоило мне начать говорить, я не могла остановиться. — Мне так жаль, Вивви. Я...

— Хватит, — перебила меня Вивви. — Просто хватит, Тэсс.

Я замолчала в ожидании.

— Я на тебя не злюсь.

Я представила, как она борется с этими словами. Я не была уверена, верит она в них или нет.

— Ты... — я не знала, как закончить эту фразу. Я уж точно не собиралась спросить в порядке ли она.

— Сегодня утром будут похороны, — за этими словами последовала тишина.

— Ты хочешь, чтобы я пришла?

Ещё одна долгая пауза.

— Будем только мы с тетей, — сказала я. — И почетный караул. Похороны будут по военным традициям, но не пышными. Самоубийства плохо смотрятся.

Самоубийства плохо смотрятся, — я пошатнулась от жестокости этих слов.

— Я всё повторяю себе, что поступила правильно, — я услышала, как Вивви вдохнула. — Всё повторяю и почти верю в это, Тэсс, но мне нужно знать, что это не... — она запнулась. — Что это не просто... — она не смогла закончить предложение. — Я должна знать, что я не просто так пошла к твоей сестре, что это что-то изменило, что это был не зря.

— Это было не зря, — хотела бы я сказать ей что-то большее. Хотела бы я облегчить то, через что она проходила. — Сегодня Айви улетела в Аризону. Она не сказала, зачем, но это как-то связано с Пирсом.

Вивви молчала так долго, что я решила, что она повесила трубку.

— Что, если мой отец не покончил с собой, Тэсс? — вопрос Вивви застал меня врасплох. — Айви сказала, что это опасно. Поэтому она хотела, чтобы мы не вмешивались, — в её словах я слышала всю мощь сдерживаемых ею эмоций. — Что, если кто-то понял, что Айви расследует это дело? Что, если кто-то понял, что она знает о моём отце? Если мой отец мог рассказать о том, с кем он работал, он был для них угрозой.

— Вивви...

— Что, если он сказал кому-нибудь, что боится попасться? Что если он испугался, когда пропал телефон, и рассказал кому-нибудь? Пирсу или... или...

Тому, кто работал с ними.

Было проще верить, что отец Вивви покончил с собой. После пропажи телефона он мог понять, что всё разваливалось. Он потерял работу в Белом Доме. Возможно, он ненавидел себя за то, что ударил Вивви.

Я не думала о том, что не только отец Вивви что-то потеряет, если он попадется. Не думала о том, что он мог рассказать о тех, кто был в это вовлечен.

Он всадил пулю себе в голову, — сказал Уильям Кейс, глядя прямо на меня. Возможно, так и было.

Но теперь, когда Вивви заговорила об этом, я не могла выбросить из головы мысль о том, что может — может быть — это было не так.

В школу я приехала поздно. На английском я чувствовала, как Генри наблюдает за мной с противоположного конца кабинета. На физике он сел за мой стол для лабораторных работ. Сегодняшний эксперимент был посвящен центростремительной силе.

— Ты спрашивала, могу ли я узнать о том, где мой дедушка был в вечер перед его сердечным приступом, — со стороны Генри выглядел целиком и полностью сосредоточенным на узле, который он пытался завязать на теннисном мячике. Выражение его лица не выдавало каких-либо эмоций: целеустремленный студент воплотил. — Он был на благотворительном вечере «Фонда Кейса».

Кейса. Уильяма Кейса. Слова Адама эхом отдались в моей голове. *Президент редко является самым влиятельным человеком в Вашингтоне.*

— Гостей было больше четырехсот, — произнёс Генри, проверяя, достаточно ли туго он затянул узел. — И это не считая официантов. Подлить что-нибудь в бокал моего дедушки было бы не так уж и сложно.

Отправить судью. Отправить его в больницу. Врач Белого Дома назовет это сердечным приступом. Проведут операцию. Дважды. К моменту смерти судьи от яда не останется и следа.

Идеальное убийство.

В моих мыслях всё ещё звучали слова Вивви о том, что то, что она пришла со своими подозрениями к Айви, должно было что-то изменить. Что-то значить.

— Есть идеи насчет того, кем были те четыреста гостей? — спросила я у Генри, не сводя глаз с инструкции для лабораторной.

— Мама достала мне список, — на миг глаза Генри метнулись к моим. — Она не знает, зачем он мне понадобился.

Он не станет ей рассказывать, — подумала я, читая выражение его лица. — *Пока не узнает больше.* На его месте, я бы поступила точно также.

Иногда мне казалось, что мы с Генри очень похожи.

Мельком подняв взгляд, чтобы проверить, не привлекли ли мы внимание учителя — или кого-либо ещё — я достала из сумки копию фотографии из кабинета Директора. Поколебавшись, я протянула её Генри.

Айви сказала мне в это не вмешиваться. Но за все эти годы Айви много чего мне наговорила.

У Генри было право знать.

Он развернул фотографию и несколько секунд изучал её, затем отложил её в сторону и вернулся к нашему проекту.

— Есть идеи о том, где её сделали? — спросил он.

— Нет. Я узнала пятерых мужчин, — я показала, каких именно.

Генри взвесил теннисный мячик и что-то записал в своей тетради.

— Рядом с президентом стоит отец Джона Томаса Уилкокса.

Получалось шестеро.

— И сколько из них есть в списке, который раздобыла твоя мама? — спросила я у Генри. У кого из них была возможность отравить Тео Маркетта?

Генри не стал сверяться со списком. Он поднял два пальца.

Я обдумала личности мужчин на фото и исключила отца Вивви и Пирса. Директор Хардвика. Партийный организатор фракции меньшинства. Президент. Человек, работающий за кулисами.

— Кто именно? — спросила я.

Генри удивленно взглянул на меня, и я ответила на собственный вопрос. Опустив взгляд к фотографии, я указала сначала на одного мужчину, а потом на другого.

Уильям Кейс. Это легко. Учитывая то, что мероприятие организовывал его фонд, это даже не обсуждалось.

Моё сердце яростно забилось в моей груди, когда я медленно указала на второго гостя. Не директор. Не отец Джона Томаса. Мой палец замер над лицом президента — лицом, которому хочется довериться. После долгой паузы я опустила палец.

Я хотела, чтобы Генри сказал, что я ошиблась.

Но он этого не сделал.

За ланчем Генри нигде не было. Он не сидел за своим привычным столиком. Его не видел Ашер. Пусть я знала Генри Маркетта и не слишком долго, но этого хватило, чтобы понять, что его жизнь состояла из предсказуемых алгоритмов. Он делал то, что ему было положено. Он был надежным. Ответственным.

И он пропал.

Я нашла его в компьютерной лаборатории. Дверь закрылась за мной, стоило мне шагнуть в комнату. Генри едва поднял глаза от экрана.

— Я пытаюсь сузить временной промежуток, когда была сделана эта фотография, — сказал он мне. — Смотри, — он открыл на компьютере два снимка. — Прошлой весной конгрессмен Уилкокс сбрил усы, так что, когда бы не сделали эту фотографию, это было не очень давно. Не больше шести месяцев назад.

Я осмыслила его слова. Не больше шести месяцев назад судья Пирс и отец Вивви находились в одном месте в одно время.

Не больше шести месяцев назад в том же месте находились президент и Уильям Кейс.

— Возможно, это ничего не значит, — я хотела быть голосом разума, но совсем не чувствовала себя разумной. Я чувствовала себя так, словно мы замерли на грани чего-то огромного, невообразимого и реального. — Фотография. Гости того благотворительного вечера. Возможно, это ничего не значит, — продолжила я, цепляясь за объективность, словно альпинист, повисший на краю скалы. — Мы не знаем, действительно ли твоего дедушку отравили на том благотворительном вечере, не говоря уже о том, сделал ли это кто-то из людей на фотографии. То, что президент и Уильям Кейс побывали в обоих местах, может быть совпадением.

— Я не верю в совпадения, Тэсс. Не больше шести месяцев назад убийца моего дедушки и человек, который заплатил ему за это, встретились. Я поискал другие связи между Бхарани и Пирсом. Я прогулял уроки, чтобы заняться поисками, Тэсс, и ничего не нашел. Их связывает только эта фотография. Эта встреча, чем бы она ни была.

Я была удивлена тем, что Генри Маркетт прогулял уроки. Но меня не удивило то, что он сделал тоже, что и я — принялся искать связи, пытаюсь понять, что — кроме убийства — связывало судью и отца Вивви.

— На одноразовом телефоне был ещё один номер, — Генри был неумолим. — А значит, в это вовлечен как минимум ещё один человек.

Человек, который мог подобраться к судье достаточно близко, чтобы отправить его. Человек, который мог убедиться в том, что кандидатуру Пирса выдвинут на эту должность.

— Мы многого не знаем, Тэсс, — отрывисто произнёс Генри. Этот тон означал, что он подавляет свои эмоции, не позволяет им взять над собой верх. — Мы не знаем, пришел ли Пирс к отцу Вивви или наоборот. Мы не знаем, кто спланировал всё это, — он сделал паузу. — Мы не знаем, на кого работает твоя сестра.

Этого я не ожидала.

— Мы не знаем, какова её цель, — настойчиво продолжил Генри.

Я почувствовала себя так, словно мой рот был набит опилками.

— Что ты имеешь в виду, Генри?

— Твоя сестра решает проблемы. Профессионально. Кому бы не принадлежал тот телефонный номер, думаю, у него сейчас большие проблемы, да?

Я недооценивала то, как сильно Генри не доверял моей сестре. Я даже представить себе не могла, что он мог подумать, что Айви не пытается разгадать эту тайну, а наоборот — пытается что-то скрыть.

— Твой дедушка дружил с Айви. Она бы ни за что...

— Чем, по-твоему, занимаются фиксеры, Тэсс? — Генри был раздражающе спокоен. — Они прячут концы в воду. Даже если у этого есть цена. Даже если для этого придется нарушить несколько законов.

— Ты понятия не имеешь, о чём говоришь, — яростно возразила я.

— Самоубийство отца Вивви не попало в газеты, — продолжил Генри. Он походил на поезд, на скорости направлявшийся в туннель. Без промедлений. Без остановок. — Кто-то скрыл это от прессы.

Я вспомнила о том, как Айви разогнала прессу во время поминок по судье Маркетту. Могла ли она сделать так, чтобы новости не подали в газеты?

Могла.

— Все знают, что твоя сестра работает на Джорджию Нолан, — произнёс Генри. — Хочешь сказать, она не улаживает проблемы президента? — он не дал мне шанса на ответ. — Или Уильяма Кейса? Он богат. Достаточно богат, чтобы заплатить ей всё, что понадобится, за защиту его имиджа.

— Она не работает на Кейса, — все мои силы ушли на то, чтобы повисить голос. — Они терпеть друг друга не могут.

— Тогда почему на прошлой неделе его сын забрал тебя из школы? — Генри изогнул бровь. — В Хардвике слухи разносятся быстро, Тэсс. Нравится тебе это или нет, ты должна признать, что возможно, личные и профессиональные интересы твоей сестры противоречат друг другу. И она вполне может сделать неправильный выбор.

Айви просила меня никому не рассказывать. *Чтобы защитить меня*, — отчаянно подумала я. — *Она сделала это, что бы меня защитить. Чтобы защитить Вивви.*

— Приветствую вас, друзья Ашера! — Ашер, как всегда, появился вовремя. Он пританцовывая зашел в комнату и запрыгнул на компьютерный стол, свесив ноги, словно его не волновало ничего не свете.

Словно напряжение в воздухе не было физически ощутимым.

— Я чему-то помешал? — беззаботно произнёс он.

Генри просто говорил мне о том, что, возможно, моя сестра пытается скрыть убийство его дедушки.

Видимо, Генри увидел что-то в выражении моего лица, потому что на его лице мелькнул намек на чувство вины.

— Ты ничему не помешал, — Генри перевел взгляд на Ашера. — Мы с Тэсс просто немного поспорили, — его зеленые глаза снова отыскивали мои. — И возможно, я перегнул палку.

— Ты? — с фальшивым шоком на лице переспросил Ашер. — Никогда.

Когда Ашер — явно пытаюсь снять царящее в комнате напряжение — принялся рассказывать нам историю о кексе и самолете дистанционного управления, я подавила желание таращиться на Генри, пока я не узнаю, о чём он думает.

Что такого сделала Айви, чтобы убедить его, что она способна на что-то подобное?

Я отвернулась от Генри и взглянула на наши отражения в стекле, отделявшем компьютерную лабораторию от коридора: Ашер не останавливался ни на миг, а мы с Генри были неподвижны, как статуи и старались не смотреть друг на друга.

Я заметила движение по другую сторону стекла и заставила себя оторвать взгляд от нашего отражения.

Эмилия. Через секунду она открыла дверь в лабораторию. В какой-то миг она осознала, что мы трое замолчали, стоило ей переступить порог.

Она подняла подбородок, её идеальная осанка выпрямилась ещё больше.

— Тебе что-то нужно, Эм? — спросил Ашер.

— Не от тебя, — спокойно ответила брату Эмилия. Генри встал, явно ожидая, что Эмилия обратится к нему, но она лишь одарила его ледяным взглядом и обернулась ко мне.

— Мне нужно с тобой поговорить, — Эмилии отлично удавалось формулировать предложения, как приказы. Я хотела было спросить у неё, может ли она подождать, но что-то в её взгляде заставило меня поколебаться.

Она шагнула ко мне.

— Насчет Вивви.

В тот же миг я обратила на неё внимание.

— Она в туалете, — мягко произнесла Эмилия. — Она выглядит... — Эмилия прикусила нижнюю губу. Я и не думала, что она из тех, кто кусает губы. — С ней что-то не так.

— Вивви здесь? — перебила её я.

— Ты меня вообще слушаешь? — огрызнулась Эмилия, уже больше походя на привычную себя. — Да, она здесь. И что-то не так.

— В каком именно туалете? — спросила я, чувствуя, как в моём желудке зарождается ужас. Сегодня утром Вивви похоронила своего отца. Зачем она могла прийти в школу? И насколько всё плохо, если Эмилия решила найти меня?

— На первом этаже, — ответила Эмилия. — Восточный коридор.

Прежде чем она закончила говорить, я сорвалась с места. Генри и Ашер последовали за мной по пятам. Когда я добралась до уборной, внутри больше никого не было. Я ожидала обнаружить Вивви в одной из кабинок, но она просто сидела на полу.

— Вивви, — я опустилась рядом с ней на колени.

— Прости, — хрипло произнесла она. — Прости. Я в порядке.

— Что случилось?

— Тебя не было во дворе, — сказала Вивви. — Это глупо. Я хотела тебя найти, но тебя не было во дворе и...

— Дыши.

Вивви глубоко вдохнула. Затем она бросила что-то в мою сторону. Через миг я поняла, что это была газета, а ещё через миг — что она хочет, чтобы я её взяла.

Я подняла её и медленно развернула. В тот же миг я поняла, почему Вивви пришла сюда.

«ПИРС — ГЛАВНЫЙ КАНДИДАТ НА МЕСТО В ВЕРХОВНОМ СУДЕ» — гла заголовок. Мой мозг трещал по швам. Это была не просто выдумка в какой-то забитой газетенке. Статья оказалась на первой странице «Washington Post».

Кто-то постучал в дверь.

— У вас там всё в порядке? — спросил Ашер. — Я спрашиваю абсолютно ненавязчиво!

Я опустила взгляд на газету.

— Можешь ему показать, — поднимаясь на ноги, сказала мне Вивви. — Он всё равно увидит. Все увидят.

Я потянулась к Вивви и сжала её плечо, затем мы вышли в коридор. Ашер стоял у двери. Рядом с ним стоял Генри. Не говоря ни слова, я показала им статью.

«ПИРС — ГЛАВНЫЙ КАНДИДАНТ НА МЕСТО В ВЕРХОВНОМ СУДЕ» — во второй раз заголовок выглядел не менее тревожным, но вовсе не настолько тревожным, как подзаголовок: «Источники сообщают, что президент на беспрецедентной скорости движется к выдвижению его кандидатуры».

— Какие такие источники? — Генри задал вопрос, прежде чем я успела открыть рот. Я не знала, что ответить. Всё что я могла — шагнуть к Вивви и сжать её руку в своей.

В пятницу умер её отец. Она только что похоронила его — а теперь «Washington Post» заявляет, что, по словам анонимного источника, президент готовится выдвинуть на должность судьи кандидатуру человека, нанявшего её отца для совершения убийства.

— Они не могут этого сделать, — Вивви до боли сжала мою руку. — Тэсс, президент не может выдвинуть кандидатуру Пирса. Не может, — она отпустила мою руку и сделала шаг назад. — Что, если они его убили, Тэсс? Что, если Пирс и тот, с кем он работает, убили моего отца, как убили...

Взгляд Вивви метнулся к Генри. Она запнулась, и внезапно эти двое застряли в игре в гляделки, где никто не мог победить. И никто не мог отвести взгляд.

— Генри, — Вивви сглотнула. — Я...

— Я знаю, — мягко произнес Генри. — О моём дедушке. О твоём отце.

Вивви вздрогнула. Она ждала, что он выйдет из себя.

— Ты могла промолчать, — Генри был так сосредоточен на Вивви, что я чувствовала себя так, словно подслушиваю этот разговор, словно ни Ашеру, ни мне не было места в этом моменте. — Но не промолчала, — всё также мягко продолжил Генри. — Ты рассказала о том, что произошло.

Глаза Вивви наполнились слезами.

Генри потянулся к ней и ласково опустил ладонь на её руку.

— За это я твой должник.

— Прости...

— Не нужно, — непреклонно возразил Генри. — Не извиняйся. Не сейчас и вообще никогда, не извиняйся передо мной, — он обернулся ко мне. — Мы должны знать, правду ли говорит статья.

Действительно ли президент собирается выдвинуть кандидатуру Пирса? И, если это так — то, что это значит? Президент был на благотворительном вечере. Он был на фотографии. От него зависела номинация.

— Возможно, Айви что-то знает, — произнесла я, обдумывая ситуацию в попытках взглянуть на неё с другой стороны. — Она не станет рассказывать мне о подробностях, но я могу спросить.

— Правильно, — голос Генри похолодел. — Потому что разговор с твоей сестрой всё исправит.

Вивви перевела взгляд с Генри на меня.

— Тэсс?

Вивви доверяла Айви — ей нужно было доверять хоть кому-то.

— Генри, — выпалила я. — На пару слов?

Мы сделали несколько шагов в сторону от остальных.

— Вивви прошла через ад, и теперь она рассчитывает на то, что Айви всё исправит, — я надеялась, что Генри меня поймет. — Ты не можешь отнять у неё эту надежду.

— Вивви пришла за помощью не к твоей сестре, — возразил Генри. — Когда она увидела статью в газете, она пришла к тебе.

Я сглотнула, стараясь не чувствовать давящей тяжести этого факта.

— Она доверяет Айви.

— Возможно, ей не стоило бы.

Я шагнула к нему.

— Это дело не касается какого-то непростительного греха, из-за которого ты ненавидишь мою сестру...

Генри сократил то крохотное расстояние, что всё ещё разделяло нас.

— Мой отец умер не в автокатастрофе, — Генри понизил голос и прошептал эти слова мне на ухо. Я почувствовала, как его губы коснулись моей щеки. — Он покончил с собой, а мой дедушка нанял твою сестру, чтобы скрыть это.

Я замерла. Я читала статьи о смерти отца Генри. О несчастном случае.

— Твоя сестра разыграла аварию, — продолжил Генри. — Подкупила тех, кого было нужно, и выпустила в свет нужную историю. Моя мать не знает об этом, — Генри всё ещё находился так близко, что я чувствовала его дыхание на своём лице. — Я тоже не должен был знать. Но я знаю, Тэсс. Знаю.

Я представила, каково было хранить такой секрет, каково было наблюдать за тем, как его семья оплакивает отца, и знать, что он сам отнял у себя жизнь.

— Каждый день я просыпаюсь и лгу всем, кто мне дорог. Я не могу разозлиться. Не могу спросить, почему. Я — соучастник. Она сделала меня соучастником.

У судьбы Маркетта была проблема, — когда-то сказала я Айви. — *Ты её решила*. На что она ответила: *Что-то вроде того*.

— Я же говорил, — сделав шаг назад, произнёс Генри. — Фиксеры отлично умеют прятать концы в воду. А твоя сестра — практически мастер своего дела.

Самоубийство отца Вивви не попало в газеты.

— Чтобы ни сделала Айви, — мне едва удалось выдавить эти слова, — это твой дедушка нанял её для этой работы.

Как он мог ненавидеть Айви, но не своего дедушку?

Потому что так было проще. Потому что он потерял отца. Потому что он хотел кого-то винить.

— Мы с дедушкой никогда этого не обсуждали, — коротко произнёс Генри. — И уже не обсудим.

Остаток уроков я провела, словно лунатик — слепо дрейфуя по коридорам. В моей голове царил кавардак — вопросы, которые я не хотела задавать, спутались с мыслями, которые мне никак не удавалось выбросить из головы.

Фотография. Благотворительный вечер. Президент собирается выдвинуть кандидатуру Пирса. Айви.

Через пять минут после начала моего последнего урока меня вызвали в кабинет директора. Я понятия не имела, что такого я могла сделать, чтобы заслужить его внимание. Я начала было готовиться к очередному раунду игры «Джон Томас Уилкоккс хочет, чтобы шкафчик Тэсс обыскали», но поймала себя на том, что меня не слишком-то волнует ни Джон Томас, ни директор Рэлей, ни продолжение моей учебы в Хардвике.

— Тэсс, милая, — миссис Перкинс поприветствовала меня улыбкой. — Они тебя ждут. Сразу же иди в кабинет.

Они? Не успела я обдумать это, как дверь кабинета директора открылась, и из него вышел директор Рэлей.

— Тэсс, — произнёс он. — Отлично.

Отлично? Обычно я вызывала у этого человека другие эмоции.

— Проходи, проходи, — произнёс он. Стоило мне зайти в его кабинет, я поняла, почему настроение директора так резко переменялось.

— Тэсс, — Джорджия Нолан поприветствовала меня поцелуем в щеку. Я замерла. Из угла кабинета за нами непоколебимо наблюдал один из личных охранников президента. — Прости, что застала тебя врасплох, — продолжила Джорджия, — но у меня была назначена встреча с директором в связи с приближающимся аукционом Хардвика, и я решила проверить, как ты, — она сжала мою руку. — На прошлой неделе ты выглядела расстроенной.

Я мельком взглянула на директора, выглядевшего жутко довольным собой за то, что ему удалось выполнить просьбу Первой Леди. Наверное, он бы перевязал меня ленточкой с маленьким бантиком, будь у него шанс угодить ей ещё больше.

— Всё в порядке, — ответила я, концентрируясь на Джорджии. Она цокнула языком.

— Ты действительно похожа на свою сестру, — сказала она. — Ещё одна Айви, не думаете? — спросила она у директора.

— Безусловно, — нотка напряжения в голосе директора дала мне знать, что он был вовсе не так рад нашей схожести, как Первая Леди.

— Дашь нам минутку, Честер? — Джорджия умела просить о чём-то ласково, но, в тоже время, не спрашивая разрешения. Директор тут же вышел из кабинета. Джорджия кивнула агенту личной охраны, и он замер прямоиком за дверью.

Джорджия закрыла её, и мы остались наедине.

— Как ты на самом деле держишься, Тэсс? — спросила она, когда мы остались вдвоём. — Айви сказала мне, что Вивви Бхарани — твоя подруга. Могу только представить, через что она сейчас проходит.

Я не хотела говорить о Вивви, но Джорджия явно не собиралась отступать, пока я не отвечу ей.

— Сегодня утром они похоронили её отца.

— Жаль, что я не смогла посетить похороны, — на протяжении нескольких секунд Джорджия изучала меня. — Айви намекнула, что перед его смертью, у мисс Бхарани были какие-то проблемы с отцом?

Что вы хотите знать? — подумала я, но не стала произносить этого вслух. Поняв, что я не стану отвечать, Джорджия вздохнула и облокотилась на стол директора.

— Я знаю, когда кто-то пытается что-то от меня скрыть, Тэсс, — произнесла она. — Честно говоря, в Вашингтоне редко что-нибудь происходит без моего ведома.

Президент редко является самым влиятельным человеком в Вашингтоне. Стоя напротив Джорджии Нолан, я задалась вопросом о том, насколько влиятельной была она.

— Я знаю, что на этих выходных твоя сестра вылетала в Аризону. Насколько я понимаю, сегодня она возвращается. Но я не знаю, чем именно она там занималась, — южный акцент Джорджии смягчал каждое её слово, но я слышала в её голосе нотки стали. — За последнюю неделю я поняла, что Уильям Кейс продвигает кандидатуру Пирса. Из всех сил. Ради этого Уильям потребовал возвращения многих долгов. Я очень давно знаю этого человека, Тэсс. Он отлично умеет получать желаемое. А если он не получает то, что хотел, что же, скажем так — он этого не прощает, — она легонько постучала ногтями по столешнице. — Если Айви ищет в Аризоне информацию, которая сможет скомпрометировать Пирса, для всех будет лучше, если я буду готова разобраться с последствиями. Поверь, я смогу справиться с Уильямом Кейсом, только если я буду к этому готова.

Она хотела знать, что происходит, почему Айви полетела в Аризону и что она искала. На какой-то миг мне захотелось рассказать ей обо всём, что я знала, но я удержалась.

— Ваш муж попросил Айви поискать скелеты в шкафу Пирса, — вместо этого сказала я. — Думаю, поэтому она в Аризоне.

— Думаешь? — задумчиво переспросила Джорджия.

— Айви очень основательно ко всему относится.

— Основательно, — повторила Джорджия. — Поэтому она сделала так, чтобы майора Бхарани уволили из Белого Дома, когда узнала о его стычке с дочерью. Потому что она основательно ко всему относится.

Слова Джорджии не звучали скептически, но внезапно, изучая её теплые карие глаза, я поняла, что настроена она была именно так.

Первая Леди знала Айви достаточно хорошо, чтобы понимать, что происходило что-то ещё. Вопрос лишь в том: знала ли она, что именно?

Президент был там, где встретились отец Вивви и судья Пирс, — подумала я. — Президент был на благотворительном вечере. А Первая Леди только что сказала, что в Вашингтоне редко что-нибудь происходит без её ведома.

— Тэсс, твоя сестра не из тех, кто станет просить о помощи, — Джорджия оттолкнулась от стола и начала медленно расхаживать по кабинету, сложив руки перед собой, словно невеста, несущая букет. — Боюсь, что наша Айви лучше умеет решать чужие проблемы, чем позволит другим помочь с решением её собственных.

В этом была нотка правды. Айви влетела в мою жизнь и тут же принялась ею распоряжаться, но она никогда не подпускала меня к своей собственной жизни.

— Я бы очень сильно хотела знать, — продолжила Джорджия, — если сейчас твоей сестре нужна моя помощь.

Если Айви нашла в Аризоне что-то такое, что вывело её к третьему человеку, замешанному в убийстве судьи — и если этот человек оказался одним из тех, кого я подозревала — Айви понадобится вся помощь, которую она только сможет получить.

Но одним из подозреваемых был муж Джорджии Нолан.

— То, о чём пишут в «Washington Post» — правда? — спросила я. Джорджия пыталась вытянуть из меня информацию. Сделать с ней то же самое было бы честно. — Ваш муж действительно готовится выдвинуть кандидатуру Пирса?

Джорджия отмахнулась от моего вопроса.

— Питер едва ли будет готовиться к чему-либо, пока не услышит мнение Айви. Не стоит верить всему, что пишут, Тэсс.

— Значит, источники журналиста ошиблись? — спросила я. Она не сказала мне этого — не наверняка — и я это знала.

— Готова поспорить, что его источник — в единственном числе — не более чем новичок, пытающийся наладить связи и, честно говоря, Тэсс, его отслеживание не стоит моего времени. Журналист вряд ли выдаст свой источник, а даже если кому-то удастся его переубедить, он захочет чего-то взамен, — Джорджия остановилась прямо передо мной. — А в политике, милая Тэсс, редко отдают что-то за бесценок.

Я гадала о том, знает ли она, что её слова звучат, как предостережение. И о том, хотела ли она, чтобы они звучали именно так.

— Что ж, — произнесла Джорджия, судя по всему, поняв, что больше она ничего из меня не вытянет. — Спасибо, что поговорила со мной, Тэсс. Это многое прояснило. И я действительно надеюсь, что ты знаешь, что я искренне интересуюсь твоим самочувствием. Ты важна для неё, а это важно для меня.

Несмотря на всё происходящее, мне всё ещё было больно слышать о том, что я важна для Айви. Я отвернулась от Джорджии, прежде чем она могла заметить, как я отреагировала на её слова, и сделал шаг к стене. Мой взгляд замер на фотографии за столом директора, и в тот же миг я поняла, что больше у меня не будет такой возможности.

— Откуда ваш муж знает директора? — спросила я, указывая на фото, словно вижу его впервые. Я чувствовала, как сердце колотится в моей груди, а пульс эхом отдается в ушах.

Джорджия мельком взглянула на фото, не уделяя ему слишком уж много внимания.

— Наш младший ходил в Хардвик, — ответила она. — Каждый год мы пытаемся что-нибудь пожертвовать на аукцион. Прошлой весной школа была повреждена водой. Им нужны были дорогостоящие лоты, так что мы предложили выходные в Кэмп-Дэвид. В загородной резиденции президента, — уточнила она. — Знаешь, иногда она открыта для посещений.

Выходные в Кэмп-Дэвид.

— Присутствие президента было частью приза? — спросила я.

— Боже, нет, — ответила Джорджия. — Но аукцион выиграл Уильям и позвал с собой Питера. Боюсь, мой муж никогда не умел отклонять предложения Уилла.

Я заставила себя притвориться, что в эти слова ничего не значили. Что я спросила об этом без какой-либо причины.

Но когда мы с Джорджией расстались, и я вышла из здания администрации, то не могла выбросить из головы мысли о том, что аукцион выиграл Уильям Кейс, а значит, именно он раздавал приглашения и именно он собрал вместе людей с той фотографии.

Включая судью Пирса и отца Вивви.

— Ты какая-то тихая, — очень подозрительно заявил Боди.

— Я всегда тихая.

Проехав ворота и выехав на улицу, Боди мельком взглянул на меня и ухмыльнулся.

— А я всегда проницателен. Сейчас ты тихая по-другому.

Мой мозг тонул во всём, что произошло за сегодня. Визит Джорджии. Вивви и статья о Пирсе. Два имени из списка Генри. Отец Адама организовал встречу людей с фотографии.

— Я свободно владею всеми вариантами тишины Кендриков, — заявил Боди. — Вы с сестрой обе пристально таращитесь в никуда, когда вот здесь крутятся шестеренки, — он лениво протянул руку и постучал по моей голове. Я шлепнула его по ладони.

— Мне нужно о многом подумать.

— Твои мысли случайно не касаются одной Первой Леди с милыми южными манерами и мозгом Макиавелли?

Я фыркнула в ответ на такое описание Джорджии.

— Как ты угадал? — спросила я у Боди.

— Я не угадывал, — он выехал на шоссе. — Я мельком увидел, как Марк отъезжал от школы, когда к ней подъехал.

— Марк? — я удивленно изогнула бровь.

— Марк Мэддокс, — ответил Боди. — Один из агентов Джорджии.

— Ты знаешь имена агентов личной охраны президента?

— Знать имена бывает полезно. Половину времени агенты хотят, чтобы их заметили. Их присутствие отпугивает недоброжелателей.

— А вторую половину времени? — спросила я.

— Они сливаются с фоном. Стараются не вмешиваться, не мешать. Если не будешь осторожен, можешь забыть, что они там.

— Разве что ты знаешь их имена, — произнесла я.

— Разве что ты знаешь их имена, — Боди протянул руку и снова постучал по моей голове.

— Это ещё за что? — раздраженно спросила я.

— Это, — ответил он, — за то, что пыталась отвлечь меня о того факта, что ты не ответила на мой вопрос о Джорджии.

Я всё ещё осмысливала свой разговор с Первой Леди. Я не привыкла размышлять вслух. Боди снова протянул ко мне руку и щёлкнул меня по уху. Видимо, в отличие от Адама, он не верил, что вести машину нужно, держась за руль двумя руками.

— Ладно, — ответила я, прежде чем он успел обострить вопрос. — Да, я думаю о Первой Леди. По идее, сегодня у неё была встреча с директором.

— По идее, — Боди не задавал вопроса, но я всё равно ответила.

— Она сняла меня с уроков. Просто, чтобы проверить как я, как у меня дела.

— Конечно, — сухо произнёс Боди.

— Конечно, — на этот раз ему не пришлось выпытывать у меня информацию. — Она хотела узнать, чем именно Айви занимается в Аризоне.

Боди фыркнул.

— Я говорил Айви, что нам скоро придется посвятить в это Джорджию. Что ты ей сказала?

— Я сказала ей, что Айви выполняет просьбу президента — изучает прошлое Пирса, — я сделала паузу. — А ещё я спросила у неё, правда ли её муж на беспрецедентной скорости движется к выдвижению кандидатуры Пирса.

Боди мельком взглянул на меня.

— Ты видела статью в «Post»?

Я кивнула.

— Сегодня Вивви пришла в школу. Утром она похоронила отца, а потом пришла в школу, чтобы найти меня и показать мне газету.

— И что же мисс Джорджия сказала о статье? — спросил Боди, барабанив пальцами по рулю.

— Она сказала, что источник, скорее всего, какой-то новичок.

Боди фыркнул.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Вряд ли, — он окинул меня взглядом и снова перевел глаза на дорогу. — Слить такую историю в прессу можно по двум причинам, мелкая, — его тон звучал легкомысленно, словно он не рассказывал мне что-то, о чём не стали бы говорить ни Айви, ни Адам. — Либо ты надеешься, что она станет самореализовавшимся пророчеством, либо хочешь растоптать шансы человека, слишком рано выставляя его в центр внимания.

Помочь Пирсу получить должность или навредить его шансам.

— Это Айви слила её? — ещё двадцать четыре часа назад я не задала бы этот вопрос.

— На этот раз? — изогнув бровь, переспросил Боди. — Нет.

На этот раз. Он не сказал, что Айви не стала бы стратегически сливать историю вроде этой. Он сказал, что на этот раз она этого не сделала.

— В день, когда мы узнали об отце Вивви, я слышала, как Уильям Кейс кое-что сказал Айви, — я прикусила нижнюю губу. Вот теперь я размышляла вслух. — Он сказал, что научил её всему, что она знает.

Когда-то Айви работала на Кейса. Он научил её манипулировать системой. Научил создавать события.

— Он мог слить историю, — я обдумала эту возможность. — Первая Леди сказала, что Кейс продвигает кандидатуру судьи Пирса на должность, — я могла бы на этом остановиться, но не стала. — То фото, что я дала Айви — то, которое связывает отца Вивви и судью Пирса — сделали в Кэмп-Дэвид. Если верить Первой Леди, именно Кейс организовал поездку. А значит, именно Кейс свел вместе отца Вивви и Пирса. А за день до своей смерти судья Маркетт посетил благотворительный вечер «Фонда Кейса».

Боди вёл машину одной рукой, опустив вторую на свои потрепанные джинсы. Он лениво взглянул на меня.

— Кажется, я помню что-то насчет того, что ты не должна была в это вмешиваться.

— Это ты только что рассказал мне о двух причинах, по которым могли слить такую статью, — сказала я.

Боди вернул свободную руку на руль.

— Я просто поддерживал разговор.

— Если есть шанс, что отец Адама...

— Это не он.

Мой желудок скрутился от уверенности в голосе Боди. Если это не Кейс...

— Президент? — мягко спросила я.

Боди скептически взглянул на меня.

— Ты думаешь, что за этим стоит президент, поэтому ты спросила у Джорджии о фотографии и статье в «Post»?

Я решила, что это был риторический вопрос.

— Кейс вне подозрений, — сказал мне Боди. — Как и оба Нолана.

Я моргнула. Дважды.

— Президент и Уильям Кейс были единственными на той фотографии, кто...

Боди не дал мне закончить.

— Айви проверила их первыми.

Айви проверила их первыми. Где-то на изнанке моего сознания раздался голос Генри: *Твоя сестра решает проблемы. Профессионально. Кому бы ни принадлежал тот телефонный номер, думаю, у него сейчас большие проблемы.*

— Как именно она их проверила? — я услышала свой голос как будто со стороны.

Ответ Боди — если он вообще собирался мне ответить — заглушил звук сирены. Его взгляд метнулся к зеркалу заднего вида, и он едва слышно выругался.

Тогда-то я заметила мигалки.

— Ты превысил скорость? — спросила я у Боди, когда он свернул на обочину.

— Либо скорость, — ответил он, — либо сейчас дела примут интересный оборот, — он заглушил двигатель и обернулся ко мне. — Будь спокойна. Делай то, что они говорят. Не отвечай на вопросы без адвоката.

Он опустил окно.

Я поймала его за руку.

— Боди, что происходит?

Прежде чем он успел ответить, к машине подошел полицейский с пистолетом в руках.

— Выходите из машины!

Мы вышли из машины.

Когда полицейский швырнул Боди на капот для обыска, водитель Айви сказал две фразы. Первой было:

— Ладно, будет весело, а затем — обращаясь ко мне — он произнес. — Позвони своей сестре.

Два часа спустя, сидя в полицейском участке, именно это я и сделала.

Я в точности следовала инструкциям Боди. Я была спокойна. Я делала то, что мне говорили. Я не отвечала ни на какие вопросы, кроме основных: моё имя, мой возраст; Боди водитель моей сестры; он просто вёз меня домой из школы.

Я притворилась ошеломленной и напуганной. Это шло в разрез со всеми фибрами моей души, но иногда лучшей защитой было притвориться беззащитной. Я не сердилась. Не требовала ответов. И они не стали забирать у меня телефон. В конце концов, бедную беззащитную девочку оставили в одиночестве, пока полицейские звонили кому-то и допрашивали подозреваемого.

Отвечай. Отвечай. Отвечай. Я крепче сжала свой телефон. *Ну же, Айви.*

— Тэсс.

Я выдохнула, услышав голос своей сестры.

— Нас с Боди задержала полиция, — сказала я.

На миг повисла тишина.

— Его арестовали? — спросила Айви. Затем она перефразировала вопрос. — Ему зачитали его права?

Я постаралась вспомнить.

— Нет, — они бросили его на капот. Обыскали его. Засунули на заднее сидение полицейской машины — но его не арестовали. — Айви, что происходит?

Я практически слышала, как на другом конце провода Айви сжала зубы.

— Кто-то пытается что-то доказать, — сказала она.

Я не успела спросить о том, кто был на это способен — или что именно он пытался доказать.

— Эй, — одна из полицейских заметила, что я говорю по телефону. — Ты не можешь отсюда звонить.

С меня хватило игры в маленькую и беззащитную девочку.

— Мне сказали, что я должна ждать здесь, пока меня не сможет забрать взрослый. Я не могу позвонить моему законному опекуну?

Коп — женщина, с которой я не имела удовольствия познакомиться — нахмурилась.

— Кто-то позвонит за тебя.

— Прошло два часа, — ответила я. — Почему никто ещё не позвонил?

— Тэсс, — на другом конце провода Айви выслушала этот разговор и заговорила. — Дай трубку офицеру.

Я передала женщине мобильник. Через пять секунд разговора она сжала губы в тонкую линию. Через десять — она побледнела.

К этому времени появилась работница социальной службы.

Даже с другого конца телефонного провода Айви удалось контролировать ситуацию. К тому времени, как час спустя дверь полицейского участка открылась, и в неё зашел Адам, работница социальной службы отправилась восвояси, а женщина в костюме за тысячу долларов приехала и назвалась адвокатом Боди.

— Адам, — я поднялась на ноги, стоило мне его увидеть. — Айви...

— Она скоро вернется, — ответил он и обратил внимание на занимавшегося мной офицера. — Адам Кейс, — представился он. — Министерство обороны.

Он был одет в военную форму. Почему-то мне казалось, что это не было совпадением.

— Вы должны были получить факс с подтверждением того, что я уполномочен принять опеку над Тэсс до приезда её сестры, — продолжил Адам. Его тон не терпел возражений.

— Мне было приказано удерживать её до тех пор...

Адам перебил её.

— Вы захотите пересмотреть эти приказы. Уверен, сестра Тэсс уже сказала вам, что она подаст жалобу. Советую вам не усложнять ситуацию.

Не дожидаясь ответа, Адам опустил руку на моё плечо и вывел меня за дверь. Когда мы отошли от участка, я позволила себе спросить:

— Тебе позвонила Айви?

— Да, — он слегка сжал моё плечо и опустил руку. — Ты в порядке?

— Со мной всё нормально, — когда мы добрались до стоянки, меня догнали мои мысли, и я замерла. — Боди...

— Айви о нём позаботится, — в голосе Адама не было и капли неуверенности. — Возможно, несколько часов за решеткой улучшат его характер.

Я почти улыбнулась, глядя на каменное выражение лица, с которым Адам произнёс эти слова.

Почти.

— Что происходит? — напрямик спросила я. — Почему они допрашивают Боди? О чём?

Кажется, Адам взвесил шансы на то, что я забуду об этом. И, видимо, решил, что они невелики, потому что он ответил.

— По-видимому, всплыли какие-то улики, связывающие Боди с нераскрытым преступлением.

Адам не уточнял, что это были за улики — или что это было за преступление. Прежде чем задать следующий вопрос, я дождалась, пока мы сядем в его машину — он за руль, а я на переднее сиденье.

— Когда я спросила у Айви, что происходит, она сказала, что кто-то пытается что-то доказать. Что именно?

На подбородке Адама дернулся мускул — единственное доказательство того, что мой вопрос задел его за живое.

— Что именно? — переспросил он. — Что он может добраться до Боди, — Адам уставился в лобовое стекло, мускул на его подбородке снова дернулся. — Что он может добраться до тебя. Что упрямство Айви и её сопротивление его желаниям не останутся безнаказанными.

— Твой отец, — это был не вопрос. Первая Леди сказала, что Уильям Кейс не из тех, кто умеет прощать; что откажись Айви поддерживать его выбор кандидата на должность, будут последствия.

Если Джорджия Нолан знала, что Айви ищет информацию о Пирсе в Аризоне, каковъ

были шансы, что об этом знает и отец Адама?

Я подумала о том, как коп швырнул Боди на капот — сильнее, чем следовало бы. Я подумала о том, что полиция позвонила насчет меня в социальную службу, а не Айви.

— Так что это? — спросила я. — Месть?

Мышцы на шее Адама напряглись.

— Это было предупреждение, — немногословно поправил меня Адам. — Мой отец собирает вещи: информацию, людей, материал для шантажа. Он хочет, чтобы Айви помнила, на что он способен.

Боди настаивал на том, что Уильям Кейс не был замешан в убийство судьи, но... Кейс хотел, чтобы кандидатуру Пирса выдвинули на должность. Он организовал поездку, где встретились Пирс и майор Бхарани.

— Айви обо всём позаботится, — во второй раз сказал мне Адам. Помрачнев, он выехал на дорогу. — А я позабочусь о своём отце.

В ту ночь Айви вернулась домой. Когда я вышла из душа, она постучала в мою дверь. Промокнув волосы полотенцем и бросив его в сторону, я открыла дверь.

Судя по выражению лица Айви, я знала, о чём она хочет поговорить.

— Дай угадаю, — сказала я. — Ты хочешь поболтать о моём маленьком приключении?

Айви слегка склонила голову.

— Я могу зайти?

Я отошла от двери.

— Валяй, — я провела пальцами по мокрым волосам, стараясь распутать их.

— Эй, — произнесла Айви, опускаясь на мою кровать. — Давай я.

Сначала я понятия не имела, о чём она говорит, но потом она взяла расческу с моей прикроватной тумбочки.

Айви сидит на краю кровати, а я сижу перед ней на полу, — во второй раз воспоминание нахлынуло на меня с такой же силой. — Айви мягко что-то бормочет мне. Пальцы Айви ловко движутся в моих волосах.

— Ты заплетала мне волосы, — я не собиралась произносить это вслух.

На лице Айви мелькнули эмоции.

— Мама предпочитала хвостики, — сказала она. — На макушке, — она покачала головой, на её лице появилась улыбка. — Даже когда ты была совсем маленькой, в мире не было хвостиков, которые тебе не удалось бы уничтожить. Коса была чуть крепче.

— Ты жила со мной, — выдавила я. — После похорон ты была со мной.

— Несколько недель, — ответила Айви. — Потом пришел дедушка и...

И она отдала меня. Я не могла винить в этом двадцатиоднолетнюю Айви — и я бы никогда и ни на что не променяла годы, проведенные с дедушкой.

— Я тут думала, — произнесла я. — Об испытании лекарственных препаратов.

Стоило мне произнести эти слова, у меня пересохло в горле. Как бы странно это ни было, но думать об убийстве и политике, о том, через что проходили Вивви и Генри, было проще, чем думать о моей собственной ситуации.

О дедушке.

— Если результаты многообещающие... — я умолкла, думая о Джоне Томасе Уилкоксе, на одном дыхании рассказывающем о стадиях болезни моего деда, о потерях которые нам придется пережить — одну за другой. — Возможно, это хорошая идея.

— Возможно, — согласилась Айви. Несколько секунд она изучала меня, а затем продолжила. — Я знаю, что тебе сложно. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить...

— Не захочу, — сказала я. Слова вырвались у меня резче, чем я планировала, так что я смягчилась. — Я не большая фанатка разговоров.

Айви кивнула. Мы двое замолчали, затем она указала расческой на пол.

— Садись.

Я села. Она принялась ласково расчесывать мои волосы. Минуту или две она молчала.

— Прости за то, что случилось днём. Боди и Адам сказали, что ты хорошо со всем справилась.

— Боди в порядке?

— Я обо всём позаботилась, — вот и всё, что сказала Айви. Она не стала рассказывать о том, что она сделала или в чём заключалась ситуация — видимо, она не была в настроении для разговоров.

— Я слышала, что Джорджия подкараулила тебя в школе, — произнесла Айви. Сменив тему, она продолжила расчесывать мои волосы. — Прости и за это. Такое больше не повторится.

Судя по тону Айви, она уже серьезно поговорила с Первой Леди или же собиралась сделать это в ближайшее время.

— Она спрашивала о том, чем ты занималась в Аризоне, — сказала я своей сестре. — Кажется, она считает, что Уильям Кейс будет против того, что ты ищешь информацию о Пирсе.

Учитывая то, что произошло после школы, я ждала от Айви ответа, но она просто продолжила распутывать мои волосы.

— Ты не рассказала Первой Леди о том, что судью Маркетта убили, — выпалила я. — Думаю, это значит, что ты всё ещё не рассказала и президенту.

— У меня есть на то причины, — ответила Айви, всё в том же ритме расчесывая мои волосы.

— Боди сказал, что ты не подозреваешь президента.

Всего на миг Айви остановилась. Затем она поймала себя на этом и продолжила.

— Президент в этом не замешан, — сказала она. — Я не рассказала ему не потому, что подозреваю его, Тэсс.

— А Уильям Кейс? — спросила я.

— Что Уильям Кейс?

— По его приказу Боди притащили на допрос о черт знает каком преступлении, просто чтобы показать, что он на это способен! Адам сказал, что это было только предупреждение...

— Тебе не нужно волноваться об Уильяме Кейсе, — сказала мне Айви. — Я с этим разберусь.

— Он хочет, чтобы Пирса выдвинули на должность, — я позволила этим словам повиснуть в воздухе. — Он хочет этого достаточно сильно, чтобы попытаться запугать тебя арестом Боди.

— Боди не арестовали, — голос Айви был раздражающе спокойным. — Его просто допросили. А я не напугана.

В этом плане будет смысл, только если Пирс будет уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность — иначе он не стоит риска. Слова Генри в сотый раз принялись преследовать меня.

— Он хорошо умеет получать желаемое, да? — спросила я у Айви. — Отец Адама.

— Я лучше.

Я спрашивала не об этом.

— У скольких людей, кроме президента, достаточно полномочий, чтобы выдвинуть кандидатуру на должность судьи верховного суда?

Айви явно не ожидала такого вопроса. Она молчала так долго, что я уже не ждала ответа.

— Люди вроде Уильяма Кейса, — наконец произнесла она, — их называют «создателями королей». У них есть деньги. Власть. По самым разным причинам они не

могут быть политиками, но когда наступают выборы, они могут поколебать ситуацию в ту или иную сторону.

Президент редко является самым влиятельным человеком в Вашингтоне.

Я попыталась обернуться, чтобы взглянуть на Айви, но она развернула меня назад.

— Боди сказал, что первым делом ты проверила президента и отца Адама, — я опробовала другую тактику.

Айви опустила расческу и провела рукой по моим волосам. Не произнеся ни слова, она принялась заплетать их.

— Айви?

— Боди слишком много болтает.

Не держи она мои волосы, я бы снова обернулась к ней.

— У меня есть право знать. У Вивви есть право знать.

Айви добралась до нижнего конца косы. Какой-то миг она держала её в руках, а потом завязала её.

— Ты должна ещё немного довериться мне, Тэсс.

Доверие. Одного этого слова было достаточно, чтобы нас разделили мили. Я замерла, а Айви поднялась на ноги. Пока она не шагнула в сторону, я и не осознавала, то всё это время касалась её.

— Ты не знаешь, каково это, — сказала я Айви, вставая и шагая к зеркалу. Когда волосы не спадали мне на лицо, я видела нашу схожесть. Часть меня хотела распустить косу.

— Ты не знаешь, каково это, — повторила я, — когда тебе снова и снова говорят не вмешиваться, пока другие люди принимают касающиеся тебя решения. Вивви — моя подруга. Она пришла ко мне. И что бы ты не делала, ей это не помогает! Ничего нам не рассказывать — это не помогает, Айви, — я понизила голос. — Мы просто становимся беспомощными.

Айви встала у меня за спиной. Я обернулась к ней, не желая смотреть на наши отражения в зеркале.

— Я знаю, каково быть беспомощной, — тихо сказала мне Айви. — Я знаю, каково это, когда другие решают за тебя. Знаю, Тэсс, — в её голосе звучали эмоции — но я не могла понять, какие именно. Она что-то чувствовала. Это касалось меня? Этого дела? — Я не хочу, чтобы ты себя так чувствовала, Тэсси. Не хочу. Но тебе правда не нужно знать, чем я занимаюсь. Эта работа? — Айви не повышала голоса, но каждое слово она произносила с жаром. — Мне удастся изменить мир к лучшему. Удастся помогать людям, но за это нужно платить.

Мой отец покончил с собой, — я видела лицо Генри так четко, словно он стоял передо мной. — *Она это скрыла.*

— Я не хочу для тебя такой жизни, — сказала Айви. — Ты можешь это понять? Я должна держать тебя в стороне от этого, Тэсс. Я не позволю тебе быть частью этой цены.

— Первая Леди наносит мне дружеские визиты, — резко ответила я. — Вивви умирает изнутри. Я не в стороне, Айви, — я не дала ей возможности ответить. — Я знаю, что в это вовлечен третий человек — кто-то кроме отца Вивви и судьи Пирса. Если Пирс предоставил деньги, а отец Вивви убедился в том, что судья не вернется из больницы, тогда в чем заключалась работа третьего человека? — я перебила Айви, прежде чем она успела вставить хоть слово. — Я думаю, что этот человек либо подсунул судье что-то, что отправило его в больницу, либо отвечает за то, чтобы кандидатуру Пирса выдвинули на должность. Так или

иначе, те двое, кого ты «проверила» первым делом, кажутся мне неплохими подозреваемыми.

— Президента снимали, — коротко ответила Айви. — Почти весь вечер, — эта информация должна была меня успокоить. Но не успокоила.

— Почти, — ответила я.

Кажется, Айви начинала терять терпение.

— Тэсс, — выпалила она.

— А Кейс? — вставила я, прежде чем она успела сказать что-либо ещё. — Как ты проверила его?

Повисла долгая пауза.

— Я собирала информацию, — наконец, произнесла Айви. — Детали, которые могли бы оказаться полезными. Учитывая то, что Уильям занимается тем же, в моих лучших интересах всегда иметь что-то на него. И сейчас то, что я о нём знаю, говорит о том, что Теодор Маркетт был последним, кого он хотел бы удалить из Верховного Суда.

Звучит совсем не таинственно.

— Кейс работает над продвижением кандидатуры Пирса, — наставила я. — Президент может выдвинуть его на должность. Они оба были там в ночь перед сердечным приступом судьи Маркетта. Они оба были на фотографии, которую я отдала тебе...

— Позволь мне об этом позаботиться, — вмешалась Айви.

— Фото было сделано в Кэмп-Дэвид, — продолжила я. Возможно, если я продолжу заваливать её информацией, смогу узнать что-то и от неё. — Поездка. Думаю, там отец Вивви познакомился с Пирсом. Мы знаем, что в это замешан кто-то третий. А президент и Кейс — единственные, кто были и на благотворительном вечере в ту ночь.

— Нет, — резко ответила Айви. — Не единственные.

Я нахмурилась. Доводы замерли на кончике моего языка.

— Я знаю, где было сделано фото, Тэсс. Знала, ещё до тебя. Это моя работа. Этим я и занимаюсь. Вымениваю тайны и информацию. Решаю проблемы. Ты нашла мне эту, и, помоги мне Господь, ты позволишь мне её решить.

— В каком смысле, президент и отец Адама были не единственными, кто был в обоих местах? — спросила я.

Айви подняла руки в отчаянии.

— Ты когда-нибудь думала о том, кто их фотографировал? Кто стоит прямо за границей кадра? У тебя есть только часть истории, Тэсс. Не путай её с правдой.

Кто их сфотографировал? Айви была права. Я об этом не думала.

— Ты сказала, что знала, где сделали фотографию, — эти слова чуть не застряли у меня в горле. — Откуда?

Какой-то миг Айви глядела на меня, а затем ответила.

— Потому что я там была.

Когда я отдала ей фотографию, она не упомянула, что узнала её. Она не позволила узнаванию даже на миг промелькнуть на своём лице.

Фиксеры отлично умеют прятать концы в воду, — слова Генри не оставляли меня. — *Твоя сестра — практически мастер своего дела.*

— Тэсси, я помогу Вивви. Я узнаю правду. Просто позволь мне это сделать, — она вернула выбившуюся прядку в мою косу.

Стоило ей назвать меня Тэсси, моё горло пронзила жгучая боль.

— Ты не можешь позволить президенту выдвинуть кандидатуру Пирса.

— И не позволю.

— В той статье в «Post» сказано, что...

— Я этого не допущу, — на этот раз громче повторила Айви, поставив точку. Она повернулась, чтобы уйти, но мельком взглянула на меня. — Как бы там ни было, — сказала она, — можешь сказать Вивви не волноваться об этой статье.

Боди сказал, что слить такую историю могли по двум причинам — помочь Пирсу или навредить ему.

— Ты собираешься отследить источник? — спросила я у Айви.

Я практически видела, как она сдержала слова «я не буду с тобой это обсуждать». Вместо этого, она слегка приподняла подбородок.

— Поверь, Тэсси, это того не стоит.

К концу недели появилась уйма статей в пользу Пирса. На проблемах современного мира нам пришлось смотреть, как люди дискутируют о его качествах на телевидении.

И с каждым днём я становилась всё более уверена в том, что кто бы ни слил статью в прессу, он сделал это, чтобы помочь Пирсу, а не навредить.

Это того не стоит, — слова Айви звенели в моих ушах, когда я наблюдала за тем, как Генри Маркетт находит место для ланча на противоположном конце двора. Мы не говорили с тех пор, как он рассказал мне о своём отце. Ашер мельком взглянул на меня, но сел рядом с Генри.

— Айви что-нибудь нашла? — спросила у меня Вивви. За нашим столиком сидели только мы с ней — как в те времена, как всё это ещё не началось.

— Не знаю, — хотела бы я рассказать ей хоть что-то, но последние несколько дней Айви провела, заперевшись в своём офисе и просматривая файлы, которые она привезла из Аризоны. Я понятия не имела о том, что было в этих файлах. Я знала только, что она привезла с собой целые коробки — и я почти не видела её с той ночи в моей комнате.

— Мне нужно что-то сделать, — Вивви не повышала голоса, но пульсирующее напряжение в её словах показывало, что она вовсе не преувеличивала. — Мне нужно, чтобы мы что-то сделали.

— Что? — спросила я.

— Что-нибудь, — настаивала Вивви. — Снова поговорили с твоей сестрой или организовали встречу с Первой Леди или... или... что-нибудь.

С похорон её отца прошло четыре дня. Неделя с тех пор, как он покончил с собой. Одиннадцать дней назад она рассказала мне о том, что подслушала.

Столько всего произошло. А сейчас не происходило ровным счетом ничего. Не считая того, что СМИ буквально устилали дорогу Пирса к должности золотом. А всё из-за статьи в «Post». Всё из-за анонимного источника.

— Ладно, — сказала я Вивви.

Её глаза округлились.

— Что ладно?

— Ладно, — сказала я. — Я знаю, что мы можем сделать.

Шаг первый: перехватить Эмилию Роудс по пути на урок.

— Ох, — сказала она. — Это ты. Уже успела сделать чьего-нибудь близнеца ещё большим фанатом нарушения правил?

Я посчитала это намеком и не стала утруждаться застенчивостью.

— В день увольнения отца Вивви ты упомянула, что слышала об этом от девятиклассницы, мама которой работает в «Washington Post».

Эмилия изогнула бровь в ожидании продолжения. Я продолжила:

— Какой именно девятиклассницы?

Шаг второй: постараться быть милой с девятиклассницей.

Вторым шагом занялась Вивви. Ей лучше, чем мне удавалось быть милой. В конце концов, она упомянула моё имя, и девятиклассница с радостью попросила об услуге «дядю Карсона» — журналиста, написавшего статью — чтобы оказаться в милости Тэсс Кендрик.

Слухи об импровизированном визите Джорджии Нолан быстро разлетелись по школе, в очередной раз напомнив всем о влиятельных друзьях моей сестры. В Хардвике власть была тем, чем в других школах было богатство. Здесь не было важно, у кого лучшая машина или больший дом. Важно лишь то, у кого лучшие связи. Хотя и не по своей вине, но я вернулась в группу школьных знаменитостей — но с этой проблемой я разберусь позже. Пока что мне нужно было лишь подготовиться к встрече со старым добрым дядей Карсоном, думавшим, что мы возьмем у него интервью для какого-то школьного проекта.

— Каким будет третий шаг? — в конце последнего урока спросила у меня Вивви. Доктор Кларк стрельнула в нас предупреждающим взглядом, но через секунду прозвенел звонок. Мы с Вивви вышли в коридор.

— Шаг третий, — произнесла я, — найти рычаг давления.

Когда журналист встретится со мной, он наверняка будет не рад узнать, что я организовала встречу обманным путем. Он явно будет не в настроении выдавать личность своего источника.

Даже если кому-то удастся его переубедить, — я практически слышала слова Первой Леди, — он захочет чего-то взамен.

А значит, я должна была найти что-то, чего хотел журналист.

Значит, мне нужен был Генри Маркетт.

Генри не просто игнорировал меня. Он избегал меня. Когда он увидел, что я направляюсь в его сторону, он извинился перед людьми, с которыми разговаривал и нырнул в мужской туалет.

Очевидно, он думал, что я за ним не последую.

Он явно не слишком хорошо меня знал.

Генри мельком взглянул на дверь, когда она открылась за его спиной, а затем снова посмотрел на неё, осознав, что в комнату зашла я.

— Серьезно? — сухо спросил он.

Я облокотилась на дверь, перекрывая выход.

— Уйди с дороги, мисс Кендрик.

— Мисс Кендрик, — повторила я. — Мы даже по имени друг друга больше не называем?

Он не ответил. Я не знала, насколько он избегал меня, потому что был зол из-за того, что я была сестрой Айви и хоть немного ей доверяла, а насколько — потому что он был зол на самого себя из-за того, что рассказал мне о своём отце.

— Мы правда должны это делать? — до боли вежливо спросил Генри.

— Я уйду с дороги, когда ты меня выслушаешь, — ответила я. — Или мы можем остаться здесь и тарашиться друг на друга.

Он пристально посмотрел на меня. Я ответила ему ленивой улыбкой. Он сорвался.

— Говори, — твёрдо приказал он.

— У меня есть план для того, чтобы узнать, кто слил в прессу историю о Пирсе.

На лице Генри не пошевелился ни один мускул, но он не смог скрыть проблеск интереса в своих глазах.

— Я думал, твой план заключается в том, чтобы твоя сестра делала свою работу.

Теперь, когда я знала, почему Генри ненавидел Айви, я не могла оградиться от этих чувств. Объективно говоря, Айви сделала семье Маркеттов одолжение, заставив смерть отца Генри выглядеть, словно несчастный случай. Но я не могла ждать от Генри объективности в чём-то подобном. Именно ему приходилось жить с этим секретом. Его отца здесь не было. Как и его дедушки.

Винить оставалось только Айви.

— Моя сестра и так была занята, — осторожно подбирая слова, произнесла я. — Она не думает, что эта зацепка стоит внимания, — в глазах Генри мелькнула искорка любопытства. Я надавила. — А я думаю.

Генри едва заметно улыбнулся.

— И у тебя есть план.

— Не то чтобы план, — сказала я, — скорее авантюра.

Кто-то попытался открыть дверь в туалет, и я сильнее оперлась на неё.

Генри прочистил горло.

— Мы можем обсудить твою авантюру в чуть менее неуместной обстановке?

— Если тебе так угодно, — я отпустила дверь и открыла её, игнорирую взгляд стоявшего за ней парня. Настал мой черед взглянуть на Генри, изогнув бровь. — После тебя.

Я написала Боди сообщение о том, что нам с Вивви нужно поработать над проектом после школы. Чтобы эта история была чуть более правдивой, мы с Генри встретились с журналистом у Вивви — а точнее в фойе отеля «Рузвельт», где Вивви с её тетей остановились до тех пор, пока ей не удастся подыскать постоянное жильё.

Вивви наблюдала за нами из ближайшей кофейни. С ней была её тётя, но она сидела к нам спиной. *Будем надеяться, что так и будет продолжаться,* — подумала я.

Я посмотрела на часы. В любую минуту должен был появиться журналист из «Post».

— Тэсс Кендрик? — к нам подошел рыжеволосый мужчина с красноватой бородой. Его взгляд скользнул к Генри, и я увидела вспышку узнавания.

Хорошо.

— Карсон Двэк? — спросила я. Он кивнул.

— Говорят, вам нужно поговорить с журналистом для школьного проекта, — губы мужчины слегка изогнулись. — Хардвик с их проектами, да?

Я гадала о том, согласился бы он на просьбу своей племянницы, не учись я в Хардвике. Или не будь моей фамилией Кендрик.

— Вы написали статью об Эдмунде Пирсе, — произнесла я, решив не ходить вокруг да около. — Ту, в которой говорилось, что Пирс — бесспорная кандидатура на должность, и президент совсем скоро выдвинет его на кандидатуру, — журналист явно не ждал услышать от меня подобные слова.

— Кендрик, — произнес он. — Как Айви Кендрик?

Как будто он только что догадался об этом, — подумала я.

— А ты — Генри Маркетт, — продолжил мужчина, переводя наметанный глаз на стоящего рядом со мной парня. — Мои соболезнования насчет твоего дедушки.

Генри коротко кивнул.

— Спасибо.

Ещё несколько секунд журналист смотрел на Генри, а затем снова обернулся ко мне.

— Это касается статьи о Пирсе? — спросил он. — Анника сказала, что вам нужна была помощь с каким-то школьным проектом.

— Назовём это школьным проектом о статье Пирса, — я оскалила зубы в чём-то, отдаленно напоминающем улыбку. — Вы ссылались на анонимный источник, сообщая, что решение почти принято. Мне интересно — с чего вы взяли, что эта информация легальна?

— Вам интересно, кто мой источник, — перевел журналист. Он начинал походить на человека, которому нужно выпить. — Вам стоит просмотреть закон, освобождающий журналистов от обязанности раскрывать личности источников конфиденциальной информации, — сказал он. — Для вашего проекта. Или, — он перевел взгляд на Генри, — можете узнать, что Верховный Суд думает о стесненных обстоятельствах, в которых журналиста принуждают выдать свой источник.

— Это было бы важно, — вежливо ответил Генри, — если бы мы пытались получить информацию с помощью повестки в суд или связей с правительством штата и страны.

Карсон Двэк фыркнул, опуская руки в карманы.

— Смотрите, детки, всё, что я могу сказать — мой источник пожелал остаться неназванным, но с тех пор факты, которые я от него получил, были подтверждены.

Я подозревала, что за часы, последовавшие за публикацией статьи, он много раз проговаривал чуть менее снисходительную версию этих слов.

— Что, если бы у нас было что-то, чего вы хотите? — прямо спросила я. — Тогда вы смогли бы направить нас в правильном направлении?

Похоже, эти слова застали его врасплох. Он едва заметно улыбнулся.

— И чего же такого я, по-вашему, могу хотеть? — потакая мне, спросил он.

— Эксклюзивное интервью со скорбящим внуком судьи Маркетта, — я увидела в глазах Двэка проблеск интереса. Смерть Теодора Маркетта была важной новостью, а Генри был не просто трагической фигурой — он был молод, привлекателен, обеспечен и трагичен.

— Звучит скорее как статья для журнала «People», чем что-то для «Post», — прокомментировал журналист. Но он не отказался.

— Это значит, что вы не заинтересованы? — напрямик спросила я.

— Это значит, — ответил Двэк, — что я не стану нарушать принципы журнализма ради какой-то чепухи.

— Что, если это будет не чепуха? — возразил Генри.

Я уставилась на него. Что он творит? Это — чем бы оно ни было — не было частью плана.

— Без обид, сынок, но что у вас есть такого, что могло бы принести мне Пулитцеровскую премию?

В моей голове зазвенел сигнальный колокол. *Он не станет*, — в ужасе подумала я. Я попыталась поймать взгляд Генри.

— Не для прессы? — проигнорировав меня, Генри сосредоточился на Карсоне Двэке. Журналист кивнул.

— У меня есть основания полагать, что моего деда убили. И, — продолжил Генри, — я думаю, что Белый Дом пытается это скрыть, — он шагнул вперед. — А теперь, — сверкая глазами, произнес он, — кто ваш источник?

Двадцать минут спустя журналист ушел, а я обдумывала идею убийства Генри Маркетта.

— Ты, — начала было я, но я не знала, что ещё сказать. — Ты, — повторила я.

— Я предал это огласке, — спокойно подсказал Генри. — Ты получила что хотела, а я убедился, что твоя сестра не сможет скрыть происходящее.

Айви меня убьет. А я убью Генри.

— Этого не было в плане, — сказала я ему, ткнув пальцем ему в грудь.

— Этого не было в твоём плане, — ответил он. — Я не говорил, что у меня нет собственного.

Судя по всему, его план заключался в том, чтобы рассказать прессе обо всём, что мы знали — о том, что отец Вивви был замешан в смерти судьи Маркетта, о последующем суициде доктора, существовании одноразового телефона и подозрениях, что в этом замешан кто-то из других властных людей с политическими связями.

Хуже всего было то, что я помогла ему это сделать. Я сама организовала встречу.

— Они не станут печатать ничего, основываясь только на твоих словах, — сказала я Генри.

— А значит, — отметил Генри, — расследовать это дело будет не только твоя сестра. Наш друг из «Post» уже считает это своим Уотергейтским скандалом.

Генри обладал редким даром звучать разумно вне зависимости от слов.

— Если ты закончила с молчаливым осуждением, — прокомментировал Генри, — могу я привлечь твоё внимание к той информации, что мы получили взамен?

Я представила, как сворачиваю ему шею. В терапевтических целях — но это не очень-то помогло. Нехотя, я подумала о том, что Карсон Двэк сказал нам об источнике истории Пирса.

— Я скажу вам то, что сказал твоей сестре, — произнёс он, указывая на меня. — Наводка пришла из западного крыла Белого Дома и больше я не скажу ни слова.

Отбиваясь от давящего чувства в своём желудке, я попыталась не думать о первой части предложения.

— Из западного крыла Белого Дома, — я сосредоточилась на этой части и произнесла слова вслух. Это не должно было меня удивить. Откуда ещё журналист мог узнать о том, кого президент планирует выдвинуть на должность в Верховном Суде?

Я думала, что наводка пришла от Уильяма Кейса. Прежде чем мы услышали другой ответ, я даже и не осознавала, что ждала именно этого. Кейс пытался убедить Айви поддерживать Пирса. Он организовал встречу в Кэмп-Дэвис.

— Западное крыло Белого Дома, — повторил Генри. — Значит, мы говорим о президенте и его непосредственных подчиненных.

А значит, мы точно говорим не о каком-то новичке.

— Даже если бы мы знали, кто именно слил эту информацию, — продолжил Генри, — мы не можем отбрасывать вероятность, что приказ поступил от президента Нолана.

Генри считал это разоблачением. Президент был в Кэмп-Дэвис с Пирсом и отцом Вивви. Президент был на благотворительном вечере «Фонда Кейса» в вечер перед так

называемым сердечным приступом судьи Маркетта. Кто-то из его сотрудников слил в прессу историю, предназначенную для того, чтобы помочь Пирсу получить должность.

— Айви проверила президента, — внезапно произнесла я. Мы с Генри ещё не говорили об этом. За последние несколько дней он был слишком занят, избегая меня. — Если кто-то отравил твоего дедушку в тот вечер, это был не президент. Его снимали практически всё время.

Генри зацепился за тоже слово, что и я.

— Практически.

Я взглянула в сторону кофейни. Вивви смотрела на нас. Рано или поздно мне придется рассказать ей о происходящем.

Через секунду тётя Вивви повернулась в нашу сторону.

Я схватила Генри за руку.

— Выгляди естественно, — сказала я ему, поворачиваясь и натягивая улыбку.

В ответ он закинул руку мне на плечо.

— Я всегда выгляжу естественно.

Мы принялись идти. Тётя Вивви отвернулась, но Генри не убрал руку с моего плеча.

— Ты когда-нибудь думала о том, — негромко и вежливо спросил он, — что президент не должен делать грязную работу своими руками? Даже если ты считаешь, что он не мог отравить моего деда, это не значит, что кто-то другой не мог сделать это по его приказу.

То же самое можно было сказать и об Уильяме Кейсе — да и о каждом, кто был на этой фотографии, или каждом, кто провел те выходные в Кэмп-Дэвис, но не попал на снимок.

Я озвучила эту мысль.

— Кто ещё был там? — спросил у меня Генри.

Я не знала, сколько ещё людей там было — но я знала, что там была Айви. Я не могла сказать об этом Генри. Не зная то, как он относился к моей сестре.

— Мне кажется, — так спокойно, так разумно произнёс Генри, — что наш дорогой друг журналист упомянул, что твоя сестра нашла его раньше нас, — Генри наконец опустил свою руку и остановился. — Она знает обо всём, что знаем мы.

— В этом нет ничего плохого, — сказала я, думая лишь о том, как Айви просила меня ей довериться и утверждала, что проверка журналиста того не стоит.

— Моя сестра в этом не замешана, — отогнав эти мысли, сказала я Генри. — Она на нашей стороне.

Генри снова потянулся ко мне, легко коснувшись моей кожи.

— Возможно, она на твоей стороне, — негромко произнес он. — Но точно не на моей.

На противоположной стороне фойе Вивви и её тётя поднялись на ноги, собираясь покинуть кафе.

— А я на твоей стороне? — спросила я у Генри. — Или я тоже враг?

Он использовал меня, чтобы организовать эту встречу, и всё это время у него был собственный план. Я не могла винить его за это. Если бы убили моего дедушку, я бы сделала то же самое.

— Ты мне не враг, — произнёс Генри, снова опуская руку и делая шаг назад. — Но это не значит, что наши цели совпадают.

Следующий день был воскресеньем. Не считая школьных проектов, я всё ещё была наказана. А на языке Айви это значило, что я сидела дома, абсолютно ничего не делая, в то время как она покидала его и занималась Бог знает чем. У меня появилось расплывчатое ощущение, что дело приняло новый оборот, но я понятия не имела, в чём заключался этот поворот, что она знала и что скрывала.

Я рассказала Вивви о том, что мы узнали. Она рассказала мне о том, что её тётя узнала Генри, но не узнала меня. Судя по всему, она сочла меня его девушкой. Совсем нестораживающе.

В половине четвертого мой телефон зазвенел. Радуюсь отвлечению, я ответила на звонок.

— Это твой любимый человек на земле, — сообщил мне Ашер.

— Нет, — сказала я, облачаясь на изголовье кровати. — Не любимый.

— Не стану смущать тебя, доказывая, что любимый, — невозмутимо ответил Ашер. — У нас есть проблемы поважнее.

— Проблемы? — на языке Ашера проблемами могло оказаться всё что угодно.

— Скорее «проблема», в единственном числе, — поправился Ашер. — Я только что говорил с Генри. Сегодня вечером он собирается пойти со своей матерью на правительственный ужин.

Звучит похоже на Генри.

— И?

— И, — с нажимом повторил Ашер, — Генри собирается пойти со своей матерью на правительственный ужин.

Он сделал паузу, видимо, ожидая моей реакции.

Я промолчала.

— Генри избегает официальных мероприятий, как чумы, — объяснил Ашер. — Его мать постоянно на них приглашают — её семья, скажем так, довольно обеспечена, с горой международных фондов. Но никто не ожидал, что она выйдет в свет так скоро после смерти Тео, — Ашер наконец сделал паузу и перевел дыхание. — Моё паучье чутье подсказывает, что на мать Генри не просто так нахлынуло внезапное желание почтить королеву Дании.

— Нет у тебя паучьего чутья, — машинально сказала я Ашеру.

— У меня есть чутье Генри, — решительно сказал Ашер. — И, говорю тебе, когда мы разговаривали, он вёл себя очень таинственно. Думаю, он уговорил свою мать пойти на этот ужин. А значит, он по собственному желанию наденет фрак и галстук-бабочку и отправится в толпу людей в одежде с блессточками, которые будут рассказывать ему, как сильно они сожалеют о его потере.

Я решила, что блесточки были преувеличением, но сосредоточилась на остальных словах Ашера.

— Ты правда думаешь, что пойти на этот обед было идеей Генри?

— Да, — объявил Ашер. — Только не могу понять, почему.

К сожалению, я знала, почему.

— Кто ходит на такие мероприятия? — с нехорошим предчувствием спросила я.

— Три сотни ближайших коллег и друзей президента, — Ашер сделал паузу, размышляя. — Члены кабинета министров, вице-президент с семьей, разные губернаторы, спонсоры, руководители фирм, кинозвезды, профессиональные спортсмены, филантропы, конгрессмены и с полдюжины крутых политиков.

Несколько секунд я молчала.

— Какой у Генри номер телефона?

Когда он продиктовал мне его, я повесила трубку, взглянула на телефон и позвонила.

— Алло, — с фирменным спокойствием в голосе ответил Генри.

— Что ты творишь? — не утруждаясь приветствиями, спросила у него я. Видимо, он узнал мой голос, потому что он не стал спрашивать, кто это.

— Сейчас я читаю «The Economist».

— Ты идешь на правительственный ужин? — выдавила я.

— Я так понимаю, тебе позвонил Ашер.

— Что ты задумал, Генри? Почему ты туда идешь?

— Моей маме нужен был спутник, — Генри был хорошим лжецом. Но недостаточно хорошим.

Ты мне не враг. Но это не значит, что наши цели совпадают. У Генри была цель. У него был план.

И он шел на этот ужин по причине, никак не связанной с его матерью.

— У тебя есть план, — сказала я. — Учитывая то, что благодаря этому плану ты окажешься в компании нескольких сотен влиятельных политических личностей, мне как-то некомфортно.

— Можешь не волноваться, Тэсс. Я могу о себе позаботиться.

Пока он не сказал, что может о себе позаботиться, я не думала о том, что то, что он планировал на сегодняшний вечер, могло быть опасно.

— Что ты собираешься сделать? — мягко спросила я.

— Просто приду туда. Повидаюсь с людьми. Позволю им меня увидеть.

Увидеть его. С чего бы Генри хотел, чтобы его увидели?

— Генри, либо ты скажешь, что именно ты собираешься сделать, либо я скажу своей сестре, что ты что-то задумал.

Тишина на другом конце провода заметно похолодела.

— Ладно, — сухо произнёс он, испепеляя меня взглядом сквозь телефон. — Мне просто интересно, не решил ли Карсон Двэк расспросить свой источник из Белого Дома об убийстве моего дедушки и не заинтересовался ли этот источник тем, откуда у Карсона такая информация.

Несколько секунд я усваивала его слова. Генри рассказал журналисту всё, что мы знали. Я поверила в то, что он сделал это, чтобы дело расследовала не только Айви.

Но если журналист решил расспросить своего источника, а этот источник как-то замешан в сговоре... Мысли одна за другой проносились в моём мозгу.

— Ты пытаешься выманить третьего игрока, — осознала я.

Мне хотелось верить, что Двэк не расскажет о том, что именно Генри поведал ему об убийстве. Хотелось верить, что Генри не планировал это с самого начала.

— Вот оно что, — сказала я. — Ты решил привлечь к себе внимание, а потом разгуливать на правительственном ужине, чтобы посмотреть, кто проглотил наживку?

— Уверяю тебя, я не собираюсь там разгуливать.

— Уверяю тебя, — ответила я, — это не сработает. Даже если третий заговорщик узнал, что ты задаешь вопросы, даже если он считает, что ты слишком много знаешь, они не станут ничего делать на глазах у трёх сотен ближайших друзей президента.

Я почти слышала, как в ответ на эти слова на лице Генри появилась тонкая, резкая улыбка.

— Тогда тебе не стоит обо мне волноваться, — сказал он. — Не так ли?

Я повесила трубку. Несколько секунд я успокаивалась и обдумывала происходящее. В толпе и с охраной с Генри наверняка всё будет в порядке. Но я не могла выбросить из головы мысли о том, что дедушку Генри, вероятно, отравили на таком же пышном мероприятии.

Стиснув зубы, я сделала всё, на что была способна. Я позвонила Айви. Никто не ответил. Я позвонила Боди. Никто не ответил. Где они? Я позвонила Адаму. Нет ответа. Снова Айви. Ничего. Я продолжила звонить.

Четыре часа вечера. Быстрый интернет-запрос показал, что правительственный ужин в честь королевы Дании начинался в 7:30.

Я позвонила ещё раз. Всё ещё никакого ответа.

Генри это сделает. А я не смогу его остановить. *Ладно*, — мрачно подумала я и перезвонила ему.

— Я иду с тобой, — мои слова звучали в равной мере как обещание и угроза.

— По каким приглашениям? — спросил Генри. — Если твоя сестра не горит желанием в последнюю минуту подыскать тебе пригласительные — а мы оба знаем, что это не так — ты не сможешь туда попасть.

Он был прав. Проскользнуть на правительственный ужин — это вам не пройти в кино без билета. Скорее всего, это уголовное преступление.

— Ты совершаешь большую ошибку, Генри.

Несколько секунд он молчал.

— Думаю, — наконец произнёс он, — других я не делаю.

Он повесил трубку. Я снова позвонила Айви. Затем Боди и Адаму. Да где же они?

Наконец, я перезвонила Ашеру.

— У нас проблема.

— Не стану упоминать, что я тебя предупреждал, — ответил Ашер. — Но давай просто помолчим минутку и подумаем о том, что я был прав.

У меня не было времени на его сарказм.

— Что надевают на правительственный ужин? — спросила я.

— А что? — спросил Ашер. — Мы приглашены?

— Ты — нет, — ответила я. — Но, если мне очень повезет, то я буду.

— Я бы сказал, что это невозможно, — ответил Ашер, — но ты — Тэсс Кендрик. Моё паучье чутьё подсказывает мне, что ты хороша в невозможном.

Закончив разговор с Ашером, я в последний раз позвонила Айви. Где бы она не была и чем бы она не занималась, она не взяла трубку. Я записала номер, который раздобыл для меня Ашер, и позвонила по нему.

— Алло?

— Анна? — произнесла я. — Это Тэсс Кендрик.

— Тэсс! — кажется, дочь вице-президента была рада меня слышать. — Что нового?

Я подошла к окну и взглянула на газон перед домом Айви.

— Мне нужна услуга.

Ашер должен был привезти мне какую-нибудь одежду. Вместо этого, он привез мне свою близняшку.

— Я делаю это не ради тебя, — сказала мне Эмилия, вручая своему брату три чехла для платьев. Он услужливо принял их. — Кажется, Ашер считает, что от твоего присутствия на этом правительственном ужине зависит благополучие Генри, — она окинула взглядом вестибюль и, видимо, решив, что он не подходит, поднялась по спиральной лестнице. Она разбила лагерь в моей спальне и выдвинула из-за стола мой стул.

— Садись.

Я мучительно взглянула на Ашера и села.

— У нас не слишком много времени, — сказала мне Эмилия, открывая косметичку, больше похожую на ящик для инструментов. — Не двигайся.

За следующие полтора часа я убедилась в том, что Эмилия Роудс была либо дьяволом воплоти, либо следующей Коко Шанель.

Второй вариант предложила она сама.

К тому времени, как я начала примерять платье, она вышвырнула Ашера из комнаты.

— Тебе повезло, что Ди постоянно ходит на такие мероприятия, — сказала она мне. — И у вас примерно один размер.

К сожалению, мне не повезло со вкусом дочери посла по отношению вырезов. Когда я отвергла уже второе платье из-за слишком глубокого декольте, мне казалось, что Эмилия убьет меня щипчиками для подкручивания ресниц, но она просто кивнула на третий чехол.

— Либо это, либо ничего, — сказала она мне.

Платье было темного, сапфирово-синего цвета. Оно было длинным, с подходящим корсажем и струящейся юбкой. Я окинула взглядом вырез.

— Вот, — Эмилия сняла его с вешалки и приказала мне повернуться. Она помогла мне надеть платье и застегнула его. Я взглянула на свою грудь и, увидев, что она надежно прикрыта, позволила себе повернуться к зеркалу.

Сияющая синяя ткань походила на струящуюся воду. Платье было присборено на талии, а его нижняя часть касалась пола, широкая юбка слегка подрагивала, когда я поворачивалась. Корсаж сидел на мне идеально, облекая каждый изгиб моего тела. Свет играл на россыпи бисера.

— Ну? — спросила Эмилия.

Я заставила себя оторвать взгляд от собственного отражения.

— Подойдет.

Эмилия шагнула ко мне, изучая свою работу. Она протянула руку и поправила завиток волос у моего лица.

— Почему ты это делаешь? — я не смогла удержаться от вопроса.

Эмилия взглянула на меня.

— Ашер — милый близнец. Он нравится людям, — она сделала паузу. — А я делаю своё дело, — она вручила мне тюбик губной помады. Я уставилась на него, как на змею. — На случай, если понадобится подкрасить, — отрывисто объяснила она. Видимо, она больше не собиралась рассказывать о причинах своих действий. Внизу кто-то позвонил в дверь. Я

глубоко вдохнула.

Голос Эмилии остановил меня на пути к двери.

— Если бы я спросила, что происходит, ты бы мне рассказала?

Я взглянула на неё.

— Так я и думала, — отводя взгляд, произнесла она. — Не волнуйся. Обычно люди доверяют Ашеру, — в дверь снова позвонили, и Эмилия прошла мимо меня. — Что бы ты ни делала, — сказала она, — не испортить всё.

Мне удалось спуститься вниз без особых потерь, но я была на волосок от гибели. Эмилия не принесла мне обуви, так что мы одолжили пару туфель Айви. К счастью, у моей сестры была довольно обширная коллекция.

Когда я добралась до двери, Ашер открыл её для меня. На пороге стоял мужчина в темно-синем костюме. Он протянул мне карточку.

— Срочная доставка, — произнёс он. — С разрешения вице-президента Хэйдена.

Приглашение было написано на белой полотняной бумаге. Сверху красовалась золотая печать — орел в окружении звезд в настолько мелких деталях, словно его рисовали от руки. Под ним красивым почерком было написано, что президент и Миссис Нолан почтут за честь увидеть Терезу Кендрик на ужине в честь Её Королевского Величества, королевы...

Дойдя до слова «королева», я перестала читать.

Доставивший приглашение мужчина указал на свою машину.

— Мисс Хэйден подумала, что вас будет нужно подвезти.

Я взглянула на Ашера и Эмилию.

— Как я и говорил, — сказал Ашер, забрасывая руку на плечо своей сестры, — ты хороша в невозможном.

Как оказалось, заполучить приглашение на правительственный обед было куда проще, чем ходить на каблуках и в вечернем платье. Мне удалось миновать охрану Белого Дома без происшествий, но я с трудом удерживала равновесие. Высоко подняв голову и стараясь не скрипеть зубами, я прошагала мимо фотографов, запечатлявших прибытие гостей президента. Мои каблуки громко стучали по мраморному полу, а сердце грохотало в грудной клетке. Подол платья шелестел у моих ног, когда меня провели в длинный коридор с массивными колоннами. От моей цели меня отделяла красная ковровая дорожка длиной с дом Айви. Над моей головой висели хрустальные люстры.

Без труда, — подумала я, — не будет результата.

Я шаг за шагом передвигалась по ковровой дорожке, не сводя глаз со своей цели. Когда я шагнула в обширную комнату для приемов на другом конце коридора, несколько гостей президента заметили моё появление — и один из них замер, словно солдат.

Будет преуменьшением сказать, что Генри Маркетт был удивлен увидеть меня здесь. Когда шок прошел, он направился ко мне, пробираясь сквозь толпу дизайнерских платьев и смокингов с вежливой улыбкой на лице и убийственным взглядом. Я взяла карточку, на которой был обозначен мой столик, и подождала его прибытия.

Ждать пришлось не долго.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил у меня он. Я взяла его под руку, словно он сам предложил её мне — частично чтобы рассердить его, а частично — чтобы удержаться на ногах.

— Я же сказала, что не позволю тебе сделать это в одиночку, — с такой же формальной и вежливой улыбкой ответила я. — Я сижу за двенадцатым столиком. А ты?

Мы прогуливались по краям обширной комнаты овальной формы.

— Я даже не желаю знать, как ты это провернула, — сказал он. В смокинге его манера речи не выглядела настолько неуместной, как в коридорах Хардвика.

К нам подошел официант и предложил нам закуски. Я заметила на другом конце зала президента и Первую Леди — они стояли у четверки окон с видом на газон перед Белым Домом рядом с женщиной постарше в орденской ленте и короне. Я предположила, что это и была королева Дании.

— Я почти уверена, что это плохая идея, — сказала я Генри.

Он элегантно пожал плечами.

— Зал набит личной охраной президента. Что может пойти не так?

Прежде чем я успела ответить, к нам подошла его мать в простом черном наряде с облегающими её плечи рукавами.

— Тэсс, — произнесла она. — Я так и думала, что это ты. Твоя сестра здесь?

Она огляделась по сторонам, словно ожидая, что Айви может появиться в любой момент.

— Нет, — сказала я. — Моя школьная подруга должна была прийти, но в последний момент она заболела и решила, что я буду рада пойти вместо неё, — я не удержалась и снова взглянула на президента и Первую Леди. — Судя по всему, я уже прошла проверку для посещения Белого Дома.

— Конечно же, прошла, — сухо произнёс Генри.

На противоположном конце зала Нолены заметили нас и принялись пробираться к нам через толпу. Сама того не желая, я шагнула ближе к Генри.

Президент остановился перед матерью Генри.

— Ваше Величество, — он обратился к пожилой женщине, которую держал под руку, — позвольте представить вам Памелу Эбеллард-Маркетт.

Королева взглянула на мать Генри.

— Насколько я понимаю, я знакома с вашим отцом, — сказала она с едва заметным акцентом. — Луи Эбеллард? — она увидела Генри и обдумала двойную фамилию миссис Маркетт. В её глазах мелькнула скорбь.

Мать Генри тоже это заметила. На её лице мелькнула признательность, и она сделала реверанс так естественно, что это даже не показалось мне странным.

— Это мой сын — Генри, — сказала она, — и его подруга Тэсс.

Джорджия Нолан взглянула на нас с Генри с блеском в глазах.

— Чуть позже будет играть военный оркестр, — сказала она Генри. — Вы с Тэсс просто обязаны потанцевать.

Слова больше подходили свахе, чем человеку, считавшему нас с Генри угрозой. Президент и вовсе с нами не заговорил. Нолены продолжили приветствовать гостей, а мы с Генри переглянулись.

Либо они прекрасные актеры, — подумала я, — либо они понятия не имеют о том, что мы общались с прессой.

Генри прочитал выражение моего лица и слегка изогнул бровь. *Подожди, — почти услышала я, — и увидишь.*

Вскоре все собрались у парадной лестницы. Были объявлены президент, Первая Леди и Её Величество. Постепенно гости перебрались в парадный обеденный зал, словно Золушка отправившаяся на бал.

После ужина в Восточном Зале действительно были танцы. Музыка эхом отбивалась от двадцатифутового потолка, а три люстры освещали собрание элиты Вашингтона. Краем глаза я заметила, как седеющий голливудский актер вывел свою жену-филантропа на танцевальную площадку. Остальные последовали его примеру, и Генри неохотно предложил мне руку.

— Я не танцую, — ровно ответила я.

— Танцуешь, — возразил он, — если хочешь осмотреть комнату, не выглядя нахальной.

Я одарила его своим лучшим отрешенным взглядом, но он был непреклонен.

— Генри, — выдавила я.

— Да?

Я отдалась неизбежному.

— Потанцуешь со мной?

Генри вывел меня на танцевальную площадку. Он опустил одну руку мне на талию и взял мою ладонь во вторую. Поколебавшись, я обвила его рукой. Когда мы пришли в движение, я, как могла, старалась не наступать ему на ноги. Он шагнул влево. Я вправо.

— Просто повторяй за мной, — произнёс он.

Почему-то мне показалось, что он имел в виду не только танец. Наконец, мы нашли подходящий ритм.

— Что мы ищем? — спросила я, пока мы кружились в танце.

— Человека, который за нами наблюдает, — ответил Генри.

Я снова нашла глазами Ноланов. Президент опустил руку на талию жены. За ним троица агентов из всех сил пыталась слиться с фоном. В дюжине ярдов от них Уильям Кейс разговаривал с женщиной лет сорока. Время от времени Кейс отрывал взгляд от своего собеседника, но смотрел он не на нас с Генри. Он смотрел на президента и Первую Леди.

— Улыбнись, — прошептал мне на ухо Генри. Нас щелкнул фотограф, и тут же поспешил сделать лучший снимок: президент ведет Первую Леди в танец. Для пары под шестьдесят они двигались довольно изящно.

— Что теперь? — спросила я у Генри, когда он вывел меня с танцевальной площадки.

— Теперь, — сказал он, — я немного прогуляюсь.

Прежде чем я успела ответить, Генри уже пробирался сквозь толпу к балкону. Он убедился в том, что его увидели, и удалился от толпы.

Сделав из себя мишень.

Я последовала было за ним, но меня тут же перехватил Уильям Кейс. В смокинге он смотрелся довольно элегантно. Властным, но безобидным.

Внешность бывает обманчива.

— Мисс Кендрик, — произнёс он. — Тэсс, правильно?

Вы знаете, как меня зовут. Это вы заставили полицию притащить Боди на допрос. Из-за вас они позвонили в социальные службы.

— Да, — сказала я Кейсу, глядя ему прямо в глаза. — Тэсс.

Я заглянула ему через плечо, стараясь найти Генри, но у меня ничего не вышло.

— Насколько я понимаю, вы проводили время с моим сыном, — взгляду отца Адама полагалось лишать людей самообладания. Его глаза были карими, почти как мои собственные, но в них сверкала жутковатая осведомленность — словно он знал, что ты ел на завтрак и как ты спишь по ночам.

— Адам предложил научить меня водить, — даже произнося эти слова, я чувствовала, что упускаю какую-то часть этого разговора. Словно мы играли в шахматы, но я не знала правил.

Чего вы хотите? — бдительно подумала я.

Кейс едва заметно покачал головой.

— Мой сын всегда питал слабость к вашей сестре.

Песня затихла. Первая пара закончила танец с размахом — жена президента грациозно прогнулась в спине, в то время как президент поддерживал её руками. Гости заплодировали и Ноланы вернулись в толпу. Я отвлеклась от отца Адама и постаралась проследить за ними обоими.

Где же Генри?

— Не откажете старику в танце? — не дожидаясь ответа, Кейс повел меня на середину комнаты.

Я попыталась сопротивляться, но он был элегантен и спокоен. Тогда-то я и поняла — план Генри заключался в том, чтобы пошуметь. Прийти сюда и увидеть, кто к нему подойдет. Но впервые мне в голову пришла мысль о том, что если журналист вернулся к своему источнику из Белого Дома, если кто-то сложил два плюс два и начал искать человека, рассказавшего журналисту о судье Маркетте, они могли решить, что это был не Генри.

Журналист встречался со мной.

— Прошу прощения, — я попыталась вырвать свою руку из хватки Кейса. — Мне нужно идти.

— Я не кусаюсь, — очень тихо пообещал мужчина. — Чтобы там не говорила ваша сестра.

На этот раз я с большей решительностью вырвалась от него, стараясь не привлекать к нам внимания. Я скользнула в толпу, и ко мне подошел мужчина в костюме. Я не сразу узнала его.

Личная охрана президента. Помня совет Боди, я попыталась вспомнить его имя. Это он стоял на крыльце дома, когда президент приехал к Айви.

— У вас всё в порядке? — спросил он, окидывая взглядом отца Адама.

— Костас, правильно? — спросила я. Едва заметная перемена в выражении лица мужчины показала, что Боди был прав. Знать имена было полезно. — Всё в порядке.

Я зашагала к балкону. Я должна была найти Генри. Его не было слишком долго. Здесь было слишком много людей. Президент. Джорджия. Уильям Кейс. И черт знает сколько ещё.

Кто из гостей работал в западном крыле Белого Дома? Кажется, я не хотела знать ответ на этот вопрос.

Я сделала три шага и врезалась в человека, на скорости направлявшегося в противоположную сторону. Айви. Я поняла, что это была она за миг до того, как она меня узнала. Когда мы столкнулись, она машинально протянула руку, чтобы удержать меня, но теперь её ладонь сжала мою руку чуть сильнее.

— Что ты здесь делаешь? — спросила у неё я. Её не было на ужине.

— Что я здесь делаю? — до ужаса спокойно спросила Айви. — Что я здесь делаю? — во второй раз завеса спокойствия начала соскальзывать. — Что ты здесь делаешь?

Я была наказана, но оказалась на мероприятии с высоким уровнем безопасности, куда можно было попасть только по приглашениям. Справедливый вопрос, но я думала лишь о том, что не могу найти Генри.

— Тэсс, — Айви легонько потрясла меня.

— Я пыталась тебе звонить, — я шагнула к ней, чтобы шептать ей на ухо. Она немного ослабила хватку. — Генри Маркетт знает. Он знает обо всём, что знаю я. Он всё знает, и он говорил с прессой. Он обо всём рассказал журналисту, который написал статью о Пирсе.

Айви побледнела. Через миг маска спокойствия вернулась на её лицо, её губы растянулись в приятной улыбке, от которой по моей спине побежали мурашки.

— Генри говорил о смерти своего дедушки, — повторила я, боясь замолчать. — И пришел сюда.

В глазах Айви блеснуло понимание.

— Он надеется, что кто-то услышал об этом.

— Мне нужно идти, — я постаралась протолкнуться мимо Айви.

Она подняла свободную ладонь и опустила руки мне на плечи.

— Несколько минут назад он ушел куда-то в одиночку. Я хотела пойти с ним, но меня остановил Кейс, — я продолжила говорить, стараясь вырваться из её хватки. — Я должна найти Генри.

— Нет. Это я должна найти Генри, — с нажимом ответила Айви. — А ты представишься исландскому послу и скажешь, что учишься с его дочерью. Не отходи от него. Ничего никому не говори. Поняла?

Прежде чем я успела сказать хоть слово, она подтолкнула меня к отцу Ди. Он тут же

живо пожал мою руку, явно не собираясь отпускать меня. Айви исчезла в толпе, оставляя меня на растерзание очень воодушевленному исландцу, судя по всему, решившему прочитать мне лекцию об отношениях Исландии и Дании.

К тому времени, как мне, наконец, удалось от него отвязаться, Айви и след простыл.

Я зашагала в направлении, куда ушел Генри. Края комнаты были забиты людьми. Чем дальше я шла, тем сложнее становилось пробираться сквозь нарядную толпу, не толкаясь локтями.

— Тэсс, — чья-то рука легко опустилась мне на плечо. — Всё в порядке?

Джорджия. Я попыталась сделать шаг назад, но внезапно она надавила на моё плечо.

— Насколько я поняла из слов твоей сестры, произошёл инцидент, — произнесла Джорджия. Выгляда так, словно мы болтаем о погоде, она взяла меня под руку и развернула меня по направлению к центру комнаты. — Важно, чтобы мы оставались спокойны и позволили надлежащим органам разобраться с этой... неприятной ситуацией.

Органам? Что она знала? Что Айви ей рассказала?

— Что за инцидент? — вслух спросила я.

— Инцидент, — повторила Джорджия. — С журналистом.

Журналист, — подумала я. — Первая Леди знает, что мы с Генри общались с журналистом.

Айви нигде не было видно. Я не видела Генри больше пяти минут. Оглядев комнату, я не нашла и президента.

Будь спокойна. Думай. Я должна отсюда выбраться. Я должна найти свою сестру, или Генри, или их обоих.

Первая Леди изучила меня настолько же осведомленными, как у Уильяма Кейса, глазами.

В тот самый миг, когда она открыла рот, рядом с нами появилась Айви. Она сказала что-то Джорджии так тихо, что я не расслышала, и вывела меня из комнаты.

Я попыталась обернуться, чтобы взглянуть на свою сестру, но она с силой развернула меня лицом вперед.

— Генри...

— С ним всё в порядке, — спокойно ответила Айви. — И будет в порядке, пока с ним не закончит его мать.

Покинув Белый Дом, мы миновали две группы охранников. Когда мы вышли из восточного входа, я попробовала снова.

— Что там произошло? — спросила я, чувствуя себя крохотной рядом с огромными колоннами, напомнившими мне о том, что я находилась в Белом Доме. Центре власти целой страны — в каком-то смысле, даже целого мира. — Джорджия знает о журналисте.

— Она знает, — резко ответила Айви, — что журналист мертв.

— Мертв? — слово застряло у меня в горле. Мужчина, с которым мы говорили за день до этого — тот, кому Генри рассказал о смерти своего дедушки — был мертв?

— Полиция нашла его тело в переулке, — несмотря на то, о чём она говорила, в словах Айви не было ни грамма эмоций. — Кто-то перерезал ему горло.

К нам подъехал Боди. Прежде чем я успела открыть рот, моя сестра силой засунула меня на заднее сидение, а сама села на переднее.

— Что здесь происходит? — спросил у Айви Боди, кивая в мою сторону.

— Тэсс и Генри Маркетт решили, что правительственный ужин — подходящее место для игры в наживку, — в словах Айви звучала едва сдерживаемая ярость.

Я не могла перестать размышлять. Кто-то убил журналиста. *Убийца здесь? Он знает о нас?* Внезапно, на моей коже выступил пот. Мои пальцы впились в сидение.

— Национальный Рейгана, — сказала Айви Боди. Он повернулся и одарил её взглядом, который я не смогла разгадать с заднего сидения, но она уже говорила по телефону. — Адам, — произнесла она. — Мне нужна услуга. Можешь заехать домой и собрать сумку для Тэсс?

Что?

Видимо, на другом конце провода Адам задал тот же вопрос, и Айви ответила на него.

— Да, я уверена, Адам, — она сделала паузу, чтобы выслушать его, и снова заговорила. — На неопределенный срок.

— Неопределенный срок? — я наконец-то смогла выговорить связное слово. — Что

значит, на неопределенный срок? Почему Адам собирает мне сумку?

Айви не ответила. Я переключилась на Боди.

— Что значит «Национальный Рейгана»?

Боди мельком взглянул на меня в зеркало заднего вида.

— Аэропорт, — ответил он.

Аэропорт. Сумка.

— Я никуда не полечу, — в панике заявила я. — Я не собираюсь никуда лететь. Айви!

Она меня даже не слушала. Закончив разговор с Адамом, она позвонила по другому номеру.

— Стэтсон, — произнесла она с улыбкой в голосе. Пусть я и не видела её, но я знала, что эта улыбка не отразилась на её лице. — Айви Кендрик. Мне нужна услуга.

Вскоре стало ясно, что под услугой Айви подразумевала самолет.

Меньше, чем через час после того, как мы покинули Белый Дом, она сажала меня в этот самолет.

Я стояла на частной авиаполосе, у частного самолета, в который мне было приказано сесть. У меня даже не было времени задуматься о том, когда я успела стать девушкой, носившей бальные платья и летавшей на частных самолетах.

— Айви, — где-то в сороковой раз произнесла я. — Что происходит?

На этот раз она ответила.

— Происходит то, — её голос прорезал окружающий нас шум ветра, как раскаленный нож прорезает масло, — что сегодня днём Карсона Двэка убили.

Меньше, чем через сутки, после того, как он поговорил со мной и Генри.

— Происходит то, — продолжила Айви, — что, возможно, его убийца был на ужине сегодня ночью, — Айви полностью сосредоточилась на мне, глядя на меня с пугающим напряжением. — Происходит то, что я пришла в Белый Дом, чтобы рассказать об этом президенту и встретила тебя. Происходит то, Тэсс, что ты нарисовала на своём лбу огромную мишень, и я вытащу тебя отсюда, — она мельком взглянула на своего водителя. — Боди полетит с тобой.

В ответ Боди коротко кивнул.

— Ты меня отсылаешь, — это был не вопрос. Не знаю, зачем я сказала это вслух. Моя грудная клетка сжалась, и каждый новый вздох давался мне с трудом. — Айви, я не хотела...

Айви шагнула ко мне, сокращая разделявшее нас пространство.

— Тэсс, сейчас мне плевать на то, что ты хотела сделать. Я попросила тебя об одном. Попросила тебя держать рот на замке, — её губы едва заметно дрожали. — Я попросила тебя довериться мне, — она отвернулась, словно не могла больше на меня смотреть. — Думаю, я должна была знать, что прошу слишком многого.

Я почувствовала себя так, словно она ударом выбила из меня дыхание.

— Айви, я...

— Дай мне свой телефон, — она не собиралась меня слушать. Она закрылась. Она отталкивала меня. Я отдала ей телефон. Она вытащила батарею, бросила телефон на асфальт и раздавила каблуком.

— Айви.

Несколько секунд Айви глядела на разбитый телефон, а потом подняла голову.

— Он тебе не понадобится, — сказала она и обернулась к Адаму. — Ты привёз её сумку?

Адам протянул её мне. Я не пошевелилась. Если я её не возьму, то всё это — не по-настоящему.

— Можешь лететь со своими вещами, — спокойно произнесла Айви, — или без них, но богом клянусь, Тэсс, ты сядешь в самолет, даже если мне придется накачать тебя снотворным.

Адам опустил руку на её плечо. Она отрывисто вздохнула. Я перевела взгляд на стоявшего в нескольких шагах от нас Боди.

— Садись в самолет, мелкая, — мягко произнёс он.

— Вы не можете так поступить, — сказала я. Я обращалась к Боди, Айви и Адаму, который не сказал ни слова, с тех пор, как приехал.

— Могу, — ответила Айви, — и поступлю, — на миг мне показалось, что на этом она и закончит, но она продолжила. — Я здесь взрослая. Я принимаю решения. А ты — ребенок, — она робко поднесла руку к моей щеке. — Ты мой ребенок.

— Айви, — Адам произнёс только её имя, но она отреагировала так, словно он сказал что-то другое.

— Нет, Адам. Если она никогда не станет мне доверять, если вечно будет меня ненавидеть, пусть ненавидит меня по правильной причине.

Я не ненавижу...

Я даже не успела закончить свою мысль, потому что внезапно Айви снова заговорила, и мне стало тяжело дышать.

— Ты мой ребенок, — повторила она. — Мой, Тэсс.

Я сказала себе, что она имеет в виду то, что теперь она за меня отвечает.

— Я не твоя сестра, — эти слова я не могла понять неправильно. — Я никогда не была твоей сестрой.

Я не понимаю.

Я не хочу понимать.

— Мне было семнадцать, — Айви приобняла себя руками. — Он был молод, совсем недавно поступил на военную службу. Я в первый и последний раз в жизни по-настоящему жила. А потом я узнала...

Узнала. Узнала. Узнала. Слова эхом отдавались в моей голове.

— Я была в твоём возрасте, Тэсс. Я была ребенком, так что, когда мама с папой решили, что лучше им растить тебя, я согласилась, — она дважды повторила эти слова. — Я согласилась.

Я помню похороны моих родителей. Помню, как моя сестра несет меня вверх по лестнице. Помню, как моя голова опускается на грудь Айви.

Вот только Айви говорила, что они не были моими родителями. Они не были моими родителями, а она не была моей сестрой.

Она была моей матерью.

— Я уберегу тебя, — дрожащим голосом сказала мне Айви. — Я должна.

Я стояла там, глядя на Айви. Сотни тысяч мыслей и воспоминаний кружились в моей голове.

Затем я села в самолет.

И развалилась на части.

Когда самолет приземлился, я довольно долго сидела там, глядя прямо перед собой, ощущая себя безбилетным пассажиром в чужом теле. Мои конечности казались мне тяжелыми. Я чувствовала себя так, словно больше никогда не пошевелюсь.

Мне было семнадцать, — сказала Айви.

Я не хотела вспоминать её слова. Не хотела представлять Айви в моём возрасте. Не хотела думать о годе, который мы провели в одном доме — до того, как она уехала в колледж, и я осталась с мамой и папой.

Не мамой. Не папой.

Это было нечестно. Нечестно, что они умерли, и Айви искривила те несколько моих воспоминаний о них так, что я больше их не узнавала.

Мои родители умерли, когда я была ребенком. Сколько раз я произносила эти слова? Но это не было правдой. Всё это не было правдой. Я не была сиротой. Я никогда не была сиротой. Женщина, которая меня родила, была жива. А мой отец?

Он был молод, совсем недавно поступил на военную службу.

Девять слов — вот и всё, что я знала.

Мои родители никогда не были моими родителями, — подумала я, заставляя свой мозг формировать слова. — *А мой дедушка...* Я вспомнила о том, как дедушка забыл обо мне и решил, что Айви была его дочерью.

Дедушка знал, — внезапно осознала я. — *Конечно, он знал. Он мне лгал.*

Все они знали.

Я закрыла глаза, ныряя в воспоминания. Я помнила похороны. Помнила, как Айви несет меня вверх по лестнице. Помнила, как я сидела на полу перед Айви, пока она расчесывала мне волосы. Я помнила, как Айви опустилась рядом со мной на колени. Помнила, как я коснулась её влажной щеки.

Я помнила, как Айви плакала, и отдала меня.

В один миг вся моя жизнь была переписана.

— Мелкая, ты не можешь сидеть здесь вечно, — Боди позволил мне побыть одной, но теперь я почувствовала, как он проскользнул на соседнее сидение. Я не могла заставить себя открыть глаза и посмотреть на него, не желая видеть его взгляд.

Его жалость. Словно я была сломана.

Прежде чем Боди снова заговорил, прошло несколько минут.

— Знаешь, она спасла ваше ранчо.

Она — это Айви. Мои глаза щипали слезы. Я сглотнула, стараясь не слушать его.

— Она наняла кого-то, чтобы за всем присматривать, и каждый день проверяет его, — Боди говорил будничным тоном, словно каждое его слово не вырывало моё сердце из груди.

Айви спасла ранчо. Айви была моей...

— Хватит, — произнесла я. Мой язык, кажется, распух. Я заставила себя открыть глаза. — Почему ты говоришь об этом сейчас?

Боди забросил одну ногу на переднее сидение.

— Но это же заставило тебя открыть глаза, да?

Я не могла с этим поспорить.

— Где мы? — ровно спросила я.

Боди опустил руку на спинку моего сидения, но смотрел он прямо перед собой.

— Добро пожаловать в Бостон.

Бостон.

Мой дедушка выглядел в точности так же, как и всегда. За три недели, проведенные мною в Вашингтоне, я пыталась звонить ему с полдюжины раз. Мы говорили дважды. Он узнал мой голос всего один раз.

Но сегодняшний день был удачным.

— Ты ужасно выглядишь, медвежонок, — дедушка сидел за небольшим столиком у окна. Его палата принадлежала только ему и скорее походила на квартиру, но в ней не было ни кухни, ни плиты, а в соседнем коридоре находились медсестры. — Обнимешь старика, — проворчал он, — или тебя растили в хлеву?

Это была старая шутка, потому что, конечно, хотя бы частично, меня растили именно в хлеву. Мне удалось выдавить небольшую улыбку. Эмоции наваливались на меня одна за другой: тоска и благодарность, одиночество, пустота, надежда, которую я не позволяла себе чувствовать. Боль и предательство. Злость за то, что он так долго меня обманывал. Страх того, что рассердившись, я каким-то образом прогоню один из последних хороших для него дней.

Сглотнув зародившийся в горле комом, я подошла к окну. Я хотела обнять его, но не могла пошевелить руками.

Дедушка был рядом, был самым собой. Я любила его. Он был во мне, был частью меня. Он сделал меня такой, какой я была — и всё же я не могла заставить себя пошевелиться.

— Как они с тобой обращаются? — хрипло спросила я.

— Не пятизвездочный отель, — ответил дедушка. — Но сойдет.

— Я пыталась, — произнесла я. — Пыталась оставить тебя дома, — если мне удастся сосредоточиться на более ранней боли, мне не придется думать о нынешней.

— Ты боец, — ответил дедушка. — И всегда им была.

Всегда. Всегда. Всегда. Я всегда могла на него рассчитывать.

Всегда. Всегда. Всегда. Он с самого начала обманывал меня — фотографировал меня и посылал снимки Айви.

А она их хранила.

Пока я не почувствовала боль, я даже не замечала, что мои ногти впиваются в мою ладонь.

— Ты выглядишь худощавой, — дедушка медленно поднялся на ноги. — Твоя сестра что, тебя не кормит?

Я приобняла себя руками, хоть на самом деле я хотела обнять его.

— Она мне не сестра.

Он притянул меня к себе и обнял. Его огрубелая рука потрепала меня по голове.

— Знаю.

Мой первый день в Бостоне был лучшим днём для моего дедушки, словно вселенная решила прояснить его сознание, пока затуманилось моё. Следующий день не был хорошим. Третий день был ещё хуже.

Иногда он узнавал меня.

Иногда — нет.

В один из дней мы играли в шахматы. Он победил. На следующий день мы снова играли в шахматы. Победила я. Мне почти удавалось притворяться, что я сама решила приехать в Бостон. Что тот факт, что Боди караулил дверь и платил за наш мотель наличкой, ничего не значил.

Но.

Но потом я думала о Генри и гадала о том, присматривает ли кто-нибудь за ним. Я думала о Вивви и о том, объяснил ли ей кто-нибудь, почему мне пришлось уехать.

Я запретила себе думать об Айви.

Я заполнила свои дни шахматами и шашками. Мои ночи наполнились ночными кошмарами и призраками — перерезанные глотки и дырки от пуль, вальс президента и Первой Леди.

На четвертый день в Бостоне я пыталась собрать полную колоду карт, чтобы мы с дедушкой могли сыграть в покер. В этот момент кто-то переключил телевизор в общей комнате со старого фильма с Кларком Гэйблом на выпуск новостей. Я не обращала на них внимания, пока не услышала имени Эдмунда Пирса.

Я сжала игральную карту — пиковую девятку — мои глаза метнулись к телеэкрану.

— Сегодня утром претендент на должность в Верховном Суде — Эдмунд Пирс — был найден мертвым в своём доме в Фениксе.

Снимок Пирса уставился на меня с экрана. *Ты получишь деньги, когда мою кандидатуру выдвинут на должность.* Я почти слышала, как Пирс произносит эти слова. Почти видела это.

— Пока что о смерти судьи Пирса не было официальных заявлений, но ранние доклады предполагают, что её причиной послужила аневризма, — серьезное выражение лица репортера идеально подходило для подобных новостей. — По слухам, Пирс был одним из главных претендентов на должность в Верховном Суде после смерти судьи Теодора Маркетта ранее в этом же месяце. Пока что Белый Дом не комментирует то, как...

Кто-то переключил канал и вот так просто мы снова вернулись к Кларку Гэйблу. Я положила игральную карту и отправилась в фойе, к ближайшему выходу. Боди увидел, как я проходила мимо, и последовал за мной на улицу.

— Пирс мёртв, — подождав, пока за нами закрылась дверь, сказала я ему, вдыхая свежий воздух.

Боди прищурился.

— Сердечный приступ? — помрачнев, предположил он.

— Аневризма.

Боди достал из заднего кармана пачку сигарет. Он достал из неё сигарету и принялся катать её между двумя пальцами.

Слишком уж большое совпадение, — подумала я. Судя по выражению лица Боди, он думал о том же: скорее всего Пирс умер от аневризмы так же, как судья Маркетт умер от непредвиденных осложнений во время операции.

— Вивви думает, что её отца могли убить, — наблюдая за реакцией Боди, произнесла я.

— Вивви — умная девочка, — ответил Боди. Другими словами, он думал, что она права.

— Мне нужно ей позвонить, — сказала я. — Нужно позвонить Генри.

— Полегче, боксер.

— Это не шутка, Боди.

Он бросил сигарету на землю и раздавил её ботинком.

— Я не шучу.

Я это знала.

— Кто это делает? — негромко спросила я.

— Твоя сестра сказала бы тебе в это не вмешиваться.

Она мне не сестра.

— Но, насколько я могу сказать, — вяло продолжил Боди, — когда тебе говорят во что-то не вмешиваться, ты слышишь просьбу бодро и радостно влезть в это по уши. Постоянно. Вы с Айви очень похожи.

Я развернулась против ветра, не собираясь отступать.

— Кто это делает? — Боди повторил мой вопрос. — Если считать, что смерть доброго доктора не была самоубийством — а сейчас я в этом почти уверен — я бы сказал, что мы ищем человека с военной подготовкой. Скорее всего, спецназ, возможно, военная разведка.

Телефон Боди зазвонил. Айви. Я знала, что это она, настолько же ясно, как зрители знают, что главному герою фильма ужасов не нужно спускаться в тот подвал. Боди ответил на звонок и кивком приказал мне вернуться в здание.

Я зашагала по коридору к комнате моего дедушки.

Я бы сказал, что мы ищем человека с военной подготовкой.

Я подумала о том, что Айви была в Кэмп-Дэвид на тех выходных. Она рассказала мне, чего именно я не знала — кто сделал снимок, кто находился прямоком за границей кадра.

Кто ещё был там в день встречи Бхарани и Пирса? Моё дыхание участилось. *Адам?* Это ведь его отец организовал поездку.

Адам мог пойти на благотворительный вечер «Фонда Кейса»?

Я бы сказал, что мы ищем человека с военной подготовкой, — слова Боди преследовали меня. — *Скорее всего, спецназ, возможно, военная разведка.*

Адам служил в военно-воздушных силах. Адам работал на Пентагон.

Нет. Я свернула за угол. У двери комнаты моего дедушки стоял уборщик с горой одеял в руках. *Адам в этом не замешан. Не замешан.* Одно из одеял соскользнуло со стопки уборщика. Стараясь не думать об Адаме — об Айви и о Пирсе — я наклонилась, чтобы поднять одеяло.

— Вот...

Уборщик рванул вперед, впечатывая одеяла мне в лицо и перекрывая поток воздуха к моим легким, и плотно прижал меня к себе. Никакой не уборщик.

Не Адам. Эта мысль должна была успокоить меня — но не успокоила. *Слишком велик для Адама. Слишком высок.* Я попыталась высвободиться. *Слишком силён.* Я ничего не видела и не могла дышать. Человек, оказавшийся не уборщиком, собирался меня убить. *Я умру, задохнусь в шаге от комнаты моего дедушки.*

Я попыталась ударить моего захватчика локтем по подбородку. Затем я почувствовала укол в шею.

И мир поглотила темнота.

Я проснулась, не чувствуя своих запястий, с пульсирующей болью в висках. Сначала я видела лишь собственные ноги, связанные в лодыжках прозрачным пластиковым хомутом. Моя обувь исчезла.

Как и моя одежда.

От шока я пришла в себя. На мне было надето что-то вроде свободной хлопчатой сорочки. Осознание того, что кто-то снял мою одежду — что чьи-то руки раздевали меня, пока я была без сознания — заставило меня вздрогнуть.

Моё тело сотрясла тошнота. Я подалась вперед, насколько позволял тот факт, что я была привязана к металлическому стулу. Волосы упали мне на лицо, и меня стошнило на бетонный пол. Я не могла даже вытереть рот рукой, так что закашлялась.

Пол, — подумала я, стараясь сосредоточиться на деталях, с помощью которых я могла понять, где нахожусь. — *Бетонный пол.*

Я находилась в помещении. Оно было обширным — что-то вроде подвала. Без окон. С одной стороны собралась груда электрических проводов. Комната была тускло освещена, но даже от тусклого освещения моя голова пульсировала.

Уборщик накачал меня чем-то. Я вспомнила укол в мою шею и последовавшую за ним темноту. Возможно, головная боль была побочным эффектом. Но побочным эффектом чего?

Чем он меня накачал?

Яд? Я постаралась не думать о вероятности того, что судья Пирс умер вовсе не от аневризмы. Постаралась не думать о том, что кто-то отравил судью Маркетта.

Не просто кто-то, — подумала я. Я попыталась вспомнить, как выглядел уборщик, но у меня ничего не вышло. Я не обратила на него внимания. Темные волосы. Высокий рост. Вот и всё. Всё, что я увидела. Всё, что я знала.

Я попыталась ослабить веревки, качаясь из стороны в сторону. В результате я только упала на бок и ударилась головой. Сильно.

Я должна отсюда выбраться. Осознание этого помогло мне не больше, чем попытки вспомнить лицо уборщика. *Он меня убьет. Он знает, кто я. И он меня убьет.*

Айви отослала меня из Вашингтона, но недостаточно далеко.

Сосредоточься. Моя щека коснулась холодного пола. *Думай.* Я знала, что составление плана мне никак не поможет, но что мне оставалось?

Боди сказал, что мы искали человека с военной подготовкой. Я не могла думать о будущем. Я не могла думать о том, что может случиться со мной в этом подвале. Так что я принялась думать о человеке, который привёз меня сюда. В нём было что-то знакомое?

Думай, Тэсс.

Я вспомнила всё, что я знала — о Пирсе и отце Вивви, о журналисте, которому перерезали горло.

Наводка пришла из западного крыла Белого Дома и больше я не скажу ни слова.

Восточное крыло. Военная подготовка.

Сколько у президента подчиненных? Кто из них был на благотворительном вечере в день, когда отравили Тео Маркетта?

Кого из них Уильям Кейс мог пригласить в Кэмп-Дэвид?

Там был президент. Мой мозг переключился на это. Я не могла его остановить. *Там был президент. Там был президент.*

Но не президент Соединенных Штатов прижал к моему рту одеяла. Не президент Соединенных Штатов вколол что-то мне в шею и вырубил меня.

Там был президент.

Наводка пришла из западного крыла Белого Дома.

Мы ищем человека с военной подготовкой.

Внезапно, я вспомнила, как мы с Айви обсуждали фотографию из Кэмп-Дэвид. Она не просто сказала, что была там в те выходные. Она не просто намекнула, что там были и другие люди.

Она спросила, думала ли я о том, кто стоит прямым за границей кадра.

Там был президент. На этот раз эти слова обрели новое значение. *Президент был в Кэмп-Дэвид. Президент был на благотворительном вечере.*

— Кто стоял за границей кадра? — я произнесла слова в цемент. Мои мышцы кричали в возмещении от угла, под которым изогнулось моё тело. Игнорируя боль, я перевела вопрос.

Кто стоял в нескольких шагах от президента?

Кто был с ним — в Кэмп-Дэвид, на благотворительном вечере? Кто работает в западном крыле Белого Дома, потому что там же работает сам президент?

Кого я не замечала?

Кто отлично умеет сливаться с фоном?

Я слышала приближающиеся шаги. Я снова попыталась вырваться, но ничего не вышло. Я не могла пошевелиться — а шаги были всё ближе.

Знать имена бывает полезно. Я отчетливо расслышала голос Боди, когда мой похититель шагнул в поле моего зрения.

Кто всегда следовал по пятам за президентом. Кого тренировали убивать?

Агент личной охраны президента опустился рядом со мной на колени и окинул взглядом мои раны.

— Смотри, что ты наделала.

Дэмиен Костас. Впервые я увидела его на крыльце дома Айви. Он подошел ко мне на правительственном ужине. После того, как мы с Генри поговорили с журналистом, мы пытались выманить убийцу. Костас подошел ко мне, а я даже этого не заметила.

Мне даже в голову не приходило, что президент Соединенных Штатов никуда не ходит в одиночку.

Ловкие пальцы ощупали мою голову. Я поморщилась. Костас смахнул волосы с моего лица и одним движением поднял мой стул.

— Ты должна быть осторожнее, — сказал мне он.

Серьезно?

Фильтр между моим мозгом и ртом полностью меня подвел.

— Серьезно? Ты привёз меня сюда, чтобы убить, и думаешь, что мне нужно быть осторожнее?

Он выпрямился в полный рост.

— Пока ещё не ясно, убью я тебя или нет.

Мне хотелось ухватиться за крохотный шанс на то, что меня оставят в живых, но я видела его лицо. Я знала, кто он.

— Значит, я должна поверить, что ты просто отпустишь меня? — выдавила я.

Мой похититель молчал. Выражение его лица от природы было серьезным, непреклонным и тяжелым. Я вспомнила о том, что на пороге дома Айви мне так и не удалось вытянуть из него ответы.

— Чего ты хочешь? — спросила я, понимая, что вопрос, скорее всего, бесполезен.

Он не ответил и подошел к сумке, лежавшей на другой стороне комнаты. Он достал оттуда полотенце и развернул его. Затем он снова опустил руки в сумку и одну за другой достал из неё набор шприцов.

О Боже. Зачем ему шприцы?

— Чего ты хочешь? — снова спросила я. Я представила, как он берет шприц. Так и начинаются пытки? Он заставит меня рассказать ему обо всём, что я знала? Будет пытать, пока я не расскажу, кто ещё знает о происходящем?

Вивви. Генри. Айви. Что бы он со мной не делал, я не могу ему рассказать.

Личный охранник президента взял один из шприцов и подошел ко мне. Я подумала, что меня снова стошнит, но мой желудок опустел. Костас спокойно взял мою голову в одну руку. Я попыталась отдёргнуться, но он усилил хватку и вколол иголку мне в шею.

Я судорожно вздохнула.

Он ввёл мне содержимое шприца, вытащил иголку и отпустил меня. Я принялась ждать. Ничего. Ни темноты. Ни боли. Ни пульсации в голове.

— Это нейтрализует эффекты снотворного, которое я тебе ввёл, — Костас не смотрел на меня. — Возможно, я ввёл слишком много для девочки твоих размеров. Ты была без сознания больше двенадцати часов.

Двенадцать часов. Я пропала двенадцать часов назад. Айви должна меня искать. Боди наверняка заметил моё исчезновение уже через несколько минут, а моя сестра — или кем бы мне ни приходилась Айви — в поисках меня разберет Бостон по кирпичикам.

— Чего ты хочешь? — в третий раз спросила я. Мой голос балансировал на грани истерики. Несколько секунд Костас смотрел на меня.

— У меня есть проблема. Насколько я понимаю, твоя сестра специализируется на проблемах.

Дело было не в том, что я знала, а в том, чем занималась Айви. Я не сразу осознала, что это значило. Он не пытался от меня избавиться. Я была заложником.

— Ты хочешь, чтобы Айви со всем этим разобралась. Хочешь выбраться из всего этого, а если она этого не сделает, ты...

Убьешь меня.

— Нет, — простой и резкий ответ. — Мне не уйти от наказания. Я этого и не жду, — он сделал паузу. — Я не заслуживаю этого. Но у меня есть проблема, и твоя сестра её решит.

Он убил трёх человек — и помог убить судью Маркетта. Он был монстром. То, что говорил он не как монстр, ничуть меня не успокоило.

Как и количество шприцов на полотенце.

Он не собирается избежать наказания. Я отчаянно попыталась сосредоточиться на чём-то кроме шприцов. На нём нет маски, потому что он собирается понести наказание. Ему плевать, что я знаю кто он.

Это должно было успокоить меня, но я думала лишь о том, что, раз уж Костас решил, что его поймают, ему было нечего терять.

Зазвонил телефон. Он вернулся к своей сумке и достал телефон-раскладушку. *Одноразовый?* — гадала я. Несколько секунд он смотрел на него, а затем вернул на место, сбросив звонок.

— Ты сказал, что у тебя есть проблема, — негромко произнесла я. — Что за проблема? С чем должна разобраться Айви?

Он не ответил. Таким я видела его ещё на крыльце Айви — безмолвным и неподвижным, словно стражник у Букингемского Дворца.

— Ты убил судью Пирса, — может, мне стоило замолчать — может мне стоило просто сидеть и ждать, пока он решит — убивать меня или нет — но я не могла остановиться. — Ты убил журналиста.

— Жаль, что пришлось убить журналиста, — Костас мельком взглянул на меня. В его сумке снова зазвенел телефон. На этот раз он позволил ему звенеть, но всё равно не ответил.

— А майор Бхарани? — думая о Вивви, спросила я. — Его тебе жаль?

На лице моего похитителя мелькнуло удивление. Он был удивлен тем, что я знала, кто убил отца Вивви? Или тем, что мне было не плевать?

— Твоей сестре стоило держать тебя подальше от всего этого, — сообщил мне он тоном человека, уверенного в том, что будь я его ответственностью, он бы поступил именно так.

— У майора Бхарани была дочь моего возраста, — сказала ему я.

— Он бил её.

— Хочешь сказать, ты убил своего поддельника, потому что он бил свою дочь?

— Я убил его, потому что он становился помехой, — с каплей раздражения в голосе ответил Костас. — Я не сожалею об этом, потому что он бил свою дочь. Он был врачом и умышленно убил одного из своих пациентов. Он не был человеком чести.

Как же тогда назвать агента личной охраны президента, убившего троих людей, чтобы скрыть то, что он помог убить судью Верховного Суда?

— Доктор убил ради денег, — сказал мне Костас, в то время как его телефон снова

зазвенел. Он взял его и в один миг разломил руками.

Спецназ, — отрешенно подумала я, гадая о том, мог ли он так же быстро и легко свернуть мне шею.

— Ты убивал не ради денег, — я повторила то, что он — по существу — мне сказал.

Я была привязана к стулу. Отсюда не было выхода. Единственным моим преимуществом было то, что, кажется, мой похититель не хотел меня убивать. Понимание и обыгрывание его мотивов могло означать разницу между жизнью и смертью.

— Я понимаю, почему ты убил доктора, — произнесла я, старясь сохранять спокойствие. — Он был обузой. Как и журналист. Но что насчет судьи Пирса?

Он не ответил.

— Думаю, Пирс тоже не был человеком чести, — он всё ещё молчал, так что я надавила. — А что с судьей Маркеттом? Он тоже был бесчестным? — никакого ответа. — Зачем ты влез в дела с майором Бхарани и судьей Пирсом? Явно не ради денег.

Костас достал из сумки новый одноразовый телефон, всё ещё завернутый в упаковку. Он сорвал её и набрал номер.

— Почему ты согласился отравить хорошего человека? — я позволила вопросу повиснуть в воздухе.

Костас поднял голову. Его лицо было до ужаса спокойным, словно я не была привязана к стулу, а он не собирался убить меня, если понадобится.

— Из-за моей проблемы, — неожиданно ответил Костас. — Пирс был поставлен о ней в известность. Он мог её решить.

Каждый раз, когда он упоминал свою проблему, в его голосе мелькал намек на эмоции. Проблема была не в деньгах. Что-то подсказывало мне, что проблема не касалась и власти. Этот человек защищал жизнь президента. Его работа заключалась в том, чтобы закрыть президента Нолана от пули собственным телом. И глядя на него, я почти верила, что он сделал бы это.

Что такого Пирс мог предложить этому мужчине — в чем могла заключаться проблема Костаса — ради чего он согласился выбросить свою жизнь? Ради чего был готов убить?

— Пирс пришел к тебе, — произнесла я. — Он предложил решить твою проблему. Он всё организовал.

Костас замер. Я не могла разгадать выражение, появившееся на его лице. Уже через миг оно исчезло.

— Ты слишком много болтаешь, — резко произнёс он. Без предупреждения он пересек комнату и остановился передо мной — слишком близко.

Я закрыла рот.

Он закончил набирать номер и поднёс одноразовый телефон к моему уху.

— Поговори со своей сестрой.

— Айви? — мой голос надломился.

— Тэсси? — голос Айви не дрогнул. Но одного этого слова мне хватило, чтобы понять — она была сломлена.

— Я в каком-то подвале, — поспешно выговорила я. — Большое здание. С одной стороны электрические провода...

Костас убрал телефон от моего уха.

— Ты просила доказательств того, что она жива, — сказал он. — У тебя есть двенадцать часов на то, чтобы сделать то, что мне нужно.

Он повесил трубку — и не говорил мне ни слова одиннадцать следующих часов.

Мне оставалось жить один час. У Айви был час на то, чтобы сделать то, чего хотел Костас — чем бы это ни было.

Я пыталась с ним говорить — несмотря на то, что моё горло пересохло, а он не отвечал уже много часов. Если Костас собирался меня убить, он сможет сделать это, пока я с ним разговариваю. Он может наблюдать за тем, как жизнь покидает моё тело, думая о том, что у него нет чести.

Стадия отрицания миновала. Теперь я была в ярости.

— Это моя жизнь. Это я умру, если Айви не решит твою проблему. Меньшее, что ты можешь сделать — рассказать, что тебе от неё нужно.

Он не произнёс ни слова. Кажется, он даже меня не слышал. Словно он уже готовился к тому, что должен был сделать.

Я не хочу умирать, — глупая, шаблонная мысль, о которой думали всё, кто вот-вот должен был умереть.

— Я не хочу умирать, — вслух произнесла я. — Я не хочу...

— Я тебя слышал, — Костас нарушил своё молчание. — Как бы там ни было, я тоже не хочу, чтобы ты умирала.

— Но ты меня убьешь.

Он не ответил. Его молчание ответило за него. Он убьет меня.

Если я умру, от меня не будет пользы. Я ухватилась за эту мысль. Если он убьет меня, то потеряет своё преимущество.

В этот момент я начала гадать о том, что ещё было в его сумке. Я стала думать о том, что он может убить меня не сразу. Сначала он может причинить мне боль.

Палец. Или ухо. Он станет посылать частички меня Айви? Что в этих шприцах? Он вколет мне обезболивающее, прежде чем отослать ей что-то в доказательство своих серьезных намерений? Если станет ясно, что она не справится, он просто пристрелит меня, как собаку?

Я натянула хомуты на моих запястьях. Пластик впился мне в кожу. Я проигнорировала боль и потянула сильнее. По моим запястьям покатались капли теплой и липкой крови.

Мерзость.

Я позволила боли окатить меня с ног до головы. Я почувствовала её. Уцепилась за неё. Я пыталась вырваться, пачкаясь в собственной крови. Я пыталась. Пыталась...

— Прекрати, — Костас взял один из шприцов.

— Нет, — произнесла я. — Пожалуйста, не надо. Я ничего не буду делать. Я ничего...

— Это седативное, — сказал он мне. — Успокоит тебя.

Я почувствовала, как в моём горле поднимается паника. *Я не хочу успокаиваться. Я не хочу...*

За дверью раздался звук шагов. Мой похититель выпрямился и опустил успокоительное в задний карман. Затем он взял ещё один шприц — на этот раз, пустой.

Я не должна была вздрогнуть от вида пустого шприца, но когда он пересек комнату и встал рядом со мной, я почувствовала себя так, словно кто-то провёл по моему позвоночнику лединкой.

Женский голос произнёс три слова:

— Я пришла одна.

Айви. Моё сердце подпрыгнуло в моё горло. *Айви здесь. Она пришла.* Я снова натянула хомуты. Моё тело рефлекторно подалось вперед.

Костас прижал иголку к вене на моей шее. Я негромко зашипела.

— Не двигайся, — тихо сказал он мне.

Я чувствовала, как пульс эхом отдается в моём горле, под острым, непреклонным давлением иглы.

— Я никому не сказала, что иду сюда, — продолжила Айви, появляясь из-за угла. Она не остановилась у двери и не поколебалась при виде мужчины, державшего иголку у моей шеи. — Я могу достать то, что тебе нужно, Дэмиен.

— Сомневаюсь, — сказал ей Костас.

Я не могла пошевелиться, не могла даже наклониться к Айви.

— Я пришла, — внятно и спокойно произнесла Айви. — Мы все можем получить то, чего хотим, но ты должен отойти от девочки.

— Я получу то, чего хочу, — ответил Костас, — или вколю ей это, — он указал на иглу. — Она не переживёт попадание воздуха в вену.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Я заставила себя дышать. *Он убьет меня.*

— Я не вооружена. Никто не знает, что я здесь. Я пришла одна, — Айви не смотрела на меня — только на него. — Отпусти её и тогда мы сможем поговорить.

Я почувствовала, как Костас напрягся.

— Мы об этом не договаривались, — рука агента опустилась на другую сторону моей шеи и сжалась. Я не могла вывернуться от иглы. Не могла пошевелиться. — Никаких разговоров, — сказал он Айви. — Ты сделаешь то, чего я хочу, и получишь свою сестру.

Я чувствовала барабанную дробь пульса на своей шее. Чувствовала, как он бьется о хватку моего похитителя.

— Я не могу вот так просто организовать президентское помилование, — произнесла Айви.

— Ты сказала, что у тебя есть то, чего я хочу.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох...

— Я сказала, что смогу это достать. И это правда. Но сначала отпусти её.

Я слышала низкий, нечеловеческий вой. Несколько секунд спустя я поняла, что сама издаю этот звук.

— Если я отпущу её, — выпалил Костас, — мне будет нечем торговаться.

Он хочет меня отпустить. Хочет, — отчаянно подумала я, — *но не отпустит.*

Айви сделала один шаг вперед.

— У тебя буду я. Президент не станет вести переговоры из-за жизни моей сестры. Но он может сделать это ради меня.

До меня дошел смысл её слов. Моё горло сжалось, а руки натянули хомуты так сильно, что к моим глазам должны были подступить слёзы боли.

— Айви, — хрипло прошептала я. — Нет.

Я представила её в тот день на аэродроме. *Ты мой ребенок. Мой, Тэсс.*

— Ты так ценна для него? — слегка ослабив хватку на моей шее, спросил Костас.

Не надо, Айви, — мой рот отказывался выговаривать слова. — *Не делай этого.*

— Моя жизнь важна для его администрации, — голос Айви не дрогнул. — В моей

профессии бывает полезно иметь страховку. Я знаю, где закопаны тела. Знаю о скелетах в каждом шкафу. Если бы я не сделала так, чтобы моя жизнь была выгодна моим клиентам, со временем кто-нибудь мог бы решить, что лучший способ похоронить его тайны — похоронить и меня.

Прекрати, Айви. Замолчи. Я хотела, чтобы она послушалась, чтобы остановилась, пока не было слишком поздно, но она не стала. И не станет.

— Если я исчезну, сработает компьютерная программа, и все эти секреты — всё, что я узнала, всё, что скрыла — будет раскрыто. Онлайн. В прессе.

— Ты работала над предвыборной компанией президента, — произнёс Костас. — И работала на него с тех пор.

— Работала.

— Говоришь, у него есть секреты.

— Именно.

— Хочешь сказать, что если ты будешь у меня...

— Он может дать тебе то, чего ты хочешь, — подсказала Айви. — Если у тебя буду я.

Всю свою жизнь я была сиротой. Я скорбела о родителях, которых никогда не знала. А теперь Айви делала всё это, и мой внутренний голос всё повторял, что я потеряю и её.

Я чувствовала оцепенение. словно я лежала на спине в темной яме, а сверху кто-то бросал на меня землю. Хоронил меня.

— Ты останешься здесь, — приказал Костас, не сводя глаз с Айви. — И свяжешься с президентом.

— Нет, — натянуто ответила Айви. — Не свяжусь. Сначала ты отпустишь Тэсс.

Она впервые назвала меня по имени. Мой желудок резко скрутился. *Не делай этого, Айви. Ты не можешь...*

— Не ты устанавливаешь здесь правила, — Костас убрал одну руку с моей шеи. Через миг он направлял на Айви пистолет. — Подойди.

— Нет. Меня на неё, — сказала Айви, кивая на меня. — Таков уговор.

Ты мой ребенок. Мой, Тэсс.

— Айви, — моё горло и глаза жгло, всё моё тело боролось с удерживающими меня хомутами. — Нет.

— Да, — с жаром произнесла она. — Меня на неё, — снова сказала она личному охраннику президента. — Иначе можешь всадить пулю мне в голову прямо сейчас и распрощаться с помилованием, потому что без меня у тебя нет и шанса.

Она это сделает. Её нельзя было отговорить, нельзя было вернуться. *Она это сделает. Ради меня.*

Костас убрал шприц от моей шеи. Я почувствовала, как по моей коже скатилась капля крови, а он сделал шаг назад и навёл пистолет на моё правое колено.

— Подойди, — сказал он Айви. — Не заставляй меня делать ей больно.

— Отпусти её.

Он взглянул на неё и нажал на курок. Пуля угодила в землю, меньше чем в дюйме от моей ноги.

Боже.

— Подойди, — прищурившись, повторил Костас. — Сейчас же. Или следующая пуля попадет ей в ногу, мисс Кендрик.

Айви заслонила меня от него.

— Она тебе не нужна, — произнесла она. — Тебе нужна я.

— Она нужна мне, чтобы подтолкнуть тебя к сотрудничеству.

— Она не моя сестра, — глядя ему прямо в глаза, произнесла Айви. — Она моя дочь.

Мне было семнадцать. Слишком молода. Ты знаешь, каково это.

Я была привязана к стулу, Костас целился в Айви из пистолета, но я не могла не реагировать на эти слова. Костас мельком взглянул на меня. Я опустила голову, сжимая губы. Что она делает? Зачем она рассказала ему об этом? Если он и раньше считал меня рычагом давления...

— Отпусти её, — дрожащим голосом произнесла Айви. — Здесь нет подвоха. Отпусти её, и я позвоню президенту. Я объясню тебе, что нужно сказать, как разобраться с ситуацией. Но сначала ты должен её отпустить.

Костас опустил пистолет. Он опустился рядом со мной на колени и достал нож. У меня перехватило дыхание. Он поднёс нож к моим ногам и разрезал хомут на моих лодыжках. Когда он зашел мне за спину, чтобы освободить мои запястья, я нашла глазами Айви.

У неё есть план, — сказала себе я. — *Она не станет здесь оставаться. Она не станет рисковать своей жизнью...*

Но её губы едва заметно изогнулись в мягкой, грустной улыбке, и я знала — подвоха нет. Нет ловушки. Нет плана. Только обмен. Айви за меня.

— Нет, — на этот раз громче сказала я. — Нет, Айви. Ты не можешь.

Мне снова было четыре, меня тошнило на похоронах моих родителей. Я лежала на груди Айви, пока она несла меня вверх по лестнице. Я касалась её влажной щеки, а она отдавала меня кому-то.

Я заходила в комнату в её доме, которую она хранила для меня. Комнату, которую она так и не обставила, так и не использовала. Её любимую комнату во всём доме...

Костас расправился с хомутами. Я вскочила со стула и тут же упала на землю — мои ноги не были готовы удерживать моё тело. В миг Айви оказалась рядом со мной. Она опустилась рядом со мной на колени, опуская руки мне на плечи.

— Ты — ребенок, — произнесла она. — А я — взрослая.

Ты мой ребенок. На этот раз она этого не сказала, но я всё равно слышала это в её словах. Видела в её глазах.

— Я люблю тебя, Тэсси. Когда выберешься отсюда, найди Адама. Он о тебе позаботится, хорошо? И Боди.

Её слова слишком походили на прощание.

— Слушайся их, — сказала мне Айви. — Во всём.

— Я не брошу тебя здесь, — мои глаза обожгли слёзы. Теплые слезинки скользили по моему лицу. Дышать было больно. Но ещё больнее было смотреть на неё.

— Прости, — произнесла Айви. — За всё. Прости, что никогда не была тем, кто тебе нужен. Прости, что всё делала не так. Прости, что врала тебе, и прости, что вот так рассказала правду. Мне так жаль, малышка, и я люблю тебя, и ты уходишь.

Она ещё никогда не называла меня малышкой.

Нет. Всё это не происходит. Я никуда не уйду. Она не плачет. Я не плачу. Это не...

Она прижала губы к моему лбу и встала. Затем она взглянула на Костаса.

— Ты захочешь её вырубить, — произнесла она.

— Айви, я... — я хотела сказать, что люблю её, что ненавижу её, что не брошу её — не смогу, но во второй раз за последние сутки я почувствовала укол в шею.

И всё поглотила темнота.

Что-то капнуло мне на лицо. Жидкость. Холодная. Моя голова склонилась на бок. Ещё одна капля. Осознание врезалось меня с силой кувалды. Мои глаза распахнулись. *Телохранитель президента. Айви.*

Я шарахнулась назад, облакачиваясь ладонями на асфальт. Я не сразу осознала, что была одна. На улице. *В безопасности*, — подумала я, давась осознанием.

Айви не была в безопасности.

Мои щёки были влажными — от слёз и морозящего дождя. На улице было темно — ночь. *Сколько прошло времени?* Я поднялась на ноги. Сердце колотилось в моей груди. *Сколько я была в отключке?*

Айви была у Костаса. И, если президент не даст ему то, чего он хочет, он её убьёт.

Спотыкаясь, я вышла из переулка и замерла, оказавшись на улице. Подняв взгляд, я разглядела вдалеке очертания высокого, тонкого обелиска. Монумент Вашингтона. Я была в Вашингтоне.

Но не Айви. Айви у него. Где она? Мой мозг не хотел замедляться. Я не могла перестать задавать вопросы, один за другим.

— Мисс?

Я почти не расслышала это слово за царящей в моей голове какофонией. *Айви была у Костаса. Она обменяла себя на меня. Я в безопасности. В безопасности. Но не Айви. Айви у него...*

— Мисс, — мужчина протянул ладонь в попытке схватить меня за руку.

Я отскочила назад, выставив руки перед собой — словно последнюю оборонительную линию о того, что последует дальше.

— Не надо, — мой голос едва ли звучал по-человечески.

Успокойся, — подумала я.

Айви у него.

Успокойся.

Нужно найти Адама. Найти Боди. Айви у него.

Успокойся.

— С вами всё в порядке? — спросил мужчина.

Я захлопнула дверь перед натиском мыслей, отбивающих ритм по моему черепу. Я глубоко вздохнула, заставляя себя сформировать разборчивое предложение.

— Можно одолжить ваш телефон?

Из всех, кого я знала в Вашингтоне, я знала наизусть только один телефонный номер — номер Вивви. Я позвонила. Она взяла трубку. С моего языка срывались слова — неправильные, бессмысленные слова — но, каким-то образом, ей удалось объяснить своей тёте, где я.

А её тётя рассказала Адаму.

И Адам приехал за мной. Садясь в его машину, я рассказала ему об Айви, Костасе — обо всём, неестественными, неясными предложениями и слишком быстрыми потоками слов. Я рассказала ему обо всём, затем он попытался отвезти меня в больницу, но я отказалась. Видимо, он решил что споры того не стоят, и, в конце концов, врач пришел к нам сам.

Адам жил в небольшой и аккуратной однокомнатной квартире. После того, как меня осмотрел врач, а я рассказала Адаму и Боди всё, что знала — снова и снова, пока во мне не осталось больше ни слова — Адам мягко направил меня к своей ванной. Он включил душ, вручил мне полотенце и отдал мне футболку с эмблемой ВВС и пару спортивных штанов.

Потом он оставил меня одну.

Пока рядом со мной шумела горячая вода, я стояла перед зеркалом. На мне всё ещё была хлопчатая сорочка. Моё лицо было грязным, на нём зарождался синяк. *Я очнулась в комнате с бетонным полом и без окон*, — даже сейчас, когда никто меня не слушал, я не могла прекратить пересказывать факты. — *На стене было что-то вроде электрических проводов*. Я всё не переставала надеяться, что каким-то образом мне удастся вспомнить что-то, какую-то деталь — не важно, насколько крохотную — которая подскажет мне, где находится Айви. Которая поможет нам вернуть её.

Костас использует Айви, чтобы шантажом заставить президента помиловать кого-то. Зеркало начало запотевать, скрывая моё лицо. Я провела по нему рукой и уставилась на своё отражение, словно я могла найти в нём ответы на свои вопросы.

Глаза Айви были карими, — подумала я. — *А мои были в зеленоватую крапинку, словно мох посреди грязи. Наши лица были одной формы. Я унаследовала её губы и чужой нос*.

Не важно, — сказала себе я. Я оторвала глаза от своего отражения, разделась и шагнула под душ, позволяя горячей воде окатить меня. *Соберись, Тэсс*.

Я была не в том положении, чтобы развалиться на части. Не сейчас. Айви сказала агенту, что у неё была программа, которая начнет раскрывать тайны её клиентов, если Айви не вернется через сорок восемь часов.

Я не была уверена в том, правда это или нет, но, так или иначе, если президент не согласится помиловать кого-то до окончания этого периода, ситуация обострится.

Я хотела верить, что Костас не убьёт Айви.

Хотела, но не могла.

Я выбралась из душа и натянула одежду, оставленную для меня Адамом. В ней я выглядела крохотной. Я завязала штаны и вернулась в мир.

Адам и Боди всё ещё были в гостинной. Когда они обернулись, чтобы взглянуть на меня, я увидела в их глазах беспокойство.

— Каков наш план? — спросила я. — Как мы вернем Айви?

— Её ищут, — ответил Адам. — ФБР, национальная...

— И куда менее законопослушные люди, — добавил Боди. — Я уйду, как только мы... — он умолк на полуслове.

Как только вы меня устроите, — закончила за него я.

— Со мной всё в порядке. Я могу о себе позаботиться. Иди, делай то, что должен. Найди Айви. Он убьет её, если не получит то, чего хочет.

Вдруг я осознала, что они не расспрашивали меня о деталях — о Костасе, о том, чего именно он хотел.

— Вы не удивились, когда я сказала, что Костас хочет, чтобы президент кого-то помиловал, — медленно произнесла я. — Или когда я сказала, что меня похитил именно он.

— Айви почти с самого начала подозревала, что мы ищем человека из личной охраны президента или разведки, — Адам сидел на диване, сложив руки на коленях и не отводя от них взгляда. — Мы просто не знали, кого именно.

— Как... — начала было я.

— Айви пришла к охране президента, — вмешался Боди. — Первым делом после того, как вы с Вивви обо всём рассказали, Айви пошла к охране президента и попросила их оградить отца Вивви от Белого Дома.

Я помнила, что Айви упоминала о чём-то подобном.

Айви поговорила с охраной президента об отце Вивви. Отец Вивви тут же исчез с картины. Глядя на прошлое, я видела связь. Видимо, Айви заметила её с самого начала.

— Она подозревала кого-то из агентов и не рассказала об этом президенту? — спросила я.

— Именно поэтому она и не рассказала президенту, — ответил Адам. — Президента редко можно застать одного, а даже если бы ей удалось передать ему сообщение, она была уверена, что тот, кого мы искали, знал, что мы его ищем. Если бы Айви встретилась с президентом, а после его поведение хоть немного изменилось бы... — Адам покачал головой. — Айви не могла так рисковать.

— Что насчёт помилования? Вы не удивились, когда я сказала, что меня похитил Костас, и не удивились, когда узнали, что он просит кого-то помиловать.

Адам и Боди замолчали.

— Кого? За какое преступление? — произнося вопросы вслух, я была всё более и более уверена в том, что они знали ответы.

— Он похитил меня, — медленно произнесла я. — Айви моя.... Она — моя семья, и она у него, — я чувствовала себя так, словно в любой момент могу начать дрожать, но мой голос был спокойным и резким. Совсем как голос Айви. — У вас нет права о чём-то умалчивать, — произнесла я.

Через несколько секунд Адам встал и вышел из комнаты. Он вернулся с толстой папкой в руке.

— Айви летала в Аризону, чтобы найти связь между судьей Пирсом и кем-то из личной охраны президента — или разведки. Она вернулась с подробной информацией о работе Пирса. Какие дела он слушал, а какие собирался слушать. Апелляции.

— Она нашла связь? — я знала, что ответ на этот вопрос — да. Она — Айви Кендрик. Конечно, она нашла связь.

Адам вручил мне папку.

— Дело о смертной казни. Во время совершения преступления обвиняемому было девятнадцать, он пережил травматическое повреждение головного мозга. Стоял вопрос о том, достаточно ли он вменяем, чтобы предстать перед судом.

Я открыла папку. Имя обвиняемого ни о чём мне не говорило, но, когда я увидела его фотографию, у меня перехватило дыхание. Глаза. Черты лица.

— Костас? — спросила я.

— Его сын, — подтвердил Боди. — Насколько мы можем сказать, Костас даже не знал о существовании парня, пока его мать не пришла с просьбой о помощи с расходами на адвоката.

Я подумала о том, как Костас сказал, что отец Вивви не был человеком чести. О том, как он говорил о людях, убивавших ради денег и власти. Я всё гадала, ради чего убивал он сам, и теперь я знала.

— Он отпустил меня, — выдавила я. — Он не собирался меня отпускать, но когда Айви сказала, что я её дочь...

Она попросила его, как родитель родителя. И он отпустил меня.

— Пирс должен был слушать дело его сына? — я попыталась сосредоточиться на папке.

— Насколько мы смогли понять, — сказал мне Боди, — Пирс предложил отменить приговор его сына, если Костас поможет убить председателя верховного суда. А когда они это сделали, судья не смог выполнить свою часть уговора.

Пирс изменил своему слову, и Костас убил его. Мне стало дурно.

— Айви сказала, что у неё есть программа, — я подумала об её обещании. — Она сказала, что если она будет пленницей Костаса, президент может пойти на сделку.

— Возможно, — через несколько секунд произнёс Адам. Вот только он не добавил, что он может этого и не сделать.

Он должен, — подумала я. — *Должен.* Но мы говорили о президенте Соединенных Штатов. Он не был должен ничего и никому.

— Мы должны её найти, — я снова вернулась к этим словам, к тикающим часам и уверенности в том, что если мы не найдем Айви, она может не выжить.

— Тебе нужно поспать, — поправил меня Адам. Он встал и подошел ко мне, опуская руку мне на плечо. — Президенту сообщили о происходящем. Он хочет найти Айви не меньше нас. Все, кто может её искать, уже ищут.

На этих словах Боди кивнул Адаму и ушел.

— Разве ты не пойдешь? — спросила я у Адама. Я могла принять мысль о том, что никак не могу помочь. Она мне не нравилась. И я точно не смогу уснуть. Но я могла поверить в то, что шестнадцатилетняя девочка была не так квалифицирована для поисков Айви, как те, кто уже искал её.

Но Адам работал на Пентагон. Он мог помочь.

— Ты не единственная, кто её любит, — мягко произнёс Адам. — Но я знаю, что твоя сестра хотела бы, чтобы я остался здесь. С тобой.

Я сглотнула.

— Ты назвал её моей сестрой.

— Привычка, — он выглядел так, словно мог на этом закончить. — Она хотела тебе рассказать, Тэсс. Несколько лет назад, как только она здесь обосновалась, как только получила возможность о тебе позаботиться, она хотела рассказать тебе правду. Она хотела, чтобы ты была здесь.

— А потом она передумала, — прежде чем я успела прикусить язык, с него сорвались слова. Айви пропала. Она исчезла, а я так на неё злилась — за то, что она это сделала, за то, что она меня бросила.

Снова.

— Она перестала приезжать. Почти не звонила, — я закрыла глаза. — Так и не объяснила, почему. Я не знаю, что я сделала не так, почему она уехала...

— Эй, — Адам поймал мой подбородок в свою ладонь. — Ты ничем не провинилась, Тэсс.

Я в это верила. Но тринадцатилетняя девочка во мне не могла. Айви бросила меня. Она была моей матерью и решила уехать.

Она решила остаться с Костасом. Я должна была быть за это благодарна. Она обменяла себя на меня, она меня спасла, она любила меня. Но я никак не могла отмахнуться от чувства, словно она снова выбросила меня.

— Твой дедушка попросил её уехать, — голос Адама ворвался в мои размышления. Его слова выбили воздух из моих лёгких. — Он сказал, что она — эгоистка. Что быть родителем,

значит не думать о своих желаниях. Что она должна думать о том, что лучше для тебя, — Адам накрыл моё лицо своей ладонью. — Он отослал её, Тэсс, а когда она вернулась сюда, кое-что произошло, убедив её в том, что он был прав.

Что произошло? — я не стала задавать вопрос вслух. Это не имело значения. Пусть дедушка отослал Айви, но это она уехала. Это она не попрощалась. Она перестала звонить.

— Не было и дня, — мягко произнёс Адам, — когда она не думала бы о тебе.

Она должна была быть рядом. Я закрыла глаза, скорее чтобы не плакать, чем от усталости. *Сейчас она должна была быть рядом.*

— Идём, — произнёс Адам. — Тебе нужно отдохнуть, — он подтолкнул меня в сторону спальни, а затем — к кровати.

Прежде чем уйти, Адам буквально подождал, пока я сяду на край матраса.

Сон не пришел.

С каждой секундой, минутой, каждым часом я теряла время. Айви теряла время.

Посреди ночи я принялась измерять квартиру шагами: спальню, коридор, ванную. Дойдя до гостиной, я замерла в дверном проёме.

Адам не спал. Он склонился над столом, рассматривая что-то. Записку? Фотографию?

Чем бы это ни было, он опустил его в ящик. Он поднял взгляд, но не увидел меня. Судя по выражению его лица, я была готова поспорить, что он не видел ничего и никого.

На следующее утро ко мне пришла гостя. В дверном проеме комнаты Адама застыла Вивви. Кажется, целую вечность назад он вот так же стояла у двери моей комнаты, завернувшись в одеяло, желая зайти, но не желая просить об этом.

Я взглянула на свои руки, не в силах посмотреть ей в глаза. Мои запястья всё ещё были воспалёнными и покрасневшими. Моя кожа выглядела так, как я себя чувствовала.

— Я не хочу быть одна, — прошептала я. В тот же миг, когда я произнесла эти слова, Вивви пересекла комнату. Она обняла меня так сильно, словно объятья были контактным видом спорта.

— Ты в порядке? Вчера ночью ты звучала... так, будто ты не в порядке. А перед тем ты просто исчезла. Ашер сказал, что на прошлой неделе ты пошла на правительственный ужин. Генри рассказал, что там была твоя сестра, и что она увела тебя, но мы не могли понять, где ты, а ты не отвечала на звонки...

— Вивви.

Она с запозданием осознала, что всё ещё сжимает меня мертвой хваткой и выпустила меня, опуская руки.

— Айви отослала меня, — сказала я, произнося имя Айви так, словно к моей коже прижали кинжал. Было больно. Так и должно было быть. — Она хотела защитить меня, — продолжила я. Вот, что сделала Айви. Она не спрашивала, чего я хочу. Она не дала мне выбора.

Она бросила меня, отослала меня, а затем отдала свою жизнь за мою, и это было несправедливо. Несправедливо, что она поступала со мной так, а мне приходилось жить с последствиями.

Несправедливо, что я была здесь, а она — нет.

— Айви сказала моей тёте нанять мне телохранителя, — слова Вивви вытянули меня из размышлений. — Для безопасности. Он ждёт в коридоре.

Я не знала, что известно Вивви. Казалось, было невозможно рассказать ей обо всём — об Айви, о Костасе, обо всём, что со мной произошло.

— Ты не обязана, — негромко произнесла Вивви. — Если ты ещё не готова об этом говорить, ты не должна этого делать.

— Да, — произнесла я. — Должна, — я сглотнула и продолжила. — Твой отец не покончил с собой.

Я не знала, сколько времени мы провели в моей комнате, но к тому времени, как я закончила, Вивви знала обо всём, кроме того, кем мне приходилась Айви.

— Ты меня не слушаешь! — из-за стены донесся голос Адама. Он кричал.

Долю секунды мы с Вивви неподвижно сидели там, но затем наши глаза встретились. Я выскользнула из кровати, а потом — из комнаты.

Айви пропала. С кем бы ни говорил Адам, кто бы ни хотел его слушать, я имела право услышать.

— Мой ответ — нет.

Я замерла за дверью в гостиную. С моего положения я мельком увидела говорившего человека.

Отец Адама. Человек, из-за которого Боди притащили на допрос, просто чтобы доказать что-то Айви.

Мой ответ — нет. Я гадала о том, каким же был вопрос, и почему от этих слов я почувствовала себя так, словно мой желудок был набит свинцом.

— Ты же знаешь, — со спокойной мощью произнёс Адам, — что я бы не стал просить тебя о чем-то, если бы ситуация не была...

— Отчаянной? — подсказал его отец. — Поверь, Адам, я прекрасно осведомлен о том, что ты обо мне думаешь. Ты дал понять, что не заинтересован в том, чтобы быть частью этой семьи.

— Не заинтересован в политике, — поправил его Адам.

— Ты был для этого рожден. Если бы ты ушел из войск, всего через несколько месяцев мы могли бы направить тебя в Сенат. Через десять лет ты мог бы претендовать на Белый Дом.

— Ты правда думаешь, что сейчас подходящее время для этого разговора? — коротко спросил Адам.

— Это ты пригласил меня сюда, — заметил Уильям.

— Потому что мне нужна твоя помощь, — кажется, Адаму было больно произносить эти слова. — Айви...

— Девчонка забралась тебе под кожу уже много лет назад, — голос Уильяма был настолько же обыденным, насколько голос Адама — напряженным. — Я никогда не понимал её власти над тобой. Если её не станет, я не пророню и слезинки.

Мои руки сжались в кулаки. Сама того не желая, я шагнула вперед. Отец Адама заметил меня за миг до самого Адама.

— Тэсс, — натянуто произнёс Адам. — Можешь дать нам минутку?

— Это не обязательно, — в таком же тоне произнёс Кейс. — Я как раз собирался уходить.

Я добралась до входной двери раньше него. То, что Адам просил его о помощи, значило, что, по мнению Адама, он мог помочь. Если Уильям Кейс хотел уйти от этого — от собственного сына — ему придется пройти через меня.

— Тэсс, — судя по тону Адама, он хотел, чтобы я убралась из этой комнаты, подальше от его отца. В любом другом случае, я послушалась бы его.

— Насколько я понимаю, — произнесла я, стараясь заставить Кейса снова на меня посмотреть, — у моей сестры есть что-то вроде страховки. Если с ней что-нибудь случится, многие влиятельные люди будут расстроены. Включая вас.

Блеск в глазах моего противника подсказал мне, что я попала в яблочко.

— У твоей сестры всегда есть план на случай непредвиденных обстоятельств, — мелодично произнёс Уильям Кейс. — Но это я научил её этому, — он прошмыгнул мимо меня за дверь.

— Оставайся здесь, — приказал Адам и последовал за ним.

После многозначительной паузы в комнату шагнула Вивви.

— Это был...

— Отец Адама, — подсказала я. — Он не большой фанат Айви.

Он мог помочь, но он не станет этого делать. Он позволит ей умереть. Я не хотела представлять себя на похоронах Айви. Не хотела думать о том, что она — всё, что у меня осталось. Не хотела чувствовать себя так, словно кто-то вырезал мои внутренности, словно я

была пустой и разваливалась на части.

Нет. Я не могла этого сделать, не могла рухнуть в кроличью нору. С Айви всё будет в порядке. Если с ней что-то случится, я буду вечно её ненавидеть. С ней всё будет в порядке.

Я принялась ходить по комнате. Вокруг дивана. Вокруг стола. Затем я остановилась, вспомнив, как Адам сидел за ним прошлой ночью. Я попыталась открыть ящик, ожидая, что он будет закрыт.

Это оказалось не так.

Внутри я обнаружила аккуратно сложенные ручки, бумагу для принтера, а с краю — фотографию. Я осторожно вытянула снимок и перевернула его.

Айви и Адам.

Её волосы были собраны в неаккуратный хвостик. Его волосы были коротко стрижены. Они были молоды. Айви было не больше девятнадцати или двадцати лет.

У неё была моя улыбка, — подумала я, мазохистически заставляя себя смотреть на изгиб её губ. Вслед за этой болезненной мыслью, последовала ещё одна. *Айви знала Адама, когда была молода.*

А затем я вспомнила о том, что Айви сказала меня в тот день, когда я садилась на самолет: *Он был молод, совсем недавно поступил на военную службу.* Я протянула руки к столу, чтобы не упасть, мои пальцы впились в дерево.

Не было и дня, — сказал мне Адам, — *когда она не думала бы о тебе.* Он произнёс эти слова так, словно он знал — каково было Айви думать обо мне каждый день.

Что, если он говорил не только об Айви?

В своих воспоминаниях я видела, как Адам стоял рядом с Айви, держа руку на её плече, когда она рассказывала мне правду. Я видела Адама на пассажирском сидении его машины, когда он учил меня водить. Видела, как Адам вычитывает меня за акт мятежа, как говорит, что семья не сбегает, когда начинаются сложности.

Я видела Адама, когда он впервые увидел меня. Он глядел на меня так, словно я была чем-то драгоценным.

Словно я была призраком.

Ко мне подошла Вивви.

— Твоя сестра, — произнесла она, глядя на фотографию. — И Адам. Они выглядят такими юными.

Девчонка забралась тебе под кожу уже много лет назад. Голос отца Адама эхом отдавался в моей голове. *Я никогда не понимал её власти над тобой.*

— Она мне не сестра, — я глядела на фотографию — Айви времен колледжа и молодого Адама — так что я не видела выражения, появившегося на лице Вивви после моих слов. — Она — моя мать. Я не знала, — слёзы затуманили моё зрение. Я сморгнула их и продолжила глядеть на фотографию. — Она родила меня, когда была подростком. Сказала, что мой отец был военным.

Адам был военным.

Ты не единственная, кто её любит, — сказал он мне прошлой ночью. — *Но я знаю, что твоя сестра хотела бы, чтобы я остался здесь. С тобой.*

Я не задумывалась о том, почему Айви хотела бы, чтобы Адам был со мной. Адам, а не Боди, хоть именно с Боди я виделась каждый день.

А ещё я не задумывалась о том, почему Адам, Айви и Боди старались держать меня подальше от отца Адама.

Я думала, что они делали это потому, что он был влиятельным и опасным для всех, кто переходил ему дорогу. Но что, если дело не в этом? *Мой отец очень дорожит своей семьей.* Адам произнёс эти слова совсем не в лестном смысле.

— Тэсс?

Я не сразу поняла, что моё имя произнесла не Вивви, а Адам. Он подошел ко мне и увидел фотографию в моей руке.

— Вы с Айви долго знаете друг друга, — выдавила я. — Ты... Мы с тобой... — скажи это, Тэсс. Просто скажи. — Ты мой...

— Вивви, твоя тётя ждёт внизу, — перебил меня Адам. — А визит моего отца сильно потревожил твоего телохранителя.

Мельком взглянув в мою сторону, Вивви вышла из комнаты, оставляя нас с Адамом наедине. Я уставилась на него, пытаюсь отыскать схожесть в чертах наших лиц, как искала схожесть с Айви в своём отражении.

Волосы Адама были каштановыми. Его глаза были голубыми, но в их форме было что-то знакомое.

— Адам, — я заставила себя произнести его имя. — Айви сказала, что мой отец был молод. Что он был военным. Вы двое знакомы очень долго, — я чувствовала себя так, словно мой рот был сделан из ваты. Мой язык словно распух. — Когда я приехала сюда, я слышала, как ты говорил Айви, что ей не стоило привозить меня в Вашингтон, потому что она не ладила с твоим отцом. Ты не хотел, чтобы я его встретила, — я сделала паузу и поправилась. — Ты не хотел, чтобы он встретил меня.

Ответа не последовало. Адам не сказал, что я неправа.

— Айви пропала, — давясь словами, произнесла я, — а ты здесь. Со мной, — я выпалила слова, словно сорвала пластырь. — Ты мой отец?

— Тэсс, — голос Адама наполнился эмоциями.

Он не сказал нет.

— Это Айви должна поговорить с тобой об этом, — сказал Адам. — Мы всё тебе расскажем, обещаю, просто...

Просто позволь нам вернуть её, — закончила я.

— Что, если мы не вернём её? — спросила я. — Что, если мы никогда её не вернём?

Что, если, что, если, что, если...

Прежде чем Адам успел ответить, кто-то постучал в дверь. Адам поспешно толкнул меня в сторону. Опустив руку на пояс, он подошел к двери. Я осознала, что у него был пистолет.

Стук повторился. Адам посмотрел в глазок. Затем он открыл дверь.

— Капитан Кейс, — поприветствовал его президент Нолан. — Нам нужно поговорить.

ГЛАВА 60

Президента сопровождала пара агентов его личной охраны. После моего общения с Костасом, я больше никогда не смогу игнорировать спецгруппу охраны президента.

— Мистер президент, — Адам провёл их в гостиную. Я вышла из своего укрытия за стеной.

— Садитесь, капитан, — сев на диван, сказал президент.

Адам сел. Каждый мускул в его теле был напряжен. Я осталась стоять. Президент

достал что-то из своего пиджака и передал это Адаму.

— Вероятно, вы захотите попросить девочку выйти из комнаты, — его слова балансировали на грани между приказом и предложением.

Тот факт, что Адам воспринял это, как предложение, явно говорил что-то о его психическом состоянии.

Он не сказал, что я могу остаться, но он и не сказал мне уйти.

Тот факт, что я посчитала это приглашением и подошла ближе, явно говорил что-то о моём психическом состоянии.

В папке, которую президент передал Адаму, почти ничего не было: всего одна фотография. На ней Айви держала газету — сегодняшнюю газету. Её рот был заклеен полоской скотча.

А к её груди была приклеена бомба.

— Когда? — спросил Адам. Вот и всё, что он произнес, всего одно слово.

— Пришло по электронной почте сегодня утром, — ответил президент. — Над этим работают наши лучшие аналитики. Мы её найдём.

— А если не найдете? — сделав шаг вперед, спросила я.

Такую фотографию должно было сопровождать какое-нибудь требование. Срок. Или угроза.

— Костас сказал, чего он хочет, — произнесла я, стараясь не думать о том, как я чувствовала себя, будучи привязанной к стулу и наблюдая за тем, как моё время ускользает сквозь пальцы. — Он хочет, чтобы вы помиловали его сына.

Президент Нолан проигнорировал мои слова. Он не сводил глаз с Адама.

— Не важно, чего хочет похититель Айви, капитан Кейс. Мы об этом позаботимся.

Употребляя звание Адама, президент напомнил нам, что мы не были равными. Он был президентом, и его отношение к угрозам не обсуждалось.

У нас не было права голоса.

— Мы найдем Костаса, — произнёс президент. — Найдём Айви. Важно, чтобы в это время вы не вмешивались. Кто бы ни работал над этим для Боди, я хочу, чтобы они прекратили. Сейчас же. Это вопрос национальной безопасности.

— Если с Айви что-нибудь случится, — начал Адам.

— Не случится, — президент возразил тем самым тоном, говорившим довериться ему, выслушать его и последовать за ним.

Я не доверяла ему. Не слушалась его. И не собиралась за ним следовать, если это значило бездействовать и ждать, пока сработает эта бомба.

— Если с Айви что-нибудь случится, — сказал Адам, — это навредит правительству, — он сделал паузу. Его тон был уважительным, но пауза заставила его слова звучать, словно угрозу. — Если в ближайшие двадцать четыре часа Айви не доберется до компьютера, это навредит всем.

Президент встал.

— Мы работаем и над этим.

Что это значило? — подумала я. — Они ищут способ обезвредить страховку Айви? Убедиться в том, что секреты, которые должна раскрыть её программа, останутся секретами?

— Вы хотя бы изучили дело? — спросила я у президента. Я слышала в собственном голосе напряжение. — Сын Костаса, — я заставила себя продолжить. — Изучили его

апелляцию? Адам сказал, что он перенес повреждение головного мозга...

— Мисс Кендрик, — произнёс президент. — Тэсс, — на его лице застыло серьезное выражение. — Я забочусь о вашей сестре. Как и моя жена. Наша администрация сочувствует вам. Мы приносим свои сожаления и обещаем, что сделаем всё возможное, чтобы вернуть Айви домой.

Нет, не всё.

Его следующие слова стали тому доказательством:

— Но Соединённые Штаты не ведут переговоров с террористами — как и я.

Если до этого дойдет, если президент не сможет найти Айви до окончания срока — он не станет вести переговоры. Он позволит Костасу её взорвать.

На её месте должна была оказаться я. Я должна была быть заложницей Костаса. Айви должна была быть здесь, с Адамом. Она должна была пытаться обойти неуступчивость президента. На её месте должна была оказаться я.

— Иди, — сказала я Адаму, сглатывая желание высказать всё это вслух. — Я ничем не могу помочь, но, возможно, ты можешь.

То, кем мне приходился Адам, могло подождать.

Это Айви должна поговорить с тобой об этом. Мы всё тебе расскажем, обещаю...

— Иди, — на этот раз резче и громче повторила я.

— Я не могу оставить тебя здесь одну, — возразил он.

— Так не оставляй, — произнесла я, стараясь не думать о словах президента. — Я слышала, теперь у Вивви есть телохранитель.

* * *

Номер Вивви в отеле «Рузвельт» оказался впечатляющим. Огромные спальни, гостиная, столовая, ультрасовременная кухня.

— Чем занимается твоя тётя? — спросила я у Вивви, игнорируя очевидное.

— Я не уверена, — ответила Вивви. — Она работает за границей. Или работала Или... — Вивви пожала плечами.

Я гадала, думает ли Вивви о том же, о чём и я — как в свой первый день в Хардвике я спросила у неё, кем работает Айви.

Айви с бомбой на груди. Без предупреждения меня охватило воспоминание о снимке. Я почувствовала себя так, словно кто-то запустил руку в мою грудную клетку и сжал моё сердце в тисках. Я не могла думать, не могла дышать.

— Эй, Тэсс? — позвала Вивви. Я заставила себя вдохнуть. Лицо Вивви помрачнело от всего, что она потеряла за последние несколько недель. Я хотела оттолкнуть её, но не могла, ведь мы были так похожи.

— Да?

Вивви потянулась ко мне и схватила меня за руку.

— Предложение о моём любимом романе или ужастике, — хрипло произнесла она. — Оно всё ещё в силе.

Той ночью Адам за мной не приехал. Я спала на диване, хоть Вивви и предложила разделить с ней её огромную кровать. Мне казалось, что я не могу находиться рядом с людьми, в то время как единственной компанией Айви был мужчина, который собирался её убить. Как я могла лежать на кровати, когда к груди Айви была приклеена бомба?

Если бы это не вызвало лишних вопросов, я бы спала на холодном, твёрдом полу.

Если бы меня не схватили, если бы я что-то заподозрила при виде уборщика у комнаты моего дедушки, если бы лучше отбивалась и была сильнее...

Если бы, если бы, если бы, тогда с Айви всё было бы в порядке.

Следующий день начался и закончился. Я не могла подняться на ноги.

Если бы я не пошла на правительственный ужин, Айви не сорвалась бы и не отправила бы меня в Бостон. А если бы я не улетела в Бостон, я находилась бы не возле комнаты моего дедушки, а в частной школе, охраняемой лучше, чем некоторые консульства.

Если бы, если бы, если бы...

Вивви пыталась заставить меня сесть, но я не могла пошевелиться, не могла оторвать взгляд от часов. Словно мазохист, я наблюдала за тем, как ползут минуты, приближая последние часы Айви.

В какой-то момент Вивви подошла к двери. Я слышала голоса, но не свела глаз с часов.

— Тэсс, — судя по голосу Вивви, она произнесла моё имя не один раз.

Я моргнула. Вдобавок к телохранителю Вивви, к нам присоединилась ещё троица гостей: Ашер, Генри и женщина, почти наверняка бывшая его телохранителем.

Ашер опустился на диван рядом со мной. Во мне не было сил даже для того, чтобы столкнуть его на пол.

— Вивви нам рассказала, — Генри не стал уточнять, что именно им рассказала Вивви.

Если бы, если бы, если бы...

— Я сожалею о том, что произошло с твоей сестрой, — сказал мне Генри. — Как бы там ни было, думаю, у неё есть что-то вроде плана.

По моему телу пронеслась волна гнева, а с ней вернулся и мой голос.

— А ты большой специалист, да? По Айви? Ей нельзя доверять и всё такое?

— Тэсс, — Генри опустился рядом со мной на колени. — Ты должна знать, что я никогда не желал...

— Не желал? — я села, а затем вскочила на ноги. Мне было плевать, останется ли он стоять на коленях. — Это всё из-за тебя, — сказала я Генри. — Если бы ты не стал болтать с журналистом, если бы не пошел на правительственный ужин, я могла бы остаться здесь, в Вашингтоне! Меня могли не похитить, и Айви не пришлось бы обменивать себя на меня. Это всё из-за тебя, — повторила я.

Генри поднялся на ноги и сделал шаг назад.

— Эй! — возразил Ашер, но я почти его не слышала.

— Это всё из-за нас, — произнесла я, глядя Генри прямо в глаза. — Она умрёт. Из-за меня. Меня...

Генри замер.

— Ты была права, — сказал он. — Вيني меня. Если тебе нужно кого-то винить, вيني меня.

Если бы, если бы, если бы...

— Она даже не позволила мне попрощаться, — я звучала крохотной, сломленной и слабой. Я не знала, как это изменить.

— Нет, — с силой небольшого урагана выпалила Вивви. — Ты не можешь винить себя, — её голос вибрировал эмоциями, которые были мне слишком хорошо знакомы. — Винить себя легко. Как и других людей. Думаешь, я не думаю о том, что если бы я промолчала, если бы держала рот на замке, мой отец был бы жив? Думаешь, мне не было бы проще ненавидеть себя за это? Ненавидеть тебя и Айви? У тебя есть выбор, Тэсс, и ты не

можешь пойти по легкому пути. Если ты сдашься, если не сможешь это пережить — как могу я? — в её глазах сверкали слёзы, но она не стала плакать. — Ты не имеешь права выпасть из жизни. Не имеешь права сдать. Ты не можешь.

Мои глаза вернулись к часам. Сколько времени оставалось у Айви?

— Я не хочу сдаваться, — мягко произнесла я, — но какой у меня выбор?

— Что бы сделала твоя сестра? — вопрос Ашера причинил мне боль, но я не стала от неё прятаться — я приняла её. Я позволила себе почувствовать боль, а затем заставила себя использовать её.

Что бы сделала Айви?

— Она нашла бы способ решить эту проблему, — твёрдо произнесла я. Но как? Если бы Айви могла разобраться с этой ситуацией, она сделала бы это, когда меня похитили. Какие шансы были у меня, если самый известный фиксер в Вашингтоне не смог найти выхода, не рискуя расстаться с жизнью?

— Я не могу заставить президента передумать, — размышляя вслух, произнесла я. Я старалась почувствовать Айви, старалась стать ней, доказать, что во мне есть что-то от неё. — Я могла бы попытаться поговорить с Первой Леди, но не думаю, что смогу с ней встретиться. Все слишком заняты поисками Айви.

— Что остается? — негромко произнёс Генри.

Я выдохнула.

— Кто, кроме президента, может помиловать человека?

Ашер поднял указательный палец.

— Губернатор штата, в котором проходит суд.

Я взглянула на Вивви.

— Не думаю, что в Хардвик ходит племянник губернатора Аризоны?

Она покачала головой.

— Как насчёт Уильяма Кейса? — спросил Генри. — Моя мать называла его создателем королей. Его поддержка может создать или сломать политическую карьеру. Если губернатор захочет перед ним выслужиться...

— Адам уже просил его о помощи, — вмешалась я. — Кейс ненавидит Айви. Он и пальцем не пошевелит.

Мой отец собирает вещи: информацию, людей, материал для шантажа. Голос Адама эхом отдавался в моём сознании. Он не стал бы просить своего отца о помощи, если бы не был уверен в том, что он может помочь.

— По моему опыту, — задумчиво произнёс Ашер, — иногда «я не буду тебе помогать, Ашер» значит «сделай предложение получше».

Я была почти уверена в том, что он говорил об Эмилии, но я отложила эту мысль. *Чего хочет Кейс? Что я могу ему предложить?* Он хотел, чтобы Пирс занял пост в Верховном Суде, но Пирс был мёртв. Я постаралась вспомнить подслушанный мною разговор Уильяма Кейса с Адамом. *Он хочет, чтобы Адам ушел со службы и баллотировался в Сенат.* Я обдумала эту мысль. *Он думает, что однажды Адам может быть президентом.*

Айви сказала, что «создателями королей» были люди с достаточным количеством денег и власти, чтобы повлиять на результаты выборов. Но — по какой либо причине — они не могли сами баллотироваться на должности в правительстве. Я не знала, почему Уильям Кейс не мог — или не хотел — выдвигать свою кандидатуру на выборы, но я знала, что он хотел делать нечто большее, чем командовать событиями из-за кулис.

Он хотел, чтобы его сын сделал то, чего не мог сделать он сам.

Уильям Кейс хотел наследия.

В моей голове начал складываться план. Возможно, Адам неправильно подошел к делу.

Возможно, ему не стоило просить своего отца о помощи.

Возможно, ему стоило попробовать шантаж.

Уильям Кейс жил в Вирджинии. Его дом — явно не единственный — скорее походил на дворец. Охранники не хотели пропускать меня через ворота, но я умею быть очень убедительной.

В конце концов, у Уильяма Кейса было слабое место, и я смогла ударить по нему всего четырьмя словами: «Это касается вашего сына».

Остальные ждали снаружи. Спустя пятнадцать минут после того, как меня впустили в дом Кейсов и отправили в комнату, походящую на формальную библиотеку, пожилой мужчина присоединился ко мне.

— Ты, — несколько секунд спустя произнёс он, — меня удивляешь.

По его тону было сложно понять — комплимент это или жалоба.

— Пока что я вас не удивила, — ответила я. — Но очень скоро удивлю.

Мужчина выглядел немного заинтригованным.

— Твоя сестра этого не одобрила бы, — шагая ко мне, произнёс он. Мне показалось, что ему нравится надо мной возвышаться, пусть я и была невысокой.

Врага всегда можно сделать меньшим.

— Айви удерживает в заложниках мятежный агент личной охраны президента, — напрямик сказала я. — Он требует у президента Нолана выкуп.

— Он не станет вести переговоры, — уголки губ Кейса изогнулись. Не улыбка, но и не гримаса.

— К её груди приклеена бомба, — я говорила спокойно, но не могла скрыть напряжение в голосе. — Если вам не удастся заставить губернатора Аризоны дать помилование, она умрёт.

Ровно три секунды тишины спустя Уильям Кейс сел напротив меня.

— С чего ты взяла, что я могу повлиять на губернатора Аризоны?

— Если не можете, то знаете кого-то, кто может.

На этот раз он улыбнулся.

— Ты, — с нажимом произнёс он, — точная копия своей сестры.

По его словам я понимала, что когда-то он был привязан к Айви. Кажется, Кейс понял это и замер, явно не желая об этом вспоминать.

— К сожалению, — облокачиваясь на спинку стула, продолжил он, — твоя сестра больше меня не заботит. Она усадила Нолана в Белый Дом. Она явно ценит его мнение выше моего.

Какая бы вражда не существовала между Кейсом и президентом, он никогда не простит Айви за то, что она помогла Питеру Нолану оказаться в Белом Доме.

К счастью, я пришла не молить о прощении.

— Она мне не сестра, — я позволила ему усвоить смысл этих слов, зная, что он не ожидал этого — не ожидал такого от меня. — Она моя мать, и не думаю, что вы хотите, чтобы кто-то узнал, кто мой отец.

Вмиг Кейс снова поднялся на ноги.

— Что вы пытаетесь сказать, юная леди?

— Я пытаюсь сказать, что Айви забеременела, когда ей было семнадцать. Тот, от кого

она забеременела, был молод и недавно поступил на военную службу. Она скрыла беременность и отдала меня на воспитание своим родителям. А ещё я пытаюсь сказать, что с тех самых пор, как я приехала в этот город, Айви делала всё, что можно, чтобы вы не смотрели на меня слишком внимательно.

Теперь Кейс уставился на меня, словно он мог заглянуть в мои клетки и разобрать мою ДНК на части.

— Как давно знакомы Айви и Адам? — спросила я у него. Я не стала ждать ответа и задала следующий вопрос. — Вы знали, что он учит меня водить? Или, что когда он впервые увидел меня, он выглядел так, словно земля ушла у него из-под ног?

Старик остановился у стула, где он сидел всего несколько минут назад. Его руки сжались на спинке так сильно, что его костяшки побелили.

— Вы знали, — медленно произнесла я, — что я слышала, как Адам говорил Айви, что привезти меня в Вашингтон было ошибкой, потому что она нажила себе врага в вашем лице? Я слышала, как вы говорили, что Айви забралась Адаму под кожу, что вы не знаете, как ей это удалось. У меня есть теория.

Кейс сделал шаг вперед.

— Ты думаешь, что Адам — твой отец.

В его словах звучала ярость, словно вся его решительность и сила ушла на то, чтобы выдать эту фразу.

— Я спросила у него, — произнесла я. — Он этого не отрицал. Чтобы узнать наверняка, нужно сделать тест ДНК, но проведение такого теста может вызвать вопросы, — я сделала паузу. — Вы всё ещё надеетесь, что однажды Адам уйдет со службы и займется политикой.

Уильям Кейс почти не обращал на меня внимания, но я наблюдала за ним. Я слышала его слова. Я знала инстинктивно, как добраться до его сердца.

— У вас есть планы на Адама, — сказала я, — и сомневаюсь, что я в них вписываюсь.

— Ты пытаешься меня шантажировать? — спросил Кейс. Мне почти показалось, что он звучит довольным.

— Я предпочитаю думать об этом, как о переговорах, — сказала я. — Однажды вы хотите увидеть своего сына в Овальном кабинете, а я хочу, чтобы губернатор Аризоны либо помиловал, либо отказался казнить сына Дэмиена Костаса.

Раскрыв карты, я понимала, что всё может пойти не так. Уильям Кейс может отказаться делать то, о чём я прошу. Адам может даже не быть моим отцом.

Это должно было сработать.

Ради Айви.

— Когда ты родилась? — требовательно спросил Кейс. Три слова — и то, как сосредоточенно он изучал черты моего лица — показывало, что он не собирался верить мне на слово.

Я с этим справлюсь. Я должна справиться.

Я рассказала ему, когда я родилась, а затем — где. Я снова сказала ему о том, что сказала мне Айви: мой отец был молод и недавно поступил на военную службу.

— Адам поступил на службу после колледжа, — хватка Уильяма на спинке стула слегка ослабилась. — Он встретил твою сестру, когда приехал домой в увольнение. Тогда ей было двадцать.

Я почувствовала себя воздушным шариком, который поцарапали ножом. На миг моя грудная клетка напряглась, словно я могу взорваться, а затем из меня исчез весь задор. Это

был мой последний шанс.

Это должно было спасти Айви.

Адам встретил Айви уже после моего рождения. Заставляя себя усвоить эту мысль, я осознала, что я не просто думала, что Адам был моим отцом, не просто верила в это — я этого хотела.

Если Кейс сказал правду, Адам не был моим отцом. Для него я была всего лишь дочерью Айви.

Я встала и резко обернулась к выходу.

— Предлагаю тебе сесть обратно.

Я замерла, но не села.

— Тэсс, правильно? — подойдя ко мне, спросил пожилой мужчина. — Сокращенно от Тэссы?

Я гадала о том, какую игру он затеял.

— Тереза, — наконец ответила я.

Кейс внимательно изучал меня.

— Мою покойную жену звали Тереза.

Игра изменилась — но я не знала, как именно.

— Я всё никак не мог понять, как Адам познакомился с Айви, — продолжил Уильям Кейс. — Она училась в Джорджтауне. Он ездил с ней повидаться. Все эти годы я гадал, были ли между ними романтические чувства, — он сделал паузу. — Но теперь я вижу, что их не было. И не могло быть.

Он подошел к полке на противоположной стороне комнаты и вернулся с фотографией. На ней были запечатлены два молодых парня. На лице старшего застыло серьезное выражение. Адам. У младшего парня были темные волосы, всего на оттенок светлее черных. Он смеялся.

Его глаза были карими — знакомая смесь коричневого и зеленого.

— Ты на него похожа, — произнес Уильям Кейс. Я понятия не имела о том, что он чувствовал. Я не могла оторвать взгляд от фотографии — от мальчика.

— Адам сказал, что у него был брат, — медленно произнесла я. Меня окатило воспоминание. — Во время нашей первой встречи Адам сказал, что у него был брат.

Он сказал, что его брата никогда не заботила школа, что он предпочитал проводить время на природе.

Совсем как я.

— Знаешь, что я думаю, Тэсс? — спросил Кейс, опуская фотографию. — Думаю, мой младший сын познакомился с Айви в учебном лагере. Думаю, они были молоды и глупы, а возможно, даже влюблены. Таким уж был Томми. Он отдавался чувствам.

Был, — глухо подумала я. — *Таким уж был Томми.* Прошедшее время ударило меня едва ли не с физической силой.

— Я говорил ему не идти на службу. Говорил поступить в колледж. Он мог бы стать офицером — но он не послушался, — Кейс провёл рукой по волосам. — Адам считает, что я оттолкнул Томми. Что своим запретом я подтолкнул его к армии. Томми погиб. Я потерял обоих сыновей, — предложение создателя королей становилось всё короче. — А потом появилась Айви.

Отец Адама — отец Томми — принялся измерять комнату шагами. Я наблюдала за ним, чувствуя себя так, словно наблюдаю за самой собой. Я смотрела на Адама, гадая о том, было

ли во мне что-то от него. Но теперь я знала.

Это был не Адам.

Это никогда не был Адам.

— Должно быть, Адам знал, что Томми с кем-то встречался, — чуть громче произнёс Кейс. — И каким-то образом он узнал о тебе.

Обо мне. В моём мозгу осколки сложились в единое целое. Всё это время Адам смотрел на меня так, словно я напоминаю ему о ком-то — я считала, что напоминаю ему об Айви.

Но что, если я ошибалась?

Что, если когда он кричал на меня, когда говорил, что семья не сбегает в сложные времена — что, если в эти моменты я напоминала ему его брата?

Его мёртвого брата. Я столько всего потеряла за несколько прошлых недель: дедушку, мой дом, мою личность, тех, кого я считала родителями, Айви. Однажды на уроке английского я читала стих о том, каково это — достичь высот в искусстве потерь.

Я была в этом мастером.

А теперь — теперь я никогда не смогу узнать своего отца. Я никогда его не встречу, никогда не узнаю, видел бы он во мне свои черты, хотел бы он меня.

Любил бы он меня.

Я не могла здесь оставаться. Я зашагала к двери, понятия не имея о том, что буду делать, когда выйду из этого дома. Я рискнула и проиграла, а теперь я действительно стану сиротой. Томми был мертв, а Айви...

Костас её убьёт.

Я пыталась.

— Задержитесь, юная леди, — рявкнул Кейс, когда моя рука опустилась на дверную ручку.

— Почему? — спросила я, оборачиваясь. Мои эмоции застыли между скорбью и притаившейся злостью. — Если бы моим отцом был Адам, я могла бы что-то вам предложить. Но мой отец мёртв. Мертвецы не выигрывают выборы.

Всем плевать на то, что у мертвого мужчины есть внебрачный ребенок.

Мой отец мёртв. Эти слова причиняли мне боль. Я видела его всего раз, на фотографии, но мне было больно. *Айви может умереть. Я не спасла её.*

Всего раз в жизни я хотела кого-то спасти.

— Не важно, что тебе наговорили Айви и мой сын, — Кейс пересёк комнату и остановился рядом со мной, — я недостаточно бессердечный, чтобы отослать свою единственную внучку.

Его внучка. Его слова звучали почти безумно, словно я была невероятно важна.

Моё сердце сжалось.

— Вы это сделаете? — боясь надеяться на положительный ответ, спросила я. — Вы организуете помилование?

Вы спасёте Айви?

Уильям Кейс — мой дед по отцовской линии — коснулся моего подбородка. Он склонил моё лицо к своему.

— Зависит от того, — сказал он, — сделаешь ли ты то, о чём я попрошу.

По возвращению в номер Вивви я рассказала остальным заключенной мной сделке и принялась ждать. Наконец, Ашеру пришло сообщение от сестры. Не произнеся ни слова, он включил новости.

На телевидение симпатичная азиатская журналистка глядела прямо в камеру. Её волосы развивались на ветру.

— Повторяю, я нахожусь у Монумента Вашингтона, который окружает ударная группа. Насколько мы знаем, здесь удерживают заложника, — камеру перевели на оцепление, за которым собрались две дюжины вооруженных до зубов людей.

— Айви, — прошептала я. Она должна быть в порядке. Должна. *Ты должна с этим справиться*, — свирепо подумала я. — *Ты должна, Айви. Я не прошу тебя, если ты не выживешь.*

Я не могла оторвать глаз от вооруженных людей на экране.

Генри сел рядом со мной.

— Рискну предположить, что Костас решил сделать так, чтобы президенту было сложнее игнорировать его требования, — сказал он.

Айви обещала Костасу, что расскажет ему, как именно разобраться с этой ситуацией. Я гадала о том, было ли привлечение прессы её идеей.

Я буду вечно тебя ненавидеть, если ты меня покинешь, Айви, — подумала я, желая, чтобы она могла слышать меня. В моих глазах не было слёз. Моё горло пересохло. У меня не осталось ничего, кроме бесконечно повторяющихся в моей голове слов. *Я всё сделала правильно. Я всё исправила. Помощь уже в пути.*

Она не имеет права снова меня оставить.

Журналистка продолжила сообщать нам информацию. Монумент Вашингтона был закрыт для ремонтных работ. Никто не знал, сколько внутри людей, но там была бомба.

Бомба на груди Айви.

Я взглянула на часы на стене, словно они могли подсказать мне, когда состоится сделка, которую я заключила с Кейсом. Даже человеку, управлявшему событиями, нужно было время на то, чтобы помилование губернатора появилось из ниоткуда.

Время, которого могло не быть у Айви.

— Нам не обязательно это смотреть, — Вивви потянулась за пультом. Я отодвинула его.

— Нет, — просто сказала я, — обязательно.

Мы четверо сидели рядом, не сводя глаз с экрана. Вивви взяла меня за руку. К моему удивлению, то же самое сделал и Генри.

Я вцепилась в них — словно человек, висящий на краю небоскреба; словно утопающий, тянущийся к руке, которая может вытащить его на берег.

Журналисты не могли подойти слишком близко. Вдалеке виднелись очертания Капитолия. Ударная группа, ФБР... Я не знала, кто ещё был там. Кто ещё пытался уговорить похитителя Айви отпустить её и не взрывать бомбу.

Если бы это касалось только неё, если бы об этом не знала пресса, они позволили бы ей умереть? Они бы скрыли это? Мне было больно спрашивать себя об этом. А ещё больнее было осознавать, что ответом на мои вопросы, скорее всего, было «да».

— Джон! — женщина на экране возбужденно обратилась к ведущему новостей. — Что-то происходит. Что-то точно происходит.

Вдалеке, за оцеплением появилось какое-то движение. Люди подняли пистолеты. Открылась дверь. Я не могла различить лица.

Мой телефон завибрировал, сообщая мне о новом сообщении. «Сделано. У.К». Уильям Кейс.

Я перестала дышать. Перестала моргать. Перестала думать и надеяться.

Я просто сидела и наблюдала за тем, как журналистка кричала в камеру, что кто-то выходит из здания.

— Подтверждено, что заложник — женщина, — сказала журналистка. — До нас доходят неподтвержденные сообщения о том, что бомба закреплена на её груди скотчем.

Я ничего не видела. Я не понимала, что происходит. На экране мелькнуло движение.

— Я её не вижу, — тяжело дыша, произнесла я. — Я её не вижу.

Я не слышала, что мне ответили. В моих ушах звенело. Внезапно, я оказалась на ногах, хоть я и не помнила, как вставала.

— Заложница в безопасности, — неожиданно произнесла журналистка. — Повторяю, Джон, мы слышим сообщения о том, что бомбу обезвредили и заложница в безопасности.

Я не расслабилась. Я не могла дышать. Я не могла поверить в её слова — а затем камера переместилась. Изображение приблизилось, и всего на миг я увидела её. Айви.

Изображение было нечетким. Мне удалось разглядеть лишь её волосы и некоторые черты её лица, но по её движениям я поняла — это была Айви.

Я опустилась на диван. *Сделано*, — вот, что гласило сообщение. Костас получил то, чего хотел. Он отпустил Айви. Не из-за президента, не из-за переговоров, не из-за ударной группы или ФБР.

А потому что он узнал, что его сына помиловали.

Благодаря Уильяму Кейсу.

Благодаря мне.

— Она у них, — неспешно произнесла Вивви, словно она ещё не верила в это. — Она в порядке.

Какая-то часть меня не могла в это поверить. Эта часть меня не сможет поверить, что всё кончилось, пока Айви не окажется здесь, со мной.

— Преступник выходит из здания, — вдруг произнесла журналистка. — Повторяю, преступник выходит.

Я так и не увидела, как Костас шагнул на улицу с поднятыми руками. Что-то заслоняло вид. Я так и не увидела, как он сдается.

Но я слышала, как через миг прозвучал выстрел.

Я слышала крики и хаос.

И сообщение о том, что преступник был мёртв.

ФБР — или охрана президента, или Национальная безопасности, или Белый Дом, я не знала наверняка — удерживало Айви почти сутки. Видимо, они позволили ей добраться до компьютера, так что её страховка не проявила себя, но они не подпускали её к телефонам. Я знала это, потому что, в глубине души, я была уверена — если бы у неё был телефон, она бы мне позвонила.

Вместо этого мне позвонил Боди. С Айви всё было в порядке. Костас и правда был мёртв — застрелен разрывной пулей, прежде чем кто-либо успел увидеть его лицо. Тех, кто знал, кем он был, можно было пересчитать по пальцам — именно поэтому они не сразу отпустили Айви. *Это*, — сказали они Боди, — *дело национальной важности*.

Они хотели согласовать свои истории. Я была почти уверена, что когда раскроют имя погибшего преступника, оно будет нам незнакомо.

Майор Бхарани был мёртв. Судья Пирс был мёртв. А теперь и Костас.

Некого отдавать под суд — и никто больше не сможет рассказать эту историю, кроме нас с Генри, Ашером и Вивви. Белый Дом хотел умолчать об этом.

Все виновные были мертвы, и я не собиралась рассказывать ни слова — ради безопасности Вивви и своей собственной. Что-то подсказывало мне, что Генри поступит также. Он похоронит эту тайну, скроет её в глубинах своего разума, где он хранил самые болезненные секреты. Секреты, которые могли навредить тем, кого он любил.

Я гадала о том, будет ли он ненавидеть Айви и за это.

И о том, действительно ли он сердился именно на Айви.

С Айви всё в порядке. Я снова и снова говорила себе об этом. Она в порядке. В порядке. Она вернется домой. Но не важно, сколько раз я повторяла эти слова, я была уверена в этом лишь на девяносто процентов, пока дверь квартиры Адама не открылась, и я не увидела за ней Айви.

Видимо, они позволили ей привести себя в порядок, потому что выглядела она ничуть не менее безупречно, чем в день, когда она приехала за мной на ранчо. Её светло-коричневые волосы были собраны во французскую косу у основания её шеи.

Она двигалась уверенно.

Я замерла на месте. Айви остановилась в шаге от меня. Я всё ещё сердилась на неё. Она так меня испугала. Столько лет я говорила себе, что мне было на неё плевать; что она не сможет причинить мне боль, если я этого не позволю; что мы совсем не похожи. Но последние сутки стёрли всё это.

Она была частью меня. Под моей кожей, в моей улыбке и в форме моего лица. И она всегда будет для меня важна. Она всегда сможет сделать мне больно. И я ничего не смогу с этим сделать, никак не смогу это изменить.

Она здесь. С ней всё в порядке. Она здесь. Эти слова отбивали ритм в моей голове. Губы Айви едва заметно дрожали. Она сделала шаг в моём направлении, затем ещё один и ещё несколько, пока она не стояла прямо передо мной. И что-то во мне сломалось. Я упала — упала в её руки и сжала её в своих. Я опустила голову на её плечо.

Она — а может я — дрожала.

Но она была настоящей. И с ней всё было хорошо. Я опустила голову к её груди. Она

вдохнула запах моих волос. Я слышала её сердцебиение.

— Тэсси, — вот и всё, что она сказала — моё имя.

Я пробормотала что-то ей в блузку.

— Что? — переспросила Айви.

Я повторила:

— Вообще-то, Тэсс.

В ту ночь я спала в комнате Айви, свернувшись в клубочек рядом с ней на её огромной кровати. Утром я могу на неё злиться. Могу ненавидеть её за все секреты, за всю ложь — но пока что, всего одну ночь, я не собиралась выпускать её из виду.

Кем бы ни была Айви — как для всего мира, так и для меня — мы были семьей. Не только по крови, не только потому, что она отвечала за половину моей ДНК. Мы были семьей, потому что моя любовь к ней всегда будет превышать мою ненависть. Я не могла её потерять. Потому что ради неё я была готова на всё — даже на сделку с дьяволом.

Мы были семьей, потом что ради меня она была готова пройти сквозь огонь.

Очень долгое время мы просто лежали там. Мы обе не спали, обе молчали и даже не касались друг друга.

Я заснула, убаюканная ритмом её дыхания.

Через какое-то время я проснулась. Непроглядная темнота за окном уступала первым ноткам утра. Я лежала в постели Айви в одиночестве. По моим венам, словно лед, пронеслась паника. Но я заставила себя успокоиться и подняться на ноги. Я пересекла квартиру, спустилась по спиральной лестнице в прихожую и заметила свет, исходящий из комнаты для переговоров.

Дверь была приоткрыта. Я толкнула её внутрь. Айви сидела на столе и глядела на стену. Там висело три снимка: судья Пирс, майор Бхарани и Дэмиен Костас.

— Айви? — окликнула её я. Она так внимательно смотрела на фотографии, что, кажется, не заметила, как я вошла. Айви обернулась ко мне. Она дважды моргнула.

— Иногда ты на него похожа, — произнесла она. На её губах играла мягкая улыбка. — На своего отца.

— Ты любила его.

— Любила, — она соскользнула со стола и подошла ко мне. — Иногда, я всё ещё люблю его, — она заправила прядку волос мне за ухо. Я позволила ей это сделать.

— Ты — не моя мать, — произнесла я настолько мягко, насколько только могла. — Не знаю, смогу ли я... Я не знаю, кто ты.

Айви посмотрела мне в глаза.

— Я твоя.

На этот раз мне было не так больно. Тот факт, что я была для неё важна, всё ещё меня ранил; я всё ещё кровоточила изнутри — но на этот раз я не отстранилась.

— Адам рассказал мне, что дедушка попросил тебя уехать, — я не собиралась говорить с ней об этом — но, кажется, у меня больше не будет возможности завести этот разговор. — В то лето, когда мне было тринадцать, и ты предложила мне жить с тобой — Адам сказал, что дедушка попросил тебя уехать.

Айви кивнула. Я заговорила, но она перебила меня.

— Он был прав, Тэсс, но всё остальное? В этом он не виноват. Я не звонила тебе, не была рядом — и это моя вина, — Айви выдохнула. — Я больше не могла быть твоей сестрой,

Тэсс, и это моя вина. После этого я вернулась сюда и завалила себя работой. Я нажила врагов и убедила себя в том, что тебе безопаснее находиться подальше от меня.

Не спрашивая, я знала о том, кем был один из этих врагов.

— Уильям Кейс.

Если Айви и заметила нотку тревоги в моём голосе, она не показала этого.

— Мы поссорились. Он навредил небезразличному мне человеку. Всё кончилось плохо, и я сказала себе, что тебе будет безопаснее, если я буду находиться на расстоянии.

— Ты хотела меня защитить, — *от моего собственного дедушки*, — мысленно добавила я. — *От человека, к которому я обратилась с просьбой спасти тебя.*

— Я хотела тебя защитить, — повторила Айви. Затем она закрыла глаза и слегка опустила голову. — Так я себе говорила. Я убеждала себя в том, что защищаю тебя, но, помоги мне Боже, Тэсс, если быть честной — перед самой собой и перед тобой — я защищала себя, — когда она открыла глаза, я увидела в них злость на саму себя и печаль. Не важно, смогу ли я её простить. Она никогда не простит себя за то, что она собиралась сказать. — Видеть тебя, говорить с тобой и любить тебя — это ломало меня. Однажды ты сказала, что я не знаю, каково это быть бессильной, когда другие решают за тебя — но я знаю, Тэсси. Я позволила решать маме с папой, я позволила решать дедушке, я позволила им забрать тебя — и я поклялась, что больше это не повторится.

Айви была моего возраста, — подумала я. — *Когда она встретила Томми Кейса и забеременела мной, ей было столько же лет, сколько мне сейчас.* Конечно, я знала об этом и раньше, но прежде я не представляла Айви молодой, напуганной — человеком, способным на ошибки. Она была Айви Кендрик. Всё это — не о ней.

— Полагаю, я всегда считала, — мягко произнесла Айви, — что, если я буду достаточно сильной, солидной и успешной — этого будет достаточно. Для тебя. Думала, что, если я буду человеком, который может свернуть горы, то смогу и позаботиться о тебе, — она покачала головой. — Тэсс, тем летом, когда я приехала в Монтану, я думал, что готова. Правда. Я собиралась дать тебе всё. Но дедушка был прав, Тэсси. Я делала это не ради тебя. Ты цвела, ты была счастлива. А я... — слова застряли у неё в горле, но она заставила себя произнести их. — Я была твоей сестрой. Я не могла стать достаточно сильно или успешной. Подходящее время для правды никогда не наступило бы. Ты была счастлива. И ты этого заслуживаешь.

Я никогда не слышала, что бы Айви говорила что-то так жарко, как эти слова. *Ты этого заслуживаешь.*

— Поэтому ты оставила меня там, — её эмоции эхом отдавались в моём голосе.

— Я оставила тебя там, и это меня сломало. Это разрушило меня, и я не знала, как мне вернуться, — несколько секунд Айви молчала, а потом заставила себя продолжить. — Я оставила тебя там ради тебя, но я держалась на расстоянии ради самой себя. Я столько раз ошибалась, но это? — Айви снова покачала головой. — Эта ошибка никогда не исчезнет. Когда я привезла тебя сюда, я думала, что смогу расплатиться за это, что смогу быть тем, кто тебе нужен.

Я должна была что-то ответить. Должна была сказать, что всё в порядке, что я понимаю или что наши отношения никогда не наладятся, а я никогда не пойму её.

— Прямо сейчас, — вместо этого сказала я, — мне просто нужно, чтобы ты была жива.

Теперь я знала, почему она уехала. Знала, почему она не общалась со мной. Когда-нибудь нам придется с этим разобраться — но не сегодня ночью. После того, что произошло за несколько последних дней, я больше не могла чувствовать. Мне так надоело

захлебываться эмоциями. Только на этот раз я хотела краткости. Хотела простоты. Я должна была сосредоточиться на том, что она была жива. Она была рядом.

Сейчас я не могу в этом разобраться, Айви.

— Я думала, что Адам может быть моим отцом, — внезапно произнесла я. Попытка сменить тему сработала.

— Это не он, — тут же произнесла Айви.

Я взглянула ей в глаза.

— Это его брат.

На миг Айви застыла.

— Теперь я понимаю, о чём постоянно говорит Боди, — наконец, сказала она. — Это жутковато, — я подумала было, что на этом она закончит, но это было не так. — Томми был... волнующим, — ей потребовалось несколько секунд, чтобы подобрать слово. — Сплошные движения и эмоции. Он вечно был в движении и никогда не переставал чувствовать. Он был упрямым, верным и никогда не думала о последствиях своих поступков.

— Значит это у меня от него, — я хотела пошутить, но затем я снова подумала об этих словах. *Это у меня от него.*

Айви протянула ко мне руку и сжала моё плечо, а потом повернулась к фотографиям на стене.

— Для чего всё это? — ещё одна смена темы — на этот раз, менее удачная. В ответ на молчание Айви сработал мой внутренний радар. — Айви?

Я указала на фотографии на стене. Судья Пирс. Майор Бхарани. Дэмиен Костас. Дело было окончено. Так почему Айви сидела здесь, глядя на снимки этих троих?

— Ничего, — ответила Айви и шагнула к стене, чтобы снять с ней фотографии.

— Ладно, — сказала я. Ничего не мешало бы Айви спать по ночам. — Расскажи мне.

Айви уже пыталась скрывать от меня происходящее, и ничем хорошим это не кончилось. Возможно, она наконец-то поняла это, а может быть, она слишком вымоталась для споров. Она опустила руки от первой фотографии, оставляя её на стене. Через секунду, она заговорила.

— После того, как Костас узнал, что его сына помиловали, он отпустил меня, — Айви закрыла глаза, и я знала, что она думает об этом моменте. — Он вышел из здания. Он не был опасен, не был вооружен. Он собирался сдать, так зачем стрелять? — Айви опустила взгляд на свои ладони. — Мы говорим о натренированных людях, которые отлично умеют вести переговоры, Тэсс. Они не могли в него выстрелить.

Она обернулась к стене. К фотографиям. Судья. Хирург. Телохранитель президента.

— Костас убил Бхарани, когда тот стал помехой, — произнесла Айви. — Костас убил Пирса, когда он отказался исполнять свою часть сделки.

Я поняла, о чём она говорит, и озвучила вопрос.

— Тогда кто убил Костаса?

Кто выстрелил в него? Предположительно, агент ударной группы, но...

— Кто убил Костаса? — перебивая мои размышления, повторила Айви. — Или, — добавила она, — кто отдал приказ?

Взгляд Айви скользнул к столу. На нём лежала тетрадь, а в ней был список.

Имена.

Мысленно я вернулась к нашему разговору с Генри. *На одноразовом телефоне был ещё один номер,* — сказал он. — *А значит, в это вовлечен как минимум ещё один человек.*

Как минимум.

Много раз я думала о том, что мы ищем либо человека, отравившего дедушку Генри, либо человека, у которого была возможность протолкнуть кандидатуру Пирса на эту должность. Но мне и в голову не приходило, что, возможно, мы ищем их обоих.

— Ты думаешь, что в этом замешан кто-то ещё, — сказала я. Айви никак не ответила на мои слова. — Костас убил отца Вивви, потому что он был помехой, но, когда сына Костаса помиловали...

Костас сказал мне, что не собирался уходить от наказания. Он говорил о чести.

Костас был помехой, — сама того не желая, подумала я. — Возможно, личного охранника президента застрелил не в меру рьяный полицейский. А возможно, кому-то из ударной группы было приказано убедиться в том, что Костас не выйдет из здания живым.

В этом плане будет смысл, только если Пирс будет уверен, что его кандидатуру выдвинут на должность — иначе он не стоит риска.

У Костаса не было подобной власти. И когда я спросила у него, был ли Пирс организатором всего этого, он не ответил. Он замер с неясным выражением на лице.

Не потому что он думал о Пирсе. А потому что он думал о ком-то другом.

— Пирс был поставлен в известность о моей проблеме, — сказала я Айви. — Это слова Костаса. Он не сказал, что Пирс догадался о ней, не сказал, что он всё спланировал. Пирс был поставлен в известность о моей проблеме.

Но кто ему рассказал? Я вспомнила о телефоне, который Костас сломал напополам. Телефон-раскладушка, явно одноразовый. Так у кого мог быть номер? Кто ему звонил?

Мои глаза вернулись к списку Айви. В нём было где-то с дюжину имен, но я видела только одно.

Имя моего деда.

— Ты говорила, что проверила Уильяма Кейса, — сказала я Айви, чувствуя, как в моём желудке зарождается страх. — Ты сказала, что Кейс не хотел смерти судьи Маркетта.

Айви закрыла тетрадь, прежде чем я успела прочитать другие имена.

— Тебе не о чём волноваться, — сказала она, снова сжимая мою руку. — Давай вернемся в постель.

Судья. Врач в Белом Доме. Телохранитель президента.

С тех пор, как Айви заставила меня задумать об этом, я никак не могла выбросить эти мысли из головы. Все ли люди, ответственные за убийство Теодора Маркетта, были мертвы? И, если это было не так, кто всё ещё оставался на свободе?

Судья Пирс пошел на это ради должности. Отец Вивви — ради денег. Костас сделал это ради своего сына.

Если с ними был кто-то ещё — человек, который должен был продвинуть кандидатуру Пирса на должность, человек, звонков которого избегал Костас — что этот человек мог получить из всего этого?

Я не рассказала об этих мыслях Генри. Или Вивви. Наши жизни постепенно возвращались к норме. В понедельник, по возвращению в Хардвик, фабрика сплетен работала в полную силу. Имя заложницы было раскрыто. Все хотели узнать о произошедшем из первых рук — но мне неплохо удавалось разубеждать людей задавать мне вопросы.

Мне вообще неплохо удавалось разубеждать.

Когда ученица подошла ко мне и заявила, что кто-то портит её оценки, я поняла, что шумиха затихает. Никто кроме Вивви, Генри и Ашера не знал о том, какую роль я сыграла в освобождении Айви, но от устоявшегося мнения о том, что Тэсс Кендрик решает проблемы в Хардвике, было не сбежать.

Через неделю после того, как я получила первое сообщение от Уильяма Кейса, пришло второе. Он исполнил свою часть сделки. Настал мой черед.

— Ты в порядке? — спросила у меня Вивви, и я вспомнила о том, как она снова и снова спрашивала об этом в мой первый день в Хардвике.

— Я только что получила королевский указ от моего деда — он заберет меня после школы, — ответила я.

Слово «дед» казалось мне незнакомым, словно я неправильно его произносила. Моим дедом был дедушка, но Уильям Кейс? Он был одним из самых богатых людей в стране. Он был создателем королей, влиятельным врагом и влиятельным другом.

Его имя было в списке Айви.

— Чего именно старик хотел от тебя? — Ашер подтянулся к нам в коридоре по пути к выходу.

— Не считая пресс-конференции, объявляющей миру о моём существовании? — спросила я, не показывая того, о чём я думала на самом деле. — Ужинать с ним каждую неделю, право голоса в выборе моего образования, позволить ему открыть для меня трастовый фонд и... — остаток фразы я неразборчиво пробормотала.

— Ты меняешь фамилию? — переспросил Ашер.

— Когда-то ты сказала, что твоя сестра не ладит с Кейсом, — настал черед Генри присоединиться к разговору. — Надеюсь, ты преувеличивала, — мы не были друзьями, но мы через многое прошли — он был со мной, когда я ждала новостей об Айви; а я была единственной, кому он рассказал о своём отце.

Иногда я замечала, что он на меня смотрит, и думала о том, что, возможно, он тоже знает мои секреты.

— Не преувеличивала, — сказала я Генри. — Когда Айви узнает, что я обратилась за помощью к Уильяму Кейсу, когда узнает, что я ему пообещала...

Разговор будет не из приятных. Но учитывая то, что Айви всё ещё не спала по ночам и проводила их, запершись в своём кабинете; учитывая то, что она считала, что в заговоре участвовал кто-то ещё, а имя моего деда было в списке подозреваемых — она меня убьёт.

Мы добрались до выхода. Ашер толкнул дверь.

— Дамы, — галантно поклонившись, произнёс он, — после вас.

Я шагнула в солнечный свет и тут же замерла. У тротуара ждал лимузин, а рядом с ним стоял Уильям Кейс. Человек, который, по словам первой леди, не умеет прощать. Его называли жестоким и опасным. Он ценил семью и хотел иметь наследие.

Человек, глядевший на меня жадным взглядом, говорящим о том, что этим наследием могу стать я.

— Ты будешь о нас вспоминать, когда станешь пафосной? — спросил у меня Ашер. Я толкнула его. Вокруг нас школьники останавливались, чтобы взглянуть на Кейса. Их внимание привлекал не лимузин. А мужчина.

Сестра Ашера подлетала к нам четверым, словно снаряд, попавший прямо в цель.

— Это Уильям Кейс, — сказала Ашеру Эмилия. — Что здесь делает Уильям Кейс?

Генри, Ашер и Вивви взглянули на меня.

Тишину нарушил Ашер.

— Ты знакома с моей подругой? — спросил он у Эмилии. — Тэсс Кейс.

Эмилия замерла на месте. Ашер произнёс это достаточно громко, чтобы его слова расслышали ещё несколько человек. Мой старый добрый друг Джон Томас Уилкокс выглядел так, словно он проглотил червя.

На заметку, — подумала я, — убить Ашера. Но через миг у меня появились проблемы поважнее. Видимо, сегодня Боди приехал за мной не в одиночку.

С ним приехала Айви.

— В укрытие, — кашлянул Боди — вот и всё предупреждение, прежде чем Айви поймала меня на пути к лимузину и стоявшему у него мужчине.

— Тэсс, — спокойно произнесла она.

— Да?

— Что здесь делает отец Адама?

Я взглянула на Боди, но его взгляд явно дал мне понять, что помощи ждать не стоило.

— Что здесь делает отец Адама? — повторила Айви.

Похоже, я не могла облегчить это.

— По-видимому, он решил подвести меня домой из школы.

Вокруг нас собралось столько зрителей, что Айви пришлось понизить голос.

— И с чего бы Уильяму Кейсу это делать?

— Потому что он знает, — ответила я. — О Томми. Обо мне.

Айви наверняка подозревала это, но всё же, когда я произнесла эти слова, её ноздри едва заметно раздулись.

— Нам нужно было помилование, — сказала я так тихо, что меня не мог слышать никто, кроме Айви. — Я сделала, что должна была для того, чтобы ты вернулась домой живой.

Я об этом не сожалела. Не важно, кем — или чем — мог быть мой дед по отцовской линии, я об этом не сожалела.

— Айви, — к нам шагнул Уильям Кейс. Он поприветствовал Айви улыбкой кота, пожирающего канарейку. — Хорошо выглядишь.

— Что вы здесь делаете? — спросила она у него.

Он улыбнулся.

— Забираю свою внучку из школы.

Айви забыла о том, что она не должна повышать голос.

— Я хочу, чтобы вы держались от неё подальше. У вас нет прав...

— Я буду держаться от неё подальше, когда она попросит меня об этом, — ответил Уильям Кейс.

Айви посмотрела на меня.

— Тереза, — негромко произнесла она. — Тэсс Кендрик. Скажи ему.

Его имя было в списке. Но там были и другие имена.

— Я дала ему слово, — сказала я. Такую сделку я заключила: участие создателя королей в моей жизни взамен на спасение Айви.

И я бы заключила её снова.

— В этом бизнесе, — сказал Айви Кейс, всё ещё выглядя чрезвычайно довольным собой, — слово — самое ценное, что есть у человека.

Он указал на лимузин, и я шагнула к нему.

— Чего вы хотите? — спросила Айви у человека, на которого когда-то работала. — Что вам нужно от моей дочери?

— Того же, чего хотел всегда, дорогая, — ответил Уильям. — Наследника.

В отличие от нас, он не собирался понижать голос. Вокруг нас гудели школьники.

— Кстати, — сказал Айви создатель королей, — её зовут не Тэсс Кендрик. Она собирается сменить имя... На Тэсс Кендрик Кейс, — он самодовольно улыбнулся. — Завтра милая статья о ней — и её покойном отце, упокой Господи его душу — появится в «Washington Post».

В кои-то веки у Айви не было слов.

Кто-то сфотографировал нас троих на телефон. Кейс открыл дверцу лимузина. В последний раз взглянув на Айви, я забралась внутрь. Мой дед по отцовской линии последовал за мной.

— Айви меня убьёт, — сказала я.

— Ты — Кейс, — ровно ответил он. — Мы всегда думаем на пять шагов вперед. Уверен, ты с этим справишься.

Когда лимузин отъехал от Хардвика, я видела, как Айви размышляет, стараясь найти способ исправить всё это — и, вероятно, обдумывая мою скоропостижную кончину. Я подумала о судьбе Маркетте и вероятности того, что в его смерти был виноват кто-то ещё. Человек, которому удалось избежать наказания.

Я подумала о том, что, возможно, этот человек сидел рядом со мной.

А затем я откинулась на спинку сидения и ответила на его слова о том, что я с этим справлюсь:

— Я могу попытаться.

Несколько слов от редактора: вторая часть трилогии есть на английском языке, но переводиться будет после финальной книги Естественных этого же автора. Ориентировано выкладка глав начнется в конце зимы. Выкладка глав финала Естественных начнется с ноября.